

Старец Иоанн Вишенский: афонский подвижник и православный писатель-полемист. Материалы к жизнеописанию блаженной памяти великого старца Иоанна Вишенского Святогорца

С.В. Шумило

Вступительное слово антипросопа Афонского Свято-Пантелеимонова монастыря при Священном Киноте Святой Горы Афон

Вместо предисловия

К 1000-летию древнерусского монашества на Святой Горе Афон

Свято-Пантелеимонов монастырь на Святой Горе Афон
Международный институт афонского наследия в Украине

Старец Иоанн Вишенский: афонский подвижник и православный писатель-полемист. Материалы к жизнеописанию «блаженной памяти великого старца Иоанна Вишенского Святогорца» – К. : Издательский отдел УПЦ, 2016. – 208 с, ил.

Книга посвящена афонскому старцу и православному писателю-полемисту Иоанну Вишенскому (1550-е – 1620-е гг.) – одному из выдающихся отечественных подвижников, сыгравших важную роль в противостоянии польско-католической экспансии и возрождении православия в Украине в XVII веке. В работе впервые на основе малоизвестных архивных документов предпринята попытка воссоздания подробного жизнеописания святогорского старца. Также анализируется его духовно-литературное наследие. В отличие от большинства светских исследователей, автор пытается взглянуть на Иоанна Вишенского и его произведения через призму афонской исихастско-святоотеческой традиции, в рамках которой мыслил, писал и жил подвижник.

Книга снабжена обширным ссылочным аппаратом и будет интересна как специалистам, так и всем интересующимся

церковной историей, литературой и богословием.

Афонский старец Иоанн Вишенский

Вступительное слово антипросопа Афонского Свято-Пантелеимонова монастыря при Священном Киноте Святой Горы Афон

Вступительное слово антипросопа Афонского Свято-Пантелеимонова монастыря при Священном Киноте Святой Горы Афон

Старец Иоанн Вишенский вошел в историю прежде всего как ревностный защитник православной веры и святоотеческого наследия. Его эмоциональные послания проникнуты искренней любовью к древнему благочестию и заветам Отцов Церкви. Своеобразный стиль творений подвижника оказал влияние на развитие украинской полемической литературы конца XVI – начала XVII веков. Однако, несмотря на такую значимость для истории и культуры, фактически мало известно о становлении его личности как православного монаха, подвижника Святой Афонской Горы, оставившего мирскую суету ради Афонского безмолвия и внутреннего уединения во Христе. Стремясь буквально следовать заповедям евангельским, он материальному достатку предпочел нищету духовную, светскому образу жизни – суровый пещерный затвор, внешней мудрости – духовное возрастание в познании Божественной истины через смирение, послушание, молитву и аскезу. Именно из этой духовной сокровищницы он и черпал вдохновение для создания своих посланий, благодаря чему они сохраняют духовную актуальность и доныне.

Говоря об Иоанне Вишенском как о полемисте, публицисте и писателе, необходимо осознавать, что, прежде всего, он – монах-святогорец, который ушел на Афон с твердым намерением никогда не возвращаться в мир и посвятить оставшуюся жизнь сопребыванию и общению с Богом. Монашеское послушание и духовное делание закалили его природную мудрость, открыли глубину духовного познания и воспитали способность богословствовать не от человеческого разума, но от истин Божественных Писаний, которые преломились в его личном духовном опыте и засияли полнотой

ведения. Взяться за перо и вооружиться, как обоюдоострым мечом, обличительным словом его понудило послушание игумену и патриарху, через которых Сам Господь призвал его на духовную брань с ложью и заблуждением.

Настоящее издание приоткрывает неизвестные ранее страницы Афонского периода жития старца Иоанна Вишенского и является плодом кропотливых трудов автора в архивах Афонских монастырей, в том числе, и Русской обители на Афоне.

Мне очень отрадно осознавать, что свой подвижнический путь на Афоне монах Иоанн начал в Русском Свято-Пантелеимоновом Нагорном монастыре (Старом Русике). Здесь он приобрел свой первый монашеский опыт, духовно закалился в повседневном монашеском святоотеческом послушании. Как убедительно доказал С. Шумило, близкие духовные отношения связывали о. Иоанна с игуменами нашей обители – архимандритами Матфеем и Киприаном Русином, более известным в истории как Киприан Острожанин. Оба они, по особому смотрению Промысла Божия, стали сподвижниками о. Иоанна в борьбе с унией.

Скорее всего, именно игумен Матфей помог Иоанну Вишенскому, с которым они познакомились у князя Константина Острожского во время пребывания о. Матфея на Руси в 1590–1592 годы, прибыть на Святую Гору Афон. Возможно, что в Русском монастыре на Афоне о. Иоанн принял монашеский постриг от руки игумена Матфея. Здесь началась его полемическая деятельность. В архиве нашего монастыря сохранилось послание Иоанна Вишенского «Зачапка мудраго латынника с глупым Русином» (1608–1609), переписанное в XIX веке с более древней рукописи. Впоследствии игумен Матфей, часто бывавший в Юго-Западной Руси и хорошо знакомый с состоянием церковных дел в этом крае, был призван Александрийским патриархом святителем Мелетием (Пигасом), являвшимся в то время местоблюстителем Константинопольского патриаршего престола, для участия в контр-униатском православном Соборе в Бресте в 1596 году. Скорее всего, именно он порекомендовал святителю привлечь к

полемиической борьбе с униатством монаха Иоанна, указав на его образованность и индивидуальные полемиические способности. По благословению патриарха о. Иоанн начинает составлять свои знаменитые послания. В 1598 году послание о. Иоанна «От святое Аеонское горы скитствующих», в составлении которого, возможно, участвовал и игумен Матфей, было издано вместе с посланиями самого святителя Мелетия. Примечательно, что переводчиком на упомянутом контр-униатском Соборе был другой сподвижник Иоанна Вишенского, будущий игумен Русика Киприан Острожанин. Возможно, что на этом Соборе состоялось его первое знакомство с Игуменом Матфеем. Со временем Киприан Острожанин стал одним из приемников игумена Матфея в качестве настоятеля Русского монастыря на Афоне.

Именно в эпоху игуменства Киприана Русина состоялся знаменитый Собор 1621 года, созванный митрополитом Иовом (Борецким), определения которого были изданы под названием «Совѣтование о благочестии». В числе прочих мер значилось установление более тесных духовных связей с Афоном, посылка туда иноков для практики афонского монашеского делания. Этот Собор свидетельствует о значительном вкладе русских святогорцев, и в частности упомянутых нами подвижников Русика игумена Матфея, игумена Киприана Русина и монаха Иоанна Вишенского, в защиту православия и сохранения истинного благочестия в Юго-Западной Руси.

Текстовый разбор посланий Иоанна Вишенского, как свидетельствует Сергей Шумило, показывает, что он очень часто ссылается на Дионисия Ареопагита. Бесспорным историческим фактом является то, что перевод творений Ареопагита на славянский язык осуществил игумен Русика Исаия († 1371 г.). Свободное владение текстом указывает на то, что о. Иоанн использовал именно славянский перевод, что дополнительно подтверждает, по мнению исследователя, связь Иоанна Вишенского с Русским монастырем на Афоне, который и в будущем продолжал играть значительную роль в укреплении православия в Юго-Западной Руси.

Книга о старце Иоанне Вишенском не только послужит прославлению памяти этого выдающегося подвижника благочестия и восстановлению исторической справедливости относительно Афонского периода его жития, но и будет способствовать новому возрождению и укреплению Святого Православия в его родных краях.

Божие благословение и покров Царицы Небесной да пребудет с автором этой книги и со всеми благоговейно, с благодарностью принимающими этот посильный труд и назидаемыми им.

Иеромонах Кирион (Ольховик),
антипросоп (полномочный представитель)
Русского на Афоне Свято-Пантелеимонова монастыря
при Священном Киноте Святой Горы Афон

Вместо предисловия

Книга СВ. Шумило, посвященная жизнеописанию и творениям афонского старца Иоанна Вишенского, как никогда, своевременна и нужна православным читателям. Она будет интересна и молодежи, и людям старшего поколения, как церковной, так и светской аудитории.

В смутные политические времена, в тисках экономических проблем, находясь на перепутье между Востоком и Западом, наш соотечественник нуждается в примерах духовной стойкости и активной жизненной позиции. Личностью, которая, безусловно, может быть ориентиром целостности и последовательности в своем служении народу и Церкви, является старец Иоанн Вишенский. При всей условности и схематизме параллели между нашим временем и концом XVI – началом XVII века ее позволительно проводить: тогда и сегодня человек стоял и стоит перед необходимостью выбора духовного пути и угрозой утраты связи с животворной силой традиции.

СВ. Шумило взял на свои плечи большую, по интеллектуальной трудоемкости, научной и моральной ответственности, ношу. Создание жизнеописания старца и писателя-полемиста Иоанна Вишенского – задача сложная уже в силу скудости, точнее отсутствия прямых биографических источников, которые позволили бы в должной мере осветить

подвижническую деятельность такой незаурядной личности и темпераментного защитника православия на украинских землях. В этих условиях автор, создавая полное жизнеописание выдающегося святогорца, пошел по пути, который наметил еще Иван Франко. Это – использование отрывочных сведений из произведений самого Иоанна Вишенского, а также информации, содержащейся в источниках, имеющих косвенное отношение к теме. Вместе с тем автор данной работы пошел гораздо дальше Ивана Франко в создании не только полной, но и, подчеркиваю, убедительной версии биографии старца Иоанна. Естественно, что в современном жизнеописании афонского подвижника использованы наработки ученых, появившиеся за последние сто лет. Но главное, конечно, – это привлечение новых источников, недоступных предшественникам С.В. Шумило, в частности, находящихся в архиве Свято-Пантелеимонова монастыря на Святой Горе Афон. Как мне представляется, в результате автору книги удалось создать наиболее полное и убедительное жизнеописание Иоанна Вишенского. Хочу подчеркнуть: биография этого великого церковного деятеля полна так называемых «белых пятен». Реконструкция соответствующих периодов и ситуаций жизни в значительной мере затруднена. Однако автору удалось в высшей степени корректно воссоздать недостающие составляющие жизнеописания.

Иоанн Вишенский уникален и по силе духа, и по масштабности. Исследователи, ранее занимавшиеся изучением наследия святогорца, сосредоточивались преимущественно на его посланиях, справедливо полагая, что именно они являются ключом к пониманию того, насколько важное место занимал полемист в духовной жизни паствы Православной Церкви в драматическую эпоху Брестской унии. При этом по разным причинам фактически вне поля зрения оставалась основополагающая составляющая мирозерцания отца Иоанна – исихазм. По существу, сложилось одностороннее представление о нем как о личности. Введение С.В. Шумило образа старца в контекст этого мощного и влиятельного духовного движения позволяет увидеть в нем главное – целостность. В самом деле, парадоксальное, на первый взгляд,

соединение аскетического безмолвного уединения от мира и страстной практической деятельности во имя оздоровления этого самого «испорченного мира» требует объяснения. Думаю, что предложенные автором книги ответы на все эти вопросы более чем исчерпывающие. Начало служения, уход на Святую Гору, затвор, полемические интенции оттуда в украинско-польскую действительность, возвращение на родину и кипучая реформаторская деятельность по переустройству монашеской жизни, окончательный уход на Афон – все это сполна раскрывает личность Иоанна Вишенского.

Книге СВ. Шумило о старце Иоанне Вишенском присуще сочетание свежести взгляда и уважения к научной традиции, панорамности в освещении сложной и драматической эпохи жизни Церкви и внимания к личности великого старца. А главное, в труде СВ. Шумило Иоанн Вишенский, святогорец и активный участник событий эпохи, предстал в полный рост в своей «добродетельной, праведной и святой жизни».

А. В. Александров,
доктор филологических наук,
профессор Одесского национального университета имени
И. И. Мечникова
Афонский старец Иоанн Вишенский

Старец Иоанн Вишенский

Материалы к жизнеописанию «блаженной памяти великого старца Иоанна Вишенского Святогорца»¹

Старец Иоанн Вишенский (1550-е – 1620-е гг.) был одним из выдающихся афонских подвижников, сыгравших важную роль в возрождении православия в Украине в XVII веке. Еще при жизни современники и сподвижники относились к нему с глубочайшим почтением и называли его «великий старец Иоанн Вишенский святогорец».² А Собор Киевской Митрополии 1621 года в одном из своих документов от лица всей Церкви именует старца Иоанна «преподобным мужем» и «блаженным», «в житии и богословии цвитушим».³ Значительно позже, уже в XIX веке, Пантелеимон Кулиш назовет его «афонским апостолом».⁴

Жизнь и деятельность старца Иоанна совпала с трагическими событиями гонений на православие в Речи Посполитой, в связи с чем его полемические произведения были направлены главным образом на защиту православной веры.

Следует отметить, что усиление влияния Святой Горы Афон на духовно-культурные процессы в Украине в этот период, как ни парадоксально, было тесно связано с событиями Брестской унии 1596 года. Как известно, назначаемые польскими королями «по праву патроната» православные иерархи, – преимущественно из знатных магнатов и шляхтичей Речи Посполитой, – в большинстве своем перешли в ту пору в унию с римско-католическим престолом, а во главе православия во многих регионах Украины остались в основном простые монахи-аскеты, ориентировавшиеся на Афон и его исихастские традиции.

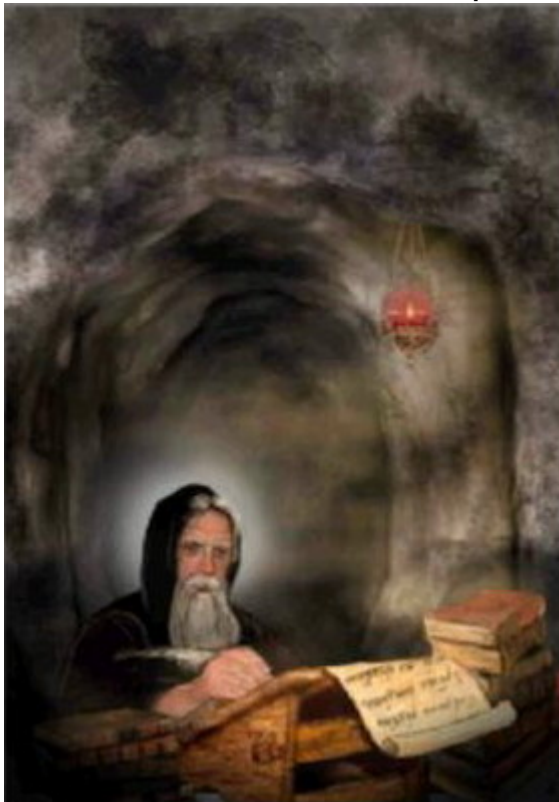
В этом отношении характерно, что на Поместном Соборе 1621 года в Луцке была утверждена своего рода «программа деятельности» возрожденной Православной Церкви, известная под названием «Совѣтование о благочестии». Прописанная в исихастском духе, она призывала иерархию, духовенство и

паству к внутреннему очищению, покаянию и даже мученичеству за православие.

В одном из пунктов Постановления предписывалось:

«Послати до Патріархи Константинопольскаго по благословеніє, помоч и раду и на Светую Афонскую гору послати, визвати и препроводити преподобних мужей росов, межи иными блаженных Киприяна и Іоана пореклом Вишенского, и прочіих тамо обретающихся, в житіи и богословіи цвитущих. Потреба єст духовная, аби и росов маючихся истинно ко житію добродетелному, посылати на Афон яко в школу духовную».⁵

Из этого соборного определения видно, сколь много значили для православной Киевской Митрополии восстановление связей с Афоном и отечественные подвижники, подвизавшиеся на Святой Горе.

Афонский старец Иоанн Вишенский. Современный портрет
Упомянутый в документе блаженный старец Иоанн Вишенский являлся одной из самых ярких личностей православного движения в Украине XVII века, оставив неизгладимый след в украинской духовной культуре того

периода. Его произведения в значительной степени легли в основу нового направления в украинской литературе – полемического, получившего развитие после Брестской унии.

На произведениях Иоанна Вишенского воспитывалось несколько поколений украинских писателей, церковно-культурных и политических деятелей. Претерпев «новое рождение» и неоднократные переиздания в XIX-XX веках, его послания даже в советское время помещались в школьных учебниках и хрестоматиях по украинской литературе, благодаря чему в советской Украине, несмотря на господствовавшую тогда идеологию безбожия, школьники могли узнавать о вере в Бога, об Афоне и его традициях. Так, благодаря писаниям афонского старца-отшельника XVII века уже в XX веке многие молодые люди впервые приобщались к духовной сокровищнице православия.

Старец Иоанн Вишенский был одним из немногих церковных авторов, чьими произведениями восторгались даже в среде нецерковной интеллигенции конца XIX – начала XX веков.

Иван Франко, считая произведения старца Иоанна вершиной украинской полемической литературы конца XVI – начала XVII веков, посвятил их изучению отдельную монографию и серию статей. «Немного у нас в старину было людей, которые посмели бы и сумели бы так близко прикоснуться к насущным духовным потребностям нашего народа и выявлять те нужды его бытия таким горячим и ярким словом»,⁶ – объяснял писатель свой интерес к творчеству афонского старца.

Высоко ценил наследие Иоанна Вишенского святитель Филарет (Гумилевский), архиепископ Черниговский.⁷ А Пантелеймон Кулиш называл его «афонским апостолом Руси».⁸ Исследуя духовное наследие старца, писатель сумел наиболее точно подметить роль и значение «блаженного Иоанна»: «он давал сбившимся с дороги направление; он ободрял, он пророчествовал, и так действительно случилось, как он пророчествовал среди бури».⁹

Долгое время творения старца Иоанна Вишенского имели хождение лишь в рукописном виде; они переписывались и

распространялись в основном среди православных монахов. Ныне известно не менее 12 списков XVII – начала XX веков.¹⁰ Одна из таких рукописей, переписанная в XIX в. с более древнего списка, хранится в архиве Русского на Афоне Свято-Пантелеимонова монастыря.¹¹

На страницы отечественных изданий имя старца-полемиста впервые попало в 1845 году, когда было обнаружено и опубликовано упомянутое выше «Совѣтование о благочестии».¹² В том же году П. Строевым были изданы «Рукописи славянские и российские, принадлежащие купцу И. Н. Царскому» (1848), где он описал рукописный сборник, включавший и произведения полемиста. Затем в 1858 году СМ. Соловьевым было открыто несколько неизвестных сочинений Иоанна Вишенского.¹³ Через два года, в 1860 году, А. Петрушевичем во Львове было опубликовано житие старца Иова (Княгиницкого), в котором упоминалось о старце Иоанне Вишенском как сподвижнике и близком друге преподобного Иова.¹⁴ Еще через пять лет, в 1865 году, Н. Костомаровым в «Актах Юго-Западной России» были опубликованы еще четыре малоизвестных произведения афонского подвижника.¹⁵ Это дало толчок С. Голубеву, И. Житецкому и другим текстологам к дальнейшим поискам и изданию рукописей старца.¹⁶

Кстати, Иван Франко сумел возжечь в среде интеллигенции особый интерес к творениям святогорца-полемиста, не пресекающийся вот уже более 100 лет. Среди исследователей наследия Иоанна Вишенского также необходимо отметить работы таких авторов, как Н. Сумцов, В. Завитаевич, В. Щурат,

А. Крымский, В. Перетц, М. Грушевский, М. Возняк, А. Белецкий, С. Цимбалюк, Д. Чижевский, Т. Скирда, П. Загайко, Ф. Шлем, С. Пинчук, В. Микитась, Л. Махновец, Д. Наливайко, В. Колосова, К. Яременко,

В. Шевчук, Р. Лубкивский, Ю. Пелешенко, О. Неменский, О. Пидгайко, А. Александров, Н. Поплавская и многие другие.¹⁷ Особая заслуга в издании трудов афонского подвижника принадлежит И. Еремину.¹⁸

Иллюстрация Софии Караффы-Корбут к поэме Ивана Франко «Иван Вишенский», 1970-е гг.

На сегодняшний день наследие Иоанна Вишенского среди украинских церковных авторов конца XVI – начала XVII веков считается наиболее изученным светской наукой. И в то же время оно, тая в себе немало неразгаданных тайн, до сих пор остается не до конца понятным и истолкованным. Одна из причин этого кроется в том, что большинство исследователей пытались изучать произведения старца в отрыве от византийско-святоотеческого, мистико-исихастского богословия, под воздействием которого формировалось консервативно-традиционалистское мировоззрение автора и в категориях которого он большей частью мыслил.

Иоанн Вишенский и его связь с православным духовно-культурным центром в Остроге

Как и большинство афонских подвижников, старец Иоанн Вишенский не стремился к известности и славе среди людей, поэтому о его жизни сохранилось очень мало сведений. В основном они почерпнуты из кратких упоминаний в его же письмах или других источниках.

Изучая рукописи старца Иоанна, Иван Франко на основе его писаний так охарактеризовал подвижника: «была это натура простая и сильная, которая не умела кривить душой».¹⁹

Из писаний старца известно, что родился он в г. Судовая Вишня в Галиции (ныне Львовская область). Точная дата его рождения неизвестна, поэтому на основе косвенных свидетельств большинство исследователей считали, что родился он между 1533–1550 годами. По всей видимости, происходил будущий подвижник из местного шляхетского рода Вишенских и получил неплохое начальное образование. И хоть о самом себе он отзывается как о человеке неученом («риторичное игрушки не видах, философского высокомерчателного ни слыхах»),²⁰ но это скорее необходимо понимать как попытку собственного монашеского самоуничижения и смирения, что характерно было и для многих других афонских аскетов и отшельников (а может быть, и как полемический выпад против иезуитской системы духовного образования, утвердившейся в то время в Речи Посполитой). Во всяком случае, его послания свидетельствуют, что человеком он был грамотным, умело владел литературным стилем, знал церковнославянский, греческий, латинский и польский языки. Также он хорошо знал не только Священное Писание и творения восточных святых отцов, но и некоторых античных философов (в частности, критикует увлеченность Аристотелем и Платоном, обличает учение Оригена и католических богословов и апологетов того времени). А говоря о своей «неучености», он тут же добавляет, что «мой ест даскал простак, але от всѣх

мудрѣйший, Который безкнижных упремудряет; мой даскал простак, Которий рыболовци в человѣколовци претворяет; ... мой даскал, Которий смирением грьдость потлумляет».²¹ Этими словами, «смирением грьдость потлумляя», он утверждает, что все прежние его внешние познания не имеют для него больше никакого значения, поскольку они неспособны дать ему самое главное – познание и единение с Богом.

Украинский шляхтич XVII в.

В то же время, по всей видимости, Иоанн Вишенский в молодости и сам увлекался латинской ученостью, что и отразилось впоследствии на его столь острой критике ее. Известно, что, проживая в Луцке, он был дружен с местным римско-католическим каноником («мистром»), о чем сообщает в «Краткословном ответе Петру Скарге...» (1600–1601). О самом же себе он свидетельствует: «Я бо нѣкогда во той пробѣ. был и сам своим слухом латынского оратора свѣдчил».²²

Многие исследователи обращали внимание на то, что, пребывая в затворе на далеком Афоне, старец Иоанн очень

хорошо знал нравы и быт православной галицко-волынской шляхты, что подтверждает его шляхетское происхождение.²³

Еще Иван Франко обратил внимание, что, проживая в Луцке, Иоанн Вишенский был знаком здесь с одним из будущих зачинщиков Брестской унии, а тогда православным Луцким епископом Кириллом (Терлецким). Кроме того, из посланий старца Иоанна видно, что в Луцке он был знаком и с занимавшимся здесь судебной практикой Дионисием Збируйским, будущим епископом Холмским, и также в будущем одним из активных сторонников унии.²⁴

Луцкий замок XVI в. Реконструкция П. Троневича

По мнению Ивана Франко, опекуном молодого Иоанна Вишенского был один из богатейших магнатов Речи Посполитой, маршалок Волынской земли и воевода Киевский князь Василий-Константин Острожский (потомок преподобного Феодора Острожского, нетленные мощи которого почивают в Киево-Печерской Лавре).²⁵ Во всяком случае, оба они были знакомы, что явствует и из посланий старца к князю за 1598–1600 годы. Одно из первых произведений Иоанна Вишенского – послание «От Святой Аеонской горы скитствующих» – было опубликовано в 1598 году в изданной на средства князя острожской «Книжице», что уже само собой подтверждает факт знакомства двух поборников православия. Это послание старца Иоанна

было адресовано «благочестивому княжати Василию, поборнику Церкви соборное православное веры».²⁶

Большое влияние на формирование мировоззрения Иоанна Вишенского оказал Острожский кружок, в который входили выдающиеся церковные и светские деятели того времени. Из писаний старца Иоанна видно, что он хорошо знал Острог и жизнь его обывателей. По всей видимости, бывал он здесь неоднократно. И близкая дружба с другим видным православным подвижником прп. Иовом (Княгиницким) завелась у него, скорее всего, еще в Остроге, где тот учился в Острожской академии, а позже и преподавал в ней.²⁷ Эта дружба в дальнейшем тесно свяжет их в совместном, по поручению князя Острожского, путешествии на Святую Гору и пребывании здесь, а затем и при основании Великого Манявского скита и возрождении афонских монашеских уставов в Украине.

Портрет и подпись еп. Кирилла Терлецкого (1540-е –1607)

Князь Василий-Константин Острожский (1526–1608)

В. К. Острожский (второй справа) в ряду русских князей. Роспись Успенского собора Киево-Печерской Лавры. Фото кон. XIX в.

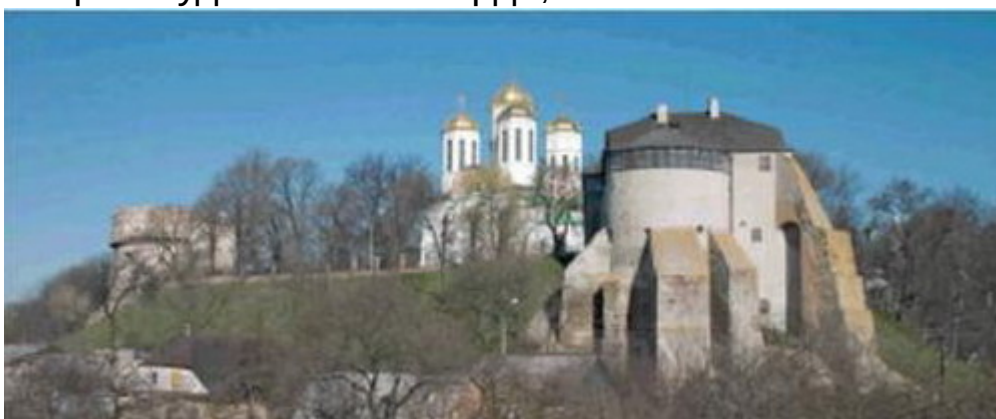
Выезд кн. В. К. Острожского из замка. Худ. А. Ковальчук, кон. XX в.

Острожский замок. Акварель Зигмунта Фогеля, 1796 г.

Острог. Худ. Наполеон Орда, 1870-е гг.

Острожский замок. Современный вид

Этот момент в биографии старца Иоанна крайне важен, поскольку он подтверждает тесную связь будущего подвижника с Острожским кружком православных книжников-традиционалистов, под влиянием которых на начальной стадии и формировалось его мировоззрение.²⁸ С этим же центром православной книжности и просвещения были тесно связаны в ту пору и другие видные православные духовно-культурные деятели Украины, такие как священник Дамиан Наливайко, преподобный Иов (Желизо) Почаевский, святитель Василий Сурожский, писатель Герасим Смотрицкий, архимандрит Елисей Плетенецкий, митрополит Исаия Копинский, епископ Исаакий Борискович, блаженный Киприан Острожанин, митрополит Иов

Борецкий, старец Афанасий Межигорский, архимандрит Леонтий Карпович, гетман Петр Сагайдачный и многие другие.²⁹ Поэтому не исключено, что, пребывая на службе у князя Василия-Константина Острожского, молодой Иоанн Вишенский близко знал этих и других деятелей и воспитанников Острожской школы.

Портрет кн. В. К. Острожского. XIX в.

О том, что будущий старец Иоанн состоял на службе у князя Острожского, свидетельствует и униатское полемическое сочинение «Антиризис, или Апология против Христофора Филалета», написанное в 1599 году идеологом унии, а позже и униатским митрополитом Ипатием Потеем (1541–1613). В своем произведении он упоминает, что «пан Вишенский» вместе с другим видным деятелем Острожского кружка и православным писателем-полемистом Василием Сурожским привозили ему во Владимир-Волынский в 1593 году письмо от князя Острожского.³⁰ Обоих посланников князя Ипатий Потей характеризует как сведущих в церковных вопросах.

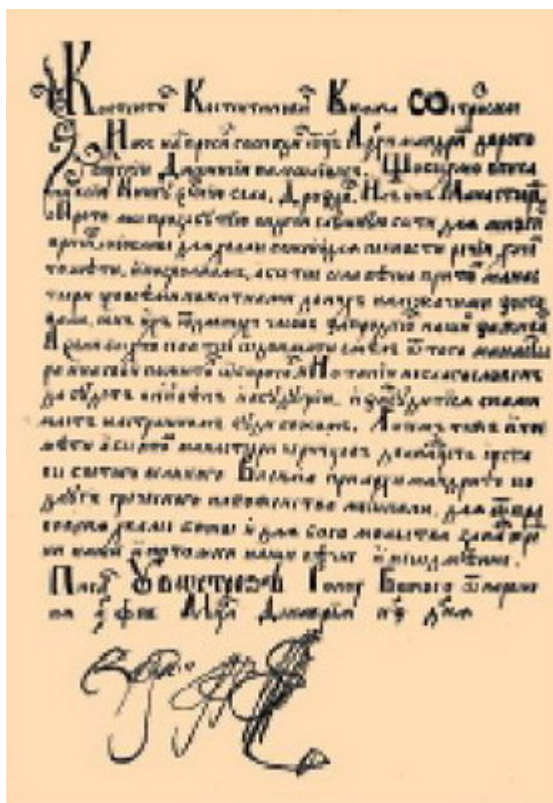
О том, что Иоанн Вишенский и Василий Сурожский были знакомы, может свидетельствовать и тот факт, что в своем сочинении «Извещение краткое о латинской прелести...» (1588–1596) афонский подвижник неоднократно ссылается на книгу Василия Сурожского «О единой истинной православной вере».³¹ Имеется в его творениях и ряд других реминисценций с этим сочинением, что также расценивается многими исследователями как свидетельство близкого знакомства авторов.³² Еще один важный момент, который мог существенно повлиять на дальнейший жизненный выбор будущего подвижника, – то, что именно в это время в Луцке и Остроге, при покровительстве князей Константина Острожского и Андрея Курбского, пребывал один из последних представителей московской исихастско-нестяжательской школы афонита преподобного Нила Сорского – старец-игумен Артемий Троицкий.³³ Последний эмигрировал из Московии после победы партии «иосифлян» над «нестяжателями». В «Палинодии» архимандрита Захарии Копистенского упоминается, что «преподобный Артемий» немало народу «в земле Литовской» от ереси арианской и лютеранской отвернул и «през него Бог справил, же ся весь народ русский в Литве в ереси тыи не перевернул».³⁴ В некоторых источниках того времени игумена Артемия Троицкого даже называли «старцем Острожским». Так, в ряде списков его произведений, в частности, указывается: «Книга Артемия старца острожского послание его к Симону Будному».³⁵

Золотая медаль с изображением кн. В.К. Острожского. Аверс и реверс. После 1608 г. Эрмитаж (Санкт-Петербург)

Остр омский замок. Современная реконструкция

Автограф кн. В. К.Острожского

Кроме того, при посредничестве князя Острожского А. Курбский и старец Артемий имели связь с Афоном. Так, по его просьбе со Святой Горы привозились святоотеческие книги. Одна из них, переданная им Курбскому для переиздания, получила широкое распространение среди православных Речи Посполитой. Она содержала сочинения теоретиков афонского исихазма Григория Паламы и Нила Кавасилы против католицизма.³⁶

Все эти факты указывают на то, что старец-нестяжатель Артемий Троицкий также был тесно связан с Острожским центром книжников-традиционалистов, а значит, несомненно, так или иначе, мог иметь влияние на формирование взглядов Иоанна Вишенского. Такой любознательный искатель духовных знаний и опыта, как Иоанн Вишенский, пребывая в Остроге и Луцке, не мог не обратить внимания на столь известного подвижника и старца-нестяжателя. Под впечатлением рассказов старца Артемия о преподобном Ниле Сорском, его странствиях на Афон и пребывании в древнерусском святогорском

монастыре, Иоанн Вишенский мог загореться желанием и сам отправиться в далекую монашескую республику.

Прп. Нил Сорский

Кроме того, именно взгляды преподобного Нила Сорского, игумена Артемия и других «нестяжателей», критика ими монастырских землевладений, по всей видимости, отразились и на воззрениях Иоанна Вишенского и его категоричном неприятии вырождения монастырей в крупные земледельческие имения-фольварки: «фолварки собѣпочинили з опщих манастирев и мысливства прекормлюют в них, а не душѣ, спасаемые на живот вѣчный».³⁷

Луцкий замок. Худ. Наполеон Орда, 1870-е гг.

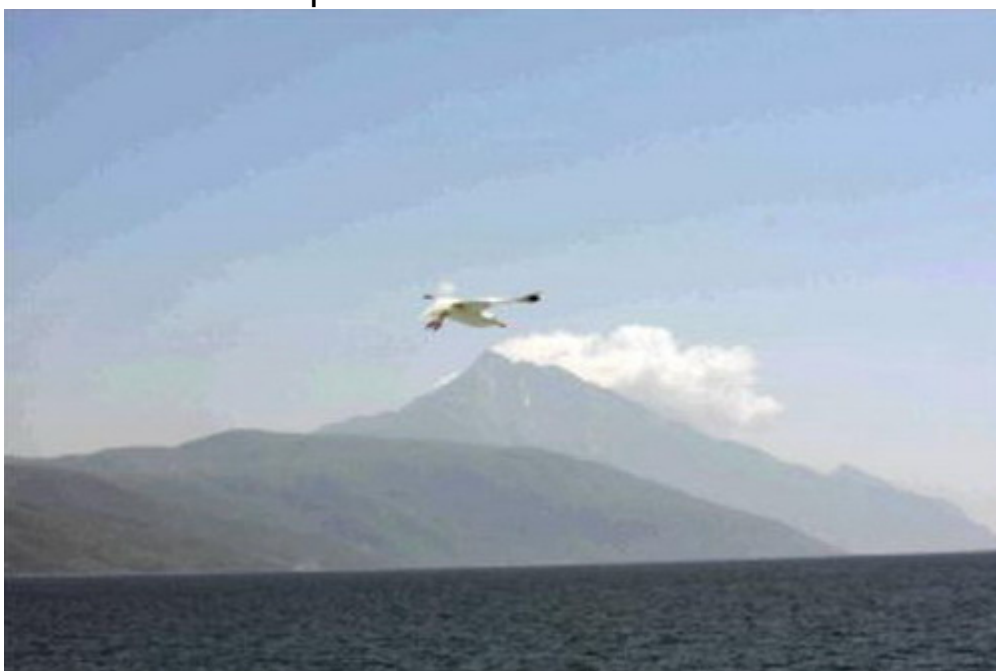

Луцкий замковый кафедральный собор св. Иоанна Богослова. Кон. XVI – нач. XVII вв. Реконструкция П. Троневица

Таким образом, можно считать, что в украинском исихастском возрождении конца XVI – начала XVII веков как бы сошлись две школы – непосредственно Афонская и

«нестяжательская» школа афонита преподобного Нила Сорского, которая искусственно была уничтожена в Московии, но чрез старца Артемия Троицкого продолжила свое развитие теперь уже в Украине, в новых условиях.³⁸

Из посланий Иоанна Вишенского явствует, что помимо Острога, Луцка и Люблина, он бывал во Львове и был тесно связан со Львовским братством. Также он имел какое-то отношение к монастырям Жидичинскому Свято-Никольскому в предместье Луцка, Уневскому Свято-Успенскому и Спасскому в Перемышльской епархии.³⁹

Вид Святой Горы Афон. Фото Сергея Шумило, 2015 г.

Вид Святой Горы Афон. Фото Сергея Шумило, 2015 г.

Древнерусская обитель св. Пантелеимона («Нагорный», или «Старый Русик») на Афоне. Фото Сергея Шумило, 2015 г.

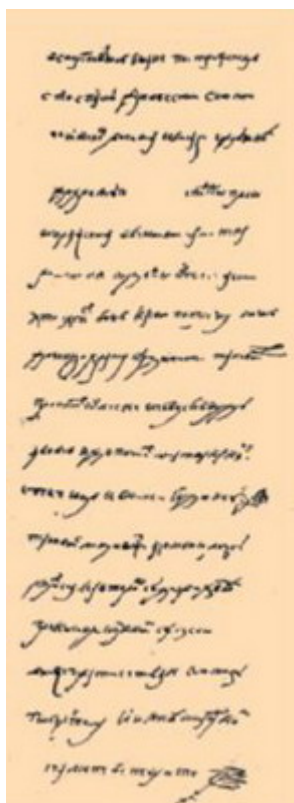
Древнерусская обитель св. Пантелеимона («Нагорный», или «Старый Русик») на Афоне. Фото Сергея Шумило, 2015 г.

Уход Иоанна Вишенского на Афон

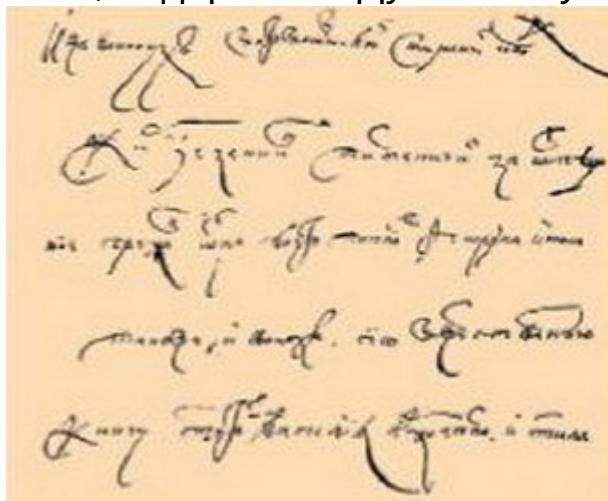
Монашеский постриг И. Вишенский, скорее всего, принял в Украине, еще до отправки в паломничество на Афон. По утверждению В. П. Колосовой, пострижение его состоялось на Волыни, в Дубенском Свято-Преображенском монастыре,⁴⁰ основанном князьями Острожскими (впервые упоминается в грамоте князя К. Острожского от 30 марта 1571 года).⁴¹

Свое убеждение исследовательница обосновывает ссылкой на экземпляр изданной в Остроге в 1594 году книги «О постничестве» святителя Василия Великого, где имеется пространная дарственная запись, относящаяся, по ее мнению, к Иоанну Вишенскому. В ней, в частности, сообщается, что «священноинок Иоанн, постриженец свято-спасский», пожертвовал книгу Дубенскому монастырю. Подчеркнув сходные особенности языка и стилистики в сочинениях Иоанна Вишенского и в записи из книги, В. Колосова пришла к выводу, что эта запись является его автографом.⁴² Известно, что такая же книга была подарена Уневскому монастырю преподобным Иовом (Княгиницким, до пострига в схиму носил имя Иезекииль), другом и сподвижником отца Иоанна Вишенского. Подобно дарственной надписи последнего, на уневской книге была сделана аналогичная надпись: «Инок Иезекииль Тисменицкий дарит книгу за отпущение грехов отца своего по плоти Феодула инока, також и своих сродников».⁴³

Намеком на причины ухода Иоанна Вишенского в монахи могут служить его слова в одном из посланий: «оставил дом, села, имения, маетност, сородство и мирское житие Господа ради».⁴⁴

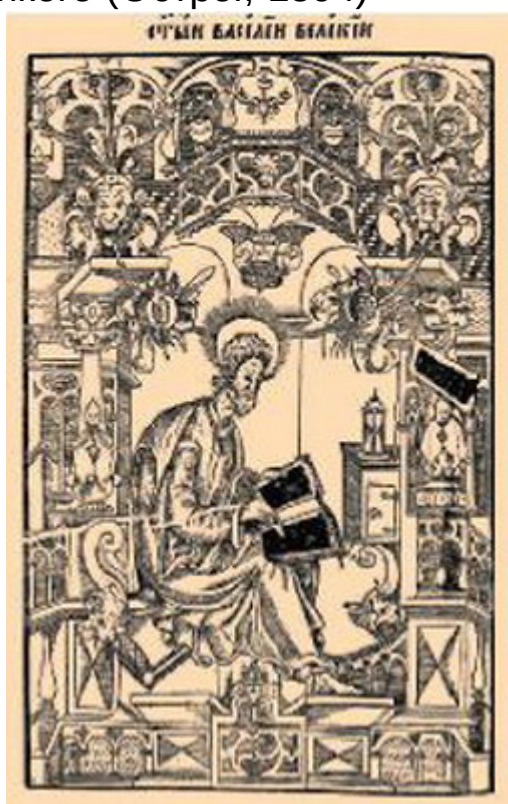
Дарственная надпись мон. Иоанна Вишенского на острожском издании «Книги о постничеству» свт. Василия Великого, подаренном Дубенскому Свято-Спасскому монастырю

Фрагмент дарственной надписи Иова Княгиницкого (Иезекииля Тисменицкого) на «Книге о постничеству» свт. Василия Великого (Острог, 1594)

Титульная страница «Книги о постничествѣ» свт. Василия Великого (Острог, 1594)

Гравюра «Свт. Василий Великий» из «Книги о постничестве» (Острог, 1594)

О таком выборе будущего подвижника Иван Франко пишет: «Он покинул сей мир не из-за какой-то беды и не ради беспроblemной жизни, но потому, что пришел к убеждению, что сей мир испорчен. Ради этого своего убеждения он покинул панский двор, и службу, и достаток, покинул общество умных и образованных людей, одним словом, бросил все, что в жизни дорого человеку, и пошел выполнять такую службу, которая ему в ту пору для общего дела казалась более полезной, пошел служить тому делу молитвой и словом».⁴⁵

Однако общее духовно-нравственное состояние монашества в православных монастырях под короной польской вряд ли соответствовало аскетическим наклонностям и чаяниям, царившим в душе Иоанна Вишенского. Об этом мы можем судить из посланий старца с Афона, в которых он в духе учения исихастов-нестяжателей жестко критикует устоявшиеся порядки в монастырях Речи Посполитой: «владыки, архимандрита и игумени, которие манастирѣ позапустѣвали и фольварки собѣ з мѣхт святых починили, и сами толко з слуговинами и приателми ся в них телесне и скотски переховывають, на мѣстох святых лежащи, грошѣ збирають ..., роскош свою погански исполняют. А в манастирѣ рѣк и потоков непрестанно в молитвѣ к Небесному кругу текущих иноческого чина по закону церковному видѣти нѣсть, и вмѣсто бдения, пѣсни и молитвы и торжества духовнаго – пси выють, гласят и ликують».⁴⁶

В другом месте старец Иоанн пишет: «иноки по корчмах ходят и упиваются, и по господах обѣды чинят, и приятелство собѣ з мирскими еднають, и до того грошѣ збирають и на лихву дают... Таковых ... нѣст достойно иноки едиными называти, бо будет лѣж крытися в имени».⁴⁷

По всей видимости, стремление удалиться на Святую Гору Афон у Иоанна Вишенского как раз и было связано с неудовлетворительным состоянием отечественных монастырей, отходом в них от аскетическо-святоотеческой традиции и мистического опыта исихастского молитвенного делания. В этом

путь отца Иоанна во многом схож с исканиями и странствиями «от монастыря к монастырю» другого украинского подвижника преподобного Паисия Величковского (1722–1794). На примере жизнеописания последнего мы можем лучше понять причины, побудившие Иоанна Вишенского к «бегству от мира» и поискам очагов подлинной духовности, непрерывной мистической традиции и аскетики за пределами родного отечества, в отшельнических келиях и пещерах Святой Горы Афон.

К слову, о том, что Вишенскому, как и Паисию Величковскому, доводилось нестяжательствовать и странствовать от монастыря к монастырю, мы узнаем из его послания к старице Домникии, где он упоминает о своем странничестве вместе с «паном Красовским» из Львова, который ему «на препитание нечто возложи».⁴⁸

Икона Божией Матери «Игумения Святой Горы Афон» с картой афонских монастырей

Обстоятельства и точная дата ухода отца Иоанна на Афон неизвестны. Однако учитывая, что он в Остроге состоял в близкой дружбе с преподобным Иовом (Княгиницким), то можем с уверенностью считать, что в путешествие на Святую Гору они отправились вместе.

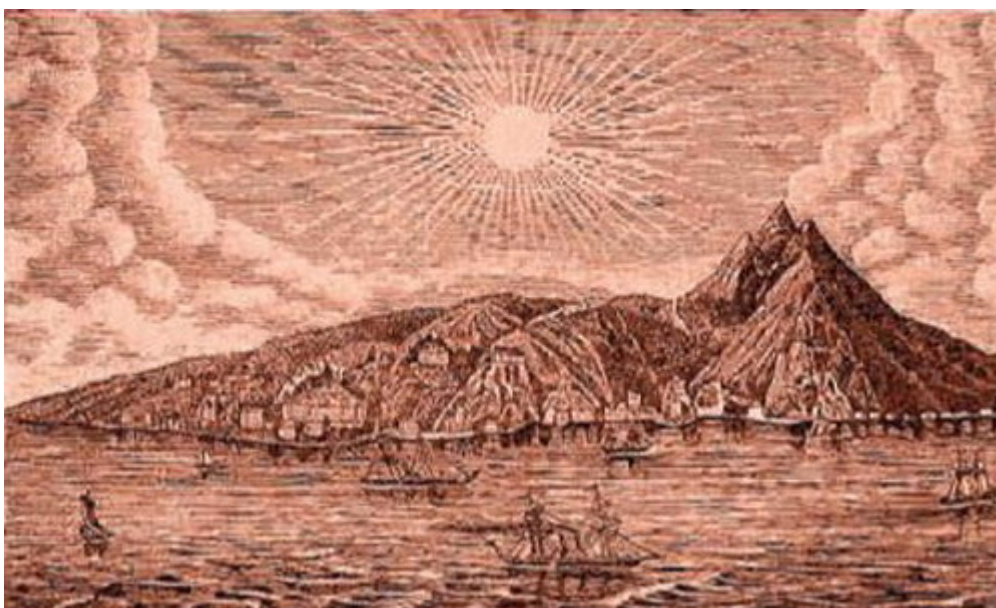
В Житии преподобного Иова, написанном его учеником иеромонахом Игнатием из Любарова, отец Иоанн Вишенский назван «другом его».⁴⁹ Сам же Иоанн в своем послании к преподобному Иову называет его «возлюбленным братом».⁵⁰ Оба они были сверстниками, знакомыми еще по службе у князя Острожского. По его поручению, по всей видимости, они и отправились вместе на Афон. Во всяком случае, период ухода их на Афон совпадает по времени. А поскольку в ту пору такие дальние странствия были не безопасны и сопряжены со всевозможными трудностями, то они не совершались в одиночку, но практически всегда в сопровождении близких и духовно единомышленных друзей. Поэтому логично и всего вероятнее, что преподобный Иов (Княгиницкий) отправился на Афон в сопровождении именно Иоанна Вишенского, как самого близкого своего друга.

Учитывая эти обстоятельства, на основе Жития преподобного Иова мы вполне можем восполнить недостающую важную деталь странствия будущего старца Иоанна на Афон. В частности, из Жития известно, что на Святую Гору Иов (Княгиницкий) отбыл по поручению князя Василия-Константина Острожского вместе со святогорским иеромонахом Варлаамом для передачи пожертвований в ответ на «святых отец писание».⁵¹ На Афоне Иов, как княжий слуга, был принят с честью и посетил многие монастыри, скиты и пустыни, где подвизались старцы, «яко ангелы безвещественны».⁵² Впечатленный увиденным («видеше бо яко второй рай» и «второ небо»), он окончательно осознал суетность светской жизни и возжелал остаться на Святой Горе, однако вынужден был возвратиться домой, дабы выполнить поручение князя и передать ему ответ святогорских старцев.⁵³

Прп. Иов (Княгиницкий) Тисменицкий (1550–1621)

Покидая Афон, он дал обет одному из старцев возвратиться на Святую Гору и стать здесь монахом. Поэтому по возвращении он испросил у князя Острожского прощение и попросил отпустить его, что тот и исполнил, поблагодарив за службу и щедро одарив своего бывшего слугу. Получив разрешение князя, И. Княгиницкий вновь отправился в путь «с некими еже в Святую Гору, възвращая по обещанию».⁵⁴

Святая Гора Афон. Гравюра XIX в.

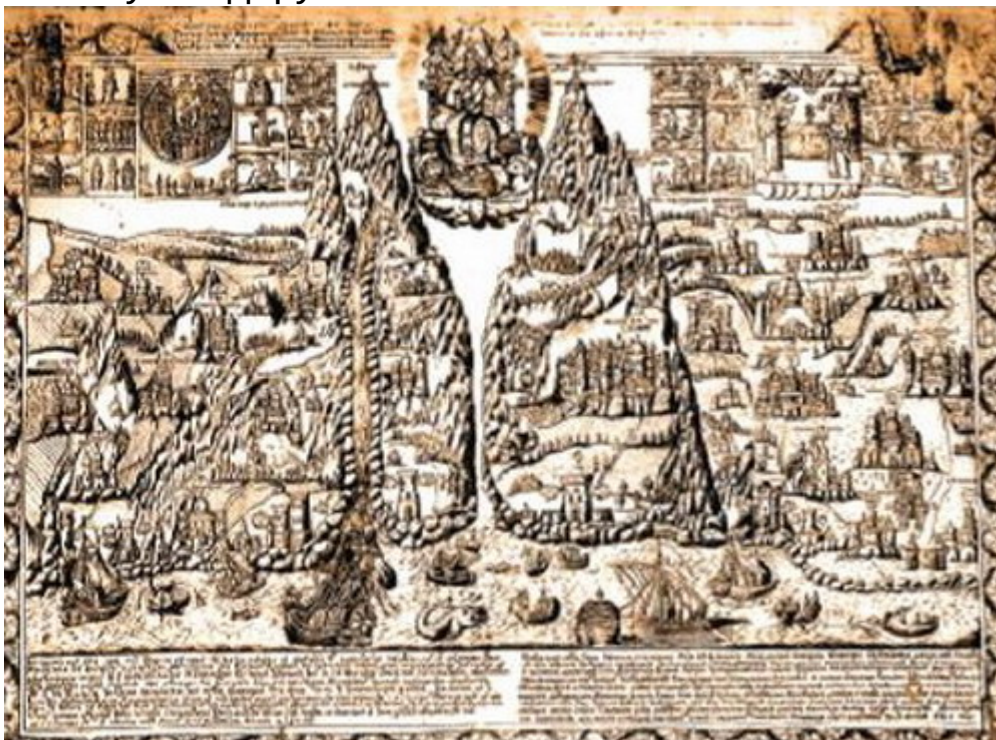
Стоит обратить внимание, что в житии преподобного Иова уточняется, что на Афон он возвратился не сам, а «с некои». ⁵⁵ Вероятнее всего, одним из этих «некоих» и был Иоанн Вишенский.

Ученик преподобного Иова (Княгиницкого) сообщает, что на Афоне он «пребы же тамо во послушании и общем житии 12 лет неотходно». ⁵⁶ А поскольку в Украину он возвратился около 1601–1603 годов, то можно определить, что ушли оба подвижника на Афон около 1589–1593 годов. О том, что на момент Брестской унии 1596 года Иоанн Вишенский давно уже был на Святой Горе, подтверждает и он сам, сообщая в одном из своих посланий за 1597 год: «Сам на той час у ваших краях несъм был». ⁵⁷

Странствие на Афон, судя по всему, отец Иоанн Вишенский и преподобный Иов (Княгиницкий) совершали через Молдовлахию, Болгарию и Македонию. В частности, еще Иван Франко обратил внимание, что из писания Вишенского, известного под названием «Новина, или Вѣсть о обретении тѣла Варлаама, архиепископа Охридскаго...», видно, что он бывал в Охриде и хорошо знал этот древний южнославянский центр на Балканах. ⁵⁸

Относительно начального периода пребывания на Афоне в Житии преподобного Иова сообщается, что на первых порах он

не поселялся в каком-то одном конкретном монастыре, но скитался по разным обителям Афона: «обходи с радостью вся святая обители, посещая и молитвуя, таж и в келиях старца и скитники, и в пещерах суци, всем ревнуя и о молитву прося. И по сем вдает себѣ в послушание некоему старцу скитствующу иеромонаху Исидору».⁵⁹

Святая Гора Афон. Гравюра, 1768 г.

Вид со стороны афонской отшельнической келии. Фото Сергея Шумило, 2013 г.

Это сообщение о преподобном Иове совпадает со свидетельствами старца Иоанна Вишенского, из посланий которого мы узнаем, что на Святой Горе он какое-то время «от келия до келия и от монастыря до монастыря скитати».⁶⁰ Самого же себя он именует: «инок русин во святей Аеонстей горе странствуяй»⁶¹ или «странник реченный Вышенский».⁶²

На основе этих свидетельств двух сподвижников можно сделать вывод, что поначалу они вместе скитались по Афону «от монастыря до монастыря», пока каждый из них не обрел своего духовного наставника. Аналогичный путь со временем повторил на Афоне и преподобный Паисий Величковский, долго скитавшийся по отшельническим келиям, скитам и монастырям Святой Горы в поисках старца, которому мог бы вручить свою душу и от которого научился бы тайнам мистического опыта непрестанного молитвенного делания.

Однако в дальнейшем, судя по всему, духовные пути двух товарищей несколько разошлись. И если преподобный Иов выбрал жительство при келии крупного греческого Ватопедского монастыря, то Иоанн Вишенский больше отдавал предпочтение уединенному скитскому жительству. Позже, уже после 1605 года, они вновь сойдутся на короткое время в Украине, однако затем, посоветовавшись, «жесточайшаго безмолвнаго жития желающе», вновь разойдутся по непроходимым лесным зарослям Карпатских гор в поисках пустынных мест для уединенного отшельнического молитвенного подвига.⁶³

К сожалению, в посланиях старца Иоанна Вишенского не сообщается, при каких из афонских монастырей он подвизался в келиях и скитах в первый период своего пребывания (а это не менее 12 лет) на Афоне. В то же время, по святогорскому уставу, даже подвизаясь в отшельнических келиях или исихастериях, он должен был относиться к какому-то из монастырей, между которыми поделена вся территория Афона (и где каждая из келий, калив, исихастериев и пещер, как и скиты, относится к тому или иному кириархальному монастырю).

Судя по косвенным намекам в посланиях, можно сделать вывод, что старец Иоанн Вишенский отдавал предпочтение именно славянским обителям на Афоне – древнерусскому

Русику, болгарскому Зографу, сербским Хиландарю и Павловскому монастырю (на тот момент его населяли сербы).

В некоторых из своих посланий старец Иоанн называет себя «скитствуяй в Святой горѣ»,⁶⁴ что дает основание полагать, что какое-то время он подвизался при одном из святогорских скитов.

Странствуя по скитам и монастырям Афона, он, несомненно, бывал в Русике – древнерусском монастыре святого Пантелеимона, и действовавшем при нем ските Ксилургу – старейшей древнерусской святогорской обители, основанной еще во времена равноапостольного великого князя Владимира вскоре после Крещения Руси. В период пребывания подвижника на Афоне в Русике подвизалось несколько монахов с именем Иоанн.⁶⁵ Поэтому не исключено, что один из них и был Вишенский.

Иоанн Вишенский и древнерусский монастырь на Афоне. Русик как центр духовного просвещения

В святорском Акте за 1016 год обитель Ксилургу́ (от греч. ξυλοϋρῶς – плотник, или древодел) значится как «монастырь Роса», а подпись ее игумена Герасима стоит 13-й среди 21 подписи всех настоятелей действовавших на тот момент афонских монастырей.⁶⁶ На сегодняшний день это первое известное письменное упоминание о древнерусской обители Успения Богородицы (Ксилургу) на Афоне.

По преданию именно здесь подвизался родоначальник древнерусского монашества преподобный Антоний Печерский.⁶⁷ Из документов, хранящихся в архиве Русского на Афоне Свято-Пантелеимонова монастыря, известно, что к 1030 году Ксилургу имел статус Игуменария (акт 1),⁶⁸ а в указе византийского императора Константина IX Мономаха от 1048 года именуется Царской Лаврой (акт 3).⁶⁹ В подражание этой «материнской» обители, по всей видимости, преподобным Антонием и был основан на Киевских горах Печерский монастырь, также названный в честь Успения Божией Матери.⁷⁰

Проводы прп. Антония Печерского на Русь в афонской обители «Ксилургу». Худ. В. И. Нестеренко

Именно древнерусский святогорский монастырь был тем духовно-историческим связующим звеном, тесно соединившим новопросвещенную Киевскую Русь и Святую Гору Афон. Из него преподобным Антонием Печерским впервые было перенесено и утверждено на Руси православное монашество. Помимо святого Антония обитель Ксилургу дала Руси и других подвижников и просветителей.

Древнерусская обитель «Ксилургу» на Афоне. Фото Сергея Шумило, 2016 г.

Древнерусская обитель «Ксилургу» на Афоне. Фото Сергея Шумило, 2016 г.

Древнерусская обитель «Ксилургу» на Афоне. Фото Сергея Шумило, 2016 г.

Древнерусская обитель «Ксилургу» на Афоне. Фото Сергея Шумило, 2016 г.

К XII веку обитель настолько часто пополнялась новыми насельниками из Руси, что, не вмещаясь уже в первоначальном монастыре, стала приобретать обедневшие и запустевшие келии и малые обители в округе.⁷¹ В 1169 году при игумене Лаврентии обитель с разрешения Священного Кинота переехала на новое, более удобное место, в находящийся неподалеку древний монастырь Фессалоникийца во имя святого целителя Пантелеимона (ныне известный как Старый Русик, или Нагорный Русик), который к тому времени покинули греческие монахи.⁷² На этом месте братство «Русика» просуществовало около 700 лет. Что же касается прежнего места нахождения обители – Ксилургу, то оно не осталось заброшенным. Монастырь был преобразован в скит, который остался в ведении «Русика».⁷³

Древнерусская обитель св. Пантелеимона («Нагорный», или «Старый Русик») на Афоне, башня свт. Саввы Сербского. Фото Сергея Шумило, 2015 г.

С переселением на новое место древнерусское иноческое братство продолжало выполнять свою традиционную функцию распространения свято-горского монашеского наследия. Так, в 1180 году именно в Русике принимает постриг сербский царевич Растко, будущий святитель Савва – основатель автокефальной Сербской Православной Церкви.⁷⁴ Судя по всему, в то время Русик имел исключительно важное значение в деле православного просвещения не только Руси, но также Сербии и всего славянства.

В XV-XVI веках в Русике помимо русских иноков подвизались также болгары и сербы. Иногда, при отсутствии пополнения братства из Киево-Литовских и Московских земель, количество балканцев в обители превышало число выходцев из Руси; из них избирались даже игумены, однако монастырь по-прежнему традиционно продолжал считаться русским.⁷⁵

Свое значение как духовный центр восточнославянского святогорского монашества Русик и подведомственный ему древнерусский скит Ксилургу не утратили и в XVI веке, хоть и пережили упадок и разорение. К рассматриваемому нами периоду обе обители пребывали в состоянии нового подъема,⁷⁶ возобновив отношения как с Московским царством, так и Украиной (в частности, с князьями Острожскими). Поэтому правдоподобнее всего, что, обойдя обители и скиты Афона, Иоанн Вишенский последовал примеру других своих соотечественников и первоначально поселился в Русике, а позже, по благословению игумена монастыря, уединился в скиту Ксилургу, расположенном в пустынной горно-лесистой местности, идеально подходящей для отшельнического «жесточайшаго безмолвнаго жития». Вероятно, именно с этим и связано его излюбленное выражение «скитствуяй в Святой горѣ».⁷⁷ Таким образом, как и большинство других отечественных святогорцев, свое иноческое обучение на первых порах, скорее всего, он проходил под началом не греческих, а русских афонских старцев, причиной чему мог быть и известный языковой барьер, характерный для славянского монашества на Афоне по сей день.

Икона всех Афонских Преподобных с картой монастырей Святой Горы. Румынский скит «Продром» на Афоне, 1859 г.

До наших дней в архиве Русского на Афоне Свято-Пантелеимонова монастыря сохранилось послание старца Иоанна Вишенского под названием «Зачапка мудрого латынника з глупым Русином» (1608–1609), переписанное в XIX веке с более древней рукописи.⁷⁸

В некоторых своих посланиях старец Иоанн обильно ссылается на творения псевдо-Дионисия Ареопагита. Перевод этих произведений на славянский язык осуществил игумен Афонского Пантелеимонова монастыря Исаия († 1375).⁷⁹ Глубокое знание и цитирование «Ареопагитика» говорит о том, что Иоанн Вишенский пользовался именно славянским его переводом, который мог храниться тогда и в библиотеке Русика.

Среди прочего, о пребывании старца Иоанна именно в Русике может свидетельствовать и его осведомленность о подвижниках и святых, почитаемых в Московском царстве. «Прочитай истории житий оных святых мужей, чюдотворцов великих»,⁸⁰ – пишет старец Петру Скарге с Афона о московских

святых. Скорее всего, знакомство самого Иоанна с историями «житий оных святых» («великороссийским от Бога почтенным святым мужем») могло произойти при помощи выходцев из Московской Руси, также подвизавшихся в древнерусской обители на Афоне.

Известны случаи, когда именно в Русик посылали для обучения греческому языку и грамоте людей даже от московских царей. Так, в 1551 году Московский царь Иван IV Грозный посылал в Русик на обучение «паробка Обрюту Михайлова сына Грекова», передавая с ним пожертвования на монастырь.⁸¹ В письме к Константинопольскому патриарху Дионисию II (1546–1555) царь писал по этому поводу: «ты бы велел его у себя учить грамоте греческой и языку: а если тебе у себя его научить нельзя, то отошли его на Св. гору Афонскую, в наш монастырь св. Пантелеимона».⁸² Этот факт подтверждает, что Русик был важным духовно-культурным центром, при котором выходцы из разных частей Руси имели возможность не только проходить духовное воспитание, но и обучаться греческому языку и грамоте.

Древнерусская обитель «Старый Русик» на Афоне. Фото XIX в.

Во второй половине XVI века посланники Русика все более активно начинают через Украину ездить в Москву для сбора милостыни. С этого времени, по всей видимости, устанавливаются и их контакты с князем Василием-Константином Острожским. Например, известно, что по приглашению князя в 1596 году в Православном Соборе, проходившем в Бресте и осудившем унию, участвовал и игумен Русского на Афоне Пантелеимонова монастыря архимандрит Матфей. Его подпись стоит одной из первых (шестой) под решением Брестского Собора от 9 октября 1596 года, известным под названием «Апофазис».⁸³ Этим соборным актом отступившие от православия епископы объявлялись лишенными священного сана. На Соборе архимандрит Матфей представлял Мукачевского епископа Амфилохия. Как известно, Мукачевская епархия в ту пору входила в состав Угровлахийской митрополии, а в самих Волошских землях действовали метохии Пантелеимонова и других афонских монастырей. Все это свидетельствует об имевшихся уже на тот момент тесных связях между игуменом Русика и князем Острожским, в результате чего архимандрит Матфей и принял участие в антиунийном мероприятии, инициированном князем. Возможно, именно этот отец Матфей при предыдущих посещениях Украины и повлиял на принятие Иоанном Вишенским, служившем при князе Острожском, решения отправиться на Афон.

К сожалению, о самом отце Матфее сведений сохранилось очень мало. Из летописных и документальных источников известно, что в 60-е – 90-е годы XVI века через территорию Украины, по благословению Константинопольских патриархов, неоднократно проезжали представители Русика, в числе которых неоднократно упоминается и некий отец Матфей. Так, в конце 1590-го – начале 1591 годы через земли Украины в Москву к царю Феодору Иоанновичу прибыла делегация от Русика во главе с архимандритом Неофитом и в сопровождении священника Матфея: «пришли старцы из Святые Горы из

Русского монастыря честные обители святого Великомученика и целебника Пантелеимона Архимарит Неофит да келарь Иаким да священник Матфей».⁸⁴ Через год они через территорию Украины вновь возвратились на Афон.⁸⁵

Во время таких переездов через земли Украины представители восточных патриархов и афонских монастырей контактировали с местными ктиторами и защитниками православия, главным среди которых был князь Константин Острожский. Поэтому не подлежит сомнению, что игумены и представители Русика, среди которых упоминается и священник Матфей, по крайней мере в 1560–62 и 1591–92 годы общались с князем Острожским и прибегали к его защите и покровительству ради безопасного передвижения по территории Украины.

Развалины древнерусской обители «Старый Русик» на Афоне. Фото нач. XIX в.

Имя игумена Русика отца Матфея известно и по судебному делу за 1569 год (проходил в два этапа: на Афоне и в Стамбуле) в связи с т.н. «вакуфной реформой», в результате которой все имущество афонских монастырей было объявлено вакуфным, то есть принадлежащим турецкому государству;

монастыри должны были выплачивать туркам высокие налоги (харадж) за пользование им, что ставило обителю на грань разорения.⁸⁶

Из этого дела известно, что на 1569 год Русский на Афоне Пантелеимонов монастырь был общежительным и имел братию в количестве 47 монахов. Монастырь имел на своих территориях на Святой Горе пирг (сторожевая башня) у моря и десять отдельных келейных обителей, а вне границ – четыре келии. Также к монастырю относился древний скит Ксилургу.⁸⁷ Распорядителем вакуфа в Русике, согласно грамоте кадия Стамбула Мехмеда ибн Хуррем за 1569 год, утверждался отец Матфей.⁸⁸

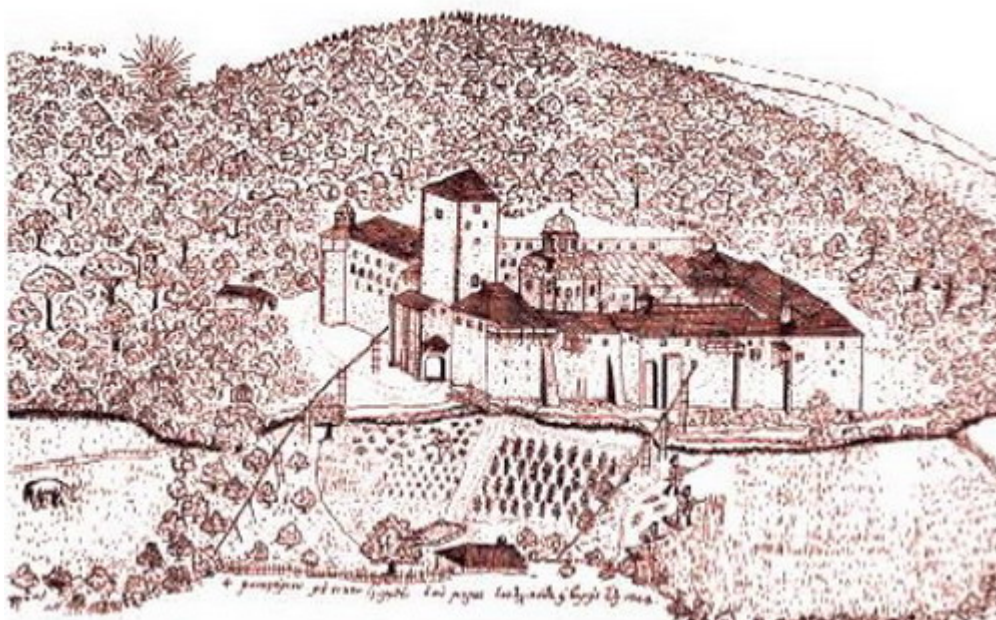
Следствием судебных исков против Русика было то, что заплатив турецким властям огромный выкуп за конфискованные постройки и земельные угодья, монахи вынуждены были заложить все метохы монастыря и даже церковную казну. Это привело к тому, что некоторое время спустя Русик опустел, а его насельники вынуждены были перебраться в окрестные келии и скит Ксилургу.⁸⁹ Из грамоты прота Пахомия и отчета посланника Московского царя Ивана Мешенинова за 1584 год известно, что Русский Пантелеимонов монастырь «стоит уже 10 лет пустым»; в нем оставалось всего лишь несколько монахов, совершавших там богослужения.⁹⁰

Такое положение насельников Русика и прилегающих к нему скитов и келий соответствует и описанию старцем Иоанном Вишенским положения монахов на Афоне под турецким игом. В частности, он сообщает, что «не точию на келии, но и на пещеры двѣ поголовщиzny дукатов излѣзлѣ. Такожде и на Святую гору: от еже бѣ товар один прежде соборного гарачу, нынѣ же и до четырех влѣзло».⁹¹ При этом старец отмечает, что «аспрным⁹² нуждам Святая гора подлегла», в связи с чем, дабы мирно и спокойно жить на Афоне, необходимо были деньги на уплату туркам налогов.⁹³

Возрождение Русика начинается после упомянутой поездки в 1590–1592 годах делегации монастыря во главе с архимандритом Неофитом и в сопровождении священника Матфея к царю Феодору Иоанновичу,⁹⁴ в результате которой

было получено щедрое пожертвование на восстановление обители.⁹⁵ Возможно, именно во время их возвращения через земли Украины на Афон к ним и присоединились Иоанн Вишенский и Иов Княгиницкий. Во всяком случае, оба события совпадают во времени, что увеличивает вероятность такого предположения.

По возвращении из поездки в Москву и Украину иноки Русика начинают на собранные пожертвования восстанавливать обитель: отстраиваются монастырские стены и корпуса, был возведен новый монастырский собор на месте старого (его вид сохранился на рисунке киевского паломника Василия Григоровича-Барского).⁹⁶

Древнерусская обитель «Старый Русик» на Афоне, сев.-вост. сторона, 1744 г. Рис. В. Григоровича-Барского

Уже в 1596 году избранный игуменом Афонского Пантелеимонова монастыря отец Матфей, по приглашению князя Константина Острожского, принимал участие в антиунийном Православном Соборе в Бресте.⁹⁷ Здесь, по всей видимости, он более близко знакомится как с князем, так и с прочими представителями Острожского православно-традиционалистского центра, такими как Киприан Острожанин, Исаакий Борискович и др. При его участии, видимо, вскоре и Иоанн Вишенский составляет одно из первых своих

антиуниатских посланий – «От Святой Аеонской горы скитствующих», которое было опубликовано в 1598 году вместе с посланиями патриарха Александрийского Мелетия (Пигаса) в острожской «Книжице», изданной на средства князя Константина Острожского.

Панорама Бреста. Гравюра Э. Дальберга, 1657 г.

Как считал Иван Франко, это послание старца Иоанна было откликом на изданный в 1597 году акт антиуниатского Брестского собора о низложении отошедших в унию епископов,⁹⁸ подписанный игуменом Афонского Пантелеимонова монастыря отцом Матфеем. Поэтому, вероятно, что и составление послания происходило не без влияния настоятеля древнерусской обители на Святой Горе.

[illegible]

N Zgodzonym z zamierzaniem Jego wyświeceni Cześcio-
wano nam z szanownego Wydziału: sio Hieronima. Ma-
ci: i promianami Władybortu obywateli był wyświeceni dla
dziękujęmu wydziału i promianami: i Książęcego nazwa
Rzecz wyświeceni nazwa: dosto: naszego: sława.

[illegible][illegible]

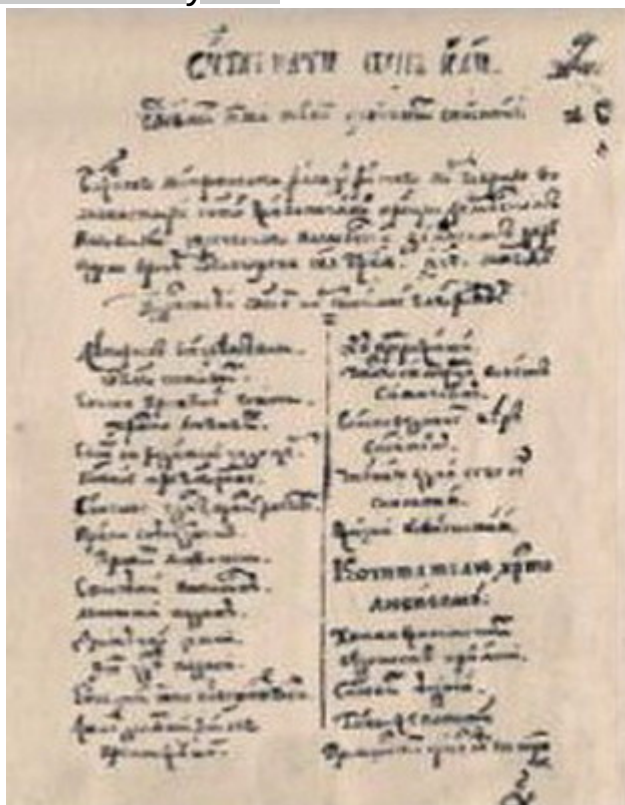
Подпись игумена Афонского Пантелеимонова монастыря архим. Матфея под «Апофазисом» – актом антиунийного Православного Собора в Бресте 1596 г.

Известно, что одно из первых своих посланий («В земли, зовемой Полосой...») Иоанн Вишенский передавал в Украину с Афона через некоего «отца нашего Сава».⁹⁹ В то же время среди монахов Русика известен «строитель» отец Савва, который в середине XVI века ездил через земли Украины в Москву за сбором пожертвований на обитель.¹⁰⁰ Еще раз некий «строитель» отец Савва упоминается в актах Русского Пантелеимонова монастыря в 1620-е годы, и тоже по случаю поездки через земли Украины в Москву за милостыней для Русика.¹⁰¹ Не исключено, что это мог быть один и тот же человек, который не раз ездил с подобной миссией в Украину и Россию.¹⁰²

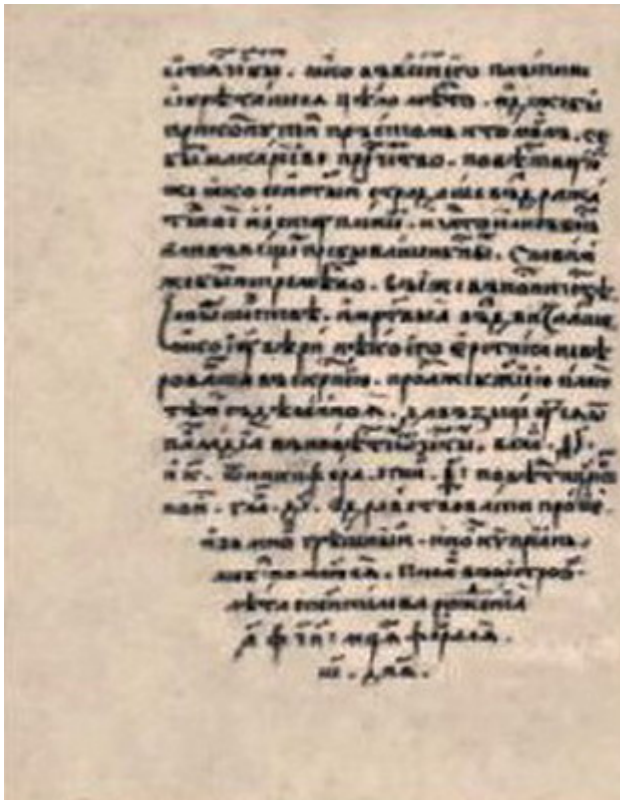
Говоря о Русском Пантелеимоновом монастыре на Афоне, стоит также обратить внимание на следующий факт: под 1619–1620 годами игуменом обители значится некий отец Киприан Русин. В частности, сохранился акт святогорского синаксиса за ноябрь 1619 года по поводу нарушения монахами Ксенофонта имущественных прав обители Дохиар. Под этим документом стоят подписи игуменов 14 афонских монастырей, и среди них подпись Κυπριανός Ρούσος.¹⁰³ Вероятнее всего, этим отец Киприаном Русином был другой сподвижник старца Иоанна Вишенского – иеромонах Киприан Острожанин, также упоминавшийся в «Совѣтовании о благочестии» за 1621 год: «Послати до Патріархи Константинопольскаго по благословение, помоч и раду и на Светую Афонскую гору послати, вызвати и препровадити преподобных мужей росов, межи иными блаженных Квприана и Іоана пореклом Вишенского, и прочіих тамо обретающихся, в житіи и богословіи цвитущих. Потреба ест духовная, абы и росов маючихся истинно ко житію добродѣтельному, посылати на Афон яко в школу духовную».¹⁰⁴

Известно, что отец Киприан Острожанин попечением князя Острожского был отправлен для обучения в греческую школу в Венеции, по окончании которой поступил в Падуанский университет.¹⁰⁵ В качестве переводчика с греческого в 1596 году

принимал активное участие в антиуниатском Православном Соборе в Бресте, где, несомненно, общался с игуменом Афонского Пантелеимонова монастыря архимандритом Матфеем. Он несколько раз посещал восточных патриархов Мелетия Пигаса и Кирилла Лукариса с целью координации антиуниатской деятельности, затем ушел на Афон, где и остался. Киприану принадлежат переводы с греческого на славянский «Бесед Макария Египетского» (1598), сборника афоризмов «Пчела» (1599), «Синтагматона о семи святах таинствах» митрополита Гавриила Севира (1603), «Бесед Иоанна Златоустого на Евангелие от Иоанна» (1605).

Начальные страницы переведенного о. Киприаном Острожанином в 1603 г. произведения митр. Гавриила Севира «Синтагматон»

Запись о копировании о. Киприаном Острожанином рукописи в Остроге 12.02.1598 г.

Константинопольский патриарх Кирилл Лукарис именовал отца Киприана «образованнейшим, искусным в языке и греческих науках».¹⁰⁶ А Киево-Печерский архимандрит Захария Копыстенский в 1623 году характеризует его как «преподобнаго въ сщєнноиноцє (х) Купріана суща отъ града Острога, мужа въ єллинскомъ діалєкті искусна, въ Єнєтіихъ же и Патавіи любомудрствовавша, по сихъ въ стѣй горѣ Аѡнстѣй поживша, и нынѣ тамѡ въ Бгдохновеннѣй прм (д) рости и въспѣаніи и оума просвѣщеніи пребывающа».¹⁰⁷

Из «Совѣтованія о благочестии» и сообщения архимандрита Захарии Копыстенского следует, что в 1621–1623 годах отец Киприан все еще подвизался на Афоне, из чего можно предположить, что именно он и был тогда тем игуменом древнего Русика, о котором упоминается в святогорском акте за ноябрь 1619 года.

Таким образом, Пантелеимонов монастырь на Афоне в период с 1596-го по 1623 год являлся важным духовным

центром, из которого, при поддержке Константинопольских патриархов, координировались многие действия по сопротивлению Брестской унии и возрождению православия в Украине.

Святитель Мелетий Пигас и первые послания отца Иоанна Вишенского

На Святой Горе Афон, удалившись от суеты «мира сего», отец Иоанн Вишенский пытался постичь основы святоотеческой аскетики, опыт святогорского исихастского подвижничества и обрести молитвенное уединение и безмолвие. Однако окончательно изолироваться от «мира» и затеряться среди безвестных афонских отшельников-исихастов ему так и не удалось.

Приходившие из родного края известия об отступлении высшей иерархии от православия, подготовке и принятии Брестской унии с Римом заставили подвижника включиться в борьбу за чистоту православия. Именно с Афона, в ответ на поступавшие из Украины неоднократные обращения и просьбы, он начинает посылать свои знаменитые послания, которые дали мощный импульс украинской полемической литературе конца XVI – начала XVII веков.

Уже в 1596 году на Афон к старцу Иоанну пишет письмо местоблюститель Константинопольского патриаршего престола патриарх Александрийский Мелетий I Пигас (1549–1601). Тот факт, что к Иоанну Вишенскому обращается сам патриарх, свидетельствует о том, что старец был уже довольно известен и имел определенный духовный авторитет как среди святогорцев, так и на родине. В письме к Иоанну Вишенскому святитель Мелетий обращался такими словами:

«Пойми эту тайну чадо мое, и не оставайся в пустыне с целью жить только для себя одного, да и то, пожалуй, не вполне довольный. Не порицаю я пустыни, потому что и сам я ее сторонник, но, заботясь о спасении ближних, зову тебя в боевые ряды сынов Божиих. Братьям твоим, мучительные заботы которых общи с твоими, грозит в Польше опасность потерять святыни. Православные жители Польши остаются даже беспомощными пред людьми, мыслящими неправо. Нашего старанья мало; нужно и вам поусердствовать для Бога Вседержителя. Ведь и Илия-пустынножитель изобличил Ахава и

избил жрецов Иезавелиных. Стало быть, мы знаем, что Илия, предтеча евангельской благодати, одновременно с пустынными занятиями не переставал провозглашать народам путь ко спасению и даже не колебался умереть за истину».¹⁰⁸

Свт. Мелетий I Пигас (1549–1601), папа и патриарх Александрийский, местоблюститель Константинопольского патриаршего престола

Ответом на такое обращение патриарха и стали первые полемические послания старца Иоанна, которые должны были подготовить почву (и последователей) для его приезда в Украину.

Многие исследователи ошибочно считают, что Иоанн Вишенский не прислушался к пожеланиям патриарха, оставшись на Афоне. Однако такая трактовка в корне неверна. Необходимо

учитывать, что в монастырях и скитах Афона не разрешается самовольного отлучаться из обителей без благословения настоятеля и духовника. Не пройдя при монастыре необходимого срока монашеского искуса,

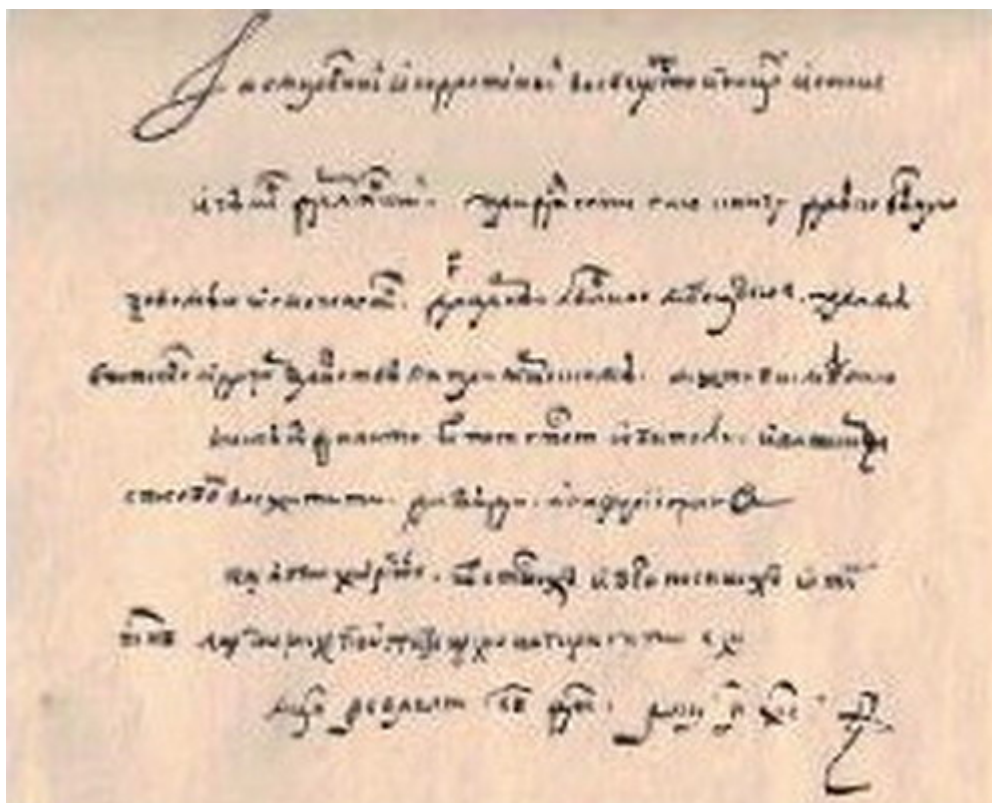
послушания и отсечения собственной воли, отец Иоанн не мог на свое усмотрение удалиться со Святой Горы, даже если его об этом просил сам патриарх. Но он мог принести не меньше пользы для отечества, как раз оставаясь на Святой Горе, своей литературной деятельностью. И, как показала практика, именно это выбранное старцем направление оказалось наиболее духовно плодотворным.

Свт. Мелетий I Пигас (1549–1601), папа и патриарх Александрийский, местоблюститель Константинопольского патриаршего престола

До сих пор остается нерешенным вопрос, откуда патриарх Мелетий мог узнать об афонском отшельнике-скитнике из Украины? Некоторые исследователи предполагают, что, возможно, это могло быть из-за просьбы Львовского братства к патриарху. Не исключается также инициатива Острожского кружка и, в частности, уже упомянутого отца Киприана Острожанина, посещавшего патриарха Мелетия в 1597–1598 годах для согласования антиунийных действий и в тот же период совершившего поездку на Афон.¹⁰⁹ Не отвергая обеих

версий, все же, думается, правильнее искать ответ в самих произведениях Иоанна Вишенского. Так в «Краткословном ответе Феодула ... Петру Скарге» старец уточняет, что «яко от Александрии, повелением святейшаго Мелетия патриарха александрийскаго, списанием Исаака иеродиякона, во Святую гору сию Скаржино счинение прислася и отвещати правду против лжи, без баснословия, риторского ухищрения, просто, евангельски, повелесея».¹¹⁰ Здесь же старец объясняет и причины, по которым обратился к нему патриарх: «занеже патриарха людскако языка сам ведом не есть ..., посла сего ко мне во Святую гору и повеле только лжу изъясвити... Еднако мне повеленное, от архиерея Божия послушав, паче же естественною любовью...».¹¹¹

Дарственная запись о. Исаакія (Борисковича) на дерманском «Октоихе» 1604 г.

Итак, как видно, Иоанн Вишенский состоял в переписке с патриархом Мелетием, причем, вероятно, получал от него письма не единожды. При этом Вишенский уточняет, что связь со святителем он поддерживал через некоего «Исаака

иеродиякона», посещавшего его на Афоне. Нет сомнения, что речь в данном случае идет об Исаакии Святогорце (Борисковиче), будущем епископе Луцком и Острожском. Сам о себе он свидетельствовал следующее: «Ученик есмь приснопамятнаго небожчика святейшого Мелетия, патриарха Александрийского. Седм лет в послушании ему послужих, и диаконский степень от святою руку его въсприях... И в Святей Горе пятнадесять лет сотворих».¹¹²

Таким образом, подробности о старце Иоанне патриарх Мелетий, скорее всего, впервые мог узнать от Исаакия Борисковича, поддерживавшего отношения с Острогом и князем Константином. Однако это не опровергает, а дополняет версию, что в отношении Иоанна Вишенского могли поступать просьбы и от Львовского братства, и от Острожского кружка, как и от самого князя Острожского.

Поскольку послания Иоанна Вишенского уже неоднократно и подробно исследованы многими учеными, в данной работе мы не будем на них детально останавливаться.

До наших дней сохранилось 16 произведений старца. Три из них были составлены до Брестской унии: «Писание до всех обще, в Лядской земли живущих» (1588) и «Извещение краткое о латинских прелестях...» (1588–1589), а также «Новина, или Вѣсть о обретении тела Варлаама, архиепископа Охридскаго...». Остальные 13 написаны после унии 1596 года и посвящены, преимущественно, апологии православной веры и обличению епископата и духовенства, отступивших от православия.

Титульная страница острожской «Книжицы» (в 10 разделах) с посланием старца Иоанна Вишенского «От святое Афонское горы скитствующим» (Острог, 1598)

При жизни старца опубликовано было только одно послание – «От святое Афонское горы скитствующим», вошедшее в изданный в Остроге в 1598 году сборник с посланиями князя Константина Острожского и патриарха Мелетия Пигаса. Остальные имели распространение лишь в рукописных вариантах.

В частности, Иоанн Вишенский пишет в 1598 году обличительное «писание к утекшим от православной веры епископам» – митрополиту Михаилу Рогозе и епископам Ипатию Потю, Кириллу Терлецкому, Леонтию Пелчицкому, Дионисию Збируйскому и Григорию Загоровскому. Это послание написано как ответ на книгу Ипатия Потия «Оборона згоды...». Также перед поездкой в Украину по просьбе патриарха Мелетия он составляет на Афоне разбор книги польского римско-католического теолога-иезуита, придворного проповедника

короля Сигизмунда III и ректора Виленской академии Петра Скарги (1536–1612).

Портрет Петра Скарги (1536–1612)

Среди прочих произведений старца наиболее известны «Обличение диявола-миродержца...», «Порада», «О еретиках», «Загадка философам латинским...», «След к постижению и изучению художества...» (все – 1599–1600), «Зачапка мудрого латынника з глупым Русином» (1608–1609), «Позорище мысленное» (1615–1616) и др.

Портрет, подпись и печать еп. Ипатия Потия (1541–1613)

Большая часть этих сочинений была объединена в составленный около 1599–1601 годов авторский сборник «Книжка Иоанна мниха, Вишенского, от Святыя Афонския горы в написание всех православных христиан братствам и всем благочестивым, в Малой России в Короне Полской жителствующим...».

Скорее всего, сборник этот был подготовлен и передан в Украину между 1600–1602 годами через отца Исаакия Борисковича, посетившего в это время Афон. По мнению И. П. Еремина, «Книжка...» была передана старцем Иоанном для публикации Львовскому братству.¹¹³ Однако в связи с имевшимися у святогорца разногласиями с братчиками она так и не увидела свет. Не исключено, что причиной отказа в издании было крайне оппозиционное отношение автора ко всему общественному строю Речи Посполитой. В частности, И. П. Еремин считал, что сочинения Иоанна Вишенского принадлежали к числу «pism uszczypliwych» (злоречивых

сочинений), распространение которых в Речи Посполитой было запрещено и каралось законом.¹¹⁴

Иллюстрация Софии Караффы-Корбут к поэме Ивана Франко «Иван Вишенский», 1970-е гг.

Это и не удивительно. Ведь в посланиях старца звучали неприемлемые для многих тогда заявления о равенстве пред Богом шляхты и простых людей, и даже призывы к неповиновению властям, преследующим православную веру. Обращаясь к знатым шляхтичам, старец восклицает: «чим ты лѣпший от хлопа».¹¹⁵ По мнению старца, подлинным шляхтичем является всякий, кто «з неволѣ мирское к Богу вырнет и совышше ся от Духа Святого породит».¹¹⁶ Кроме того, как антиправительственные и антигосударственные звучали и его призывы: «будѣте готови отлучитися от того погибелного антихристова и содомскаго рода... Где бо в поганѣх таковый плод нечистый, яко ж нынѣ в Лядской земли видится?». «На панов же ваших русского роду, на сыны челоувѣческия, не надѣйтеся! В них же нѣст спасения... Тѣмже да отступит от неправды всяк именуяй имя Господне. Будите убо готови на

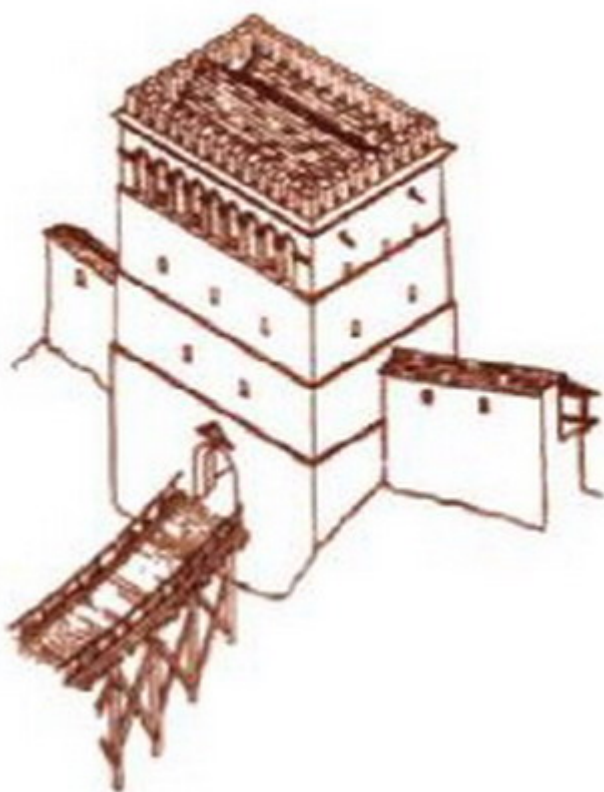
приятие Иисуса, который нынѣ у вашей земли нѣмает где главу поклонити». ¹¹⁷

Подобные призывы старца к буквальному исполнению заповедей Христовых действительно в Речи Посполитой могли расцениваться как «крамольные» и антигосударственные, в связи с чем издание и распространение их было весьма небезопасным.

Монашеская реформа в Украине: старец Иоанн Вишенский и его сподвижники

После нескольких лет интенсивной переписки с соотечественниками старец Иоанн Вишенский таки решается покинуть затвор и около 1604 года приезжает в Украину. Он встречается со своими единомышленниками,

посещает ряд православных монастырей в Галиции и на Волыни. Судя по косвенным сведениям из Жития преподобного Иова (Княгиницкого), одним из первых старец Иоанн посещает Дерманский Свято-Троицкий монастырь неподалеку от Острога,¹¹⁸ попечителем которого являлся князь Василий-Константин Острожский.¹¹⁹ Игуменом обители в это время был давний приятель и сподвижник отцов Иоанна Вишенского и Иова (Княгиницкого) – отец Исаакий (Борискович) Святогорец, который,

Надвратная башня Дерманского монастыря. Реконструкция Е. Годованюк

Свято-Троицкого

Дерманский Свято-Троицкий монастырь. Современный вид как уже отмечалось ранее, и был одним из главных инициаторов приглашения старца Иоанна. Именно на момент приезда Иоанна Вишенского в Украину князь Константин и игумен Исаакий пригласили преподобного Иова (Княгиницкого) в Дермань для оказания помощи в устроении в монастыре афонского общежительного устава.¹²⁰

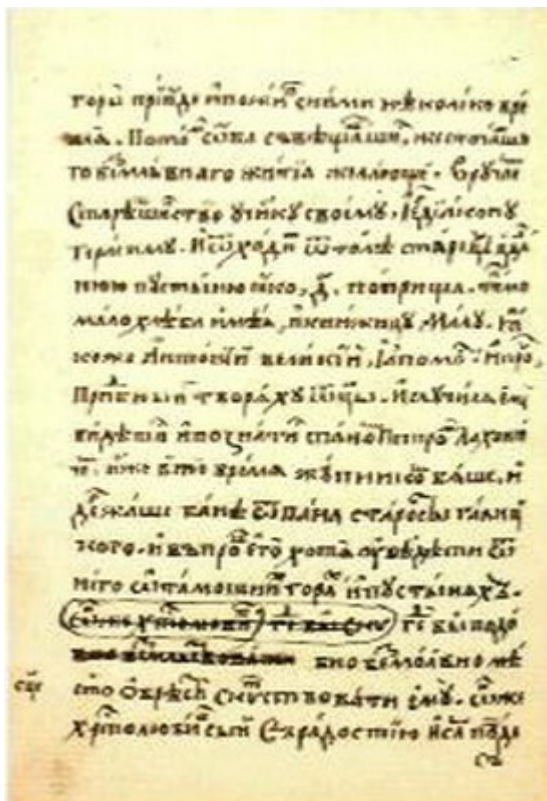
Во всяком случае, Житие преподобного Иова (Княгиницкого) впервые упоминает о приезде в Украину старца Иоанна Вишенского именно в контексте проводимых отцом Иовом реформ в Дерманском и Угорницком монастырях, отмечая, что «в том часе отец Иоанн, Вышенский друг его, от Святы Горы прийде и пожи с ним неколикое время».¹²¹

По всей видимости, приезд в это время старца Иоанна Вишенского вызван был не столько соображениями полемической деятельности, и уж тем более не инициативами Львовского братства, сколько необходимостью оказать помощь преподобному Иову (Княгиницкому) и игумену Исаакию (Борисковичу) в осуществлении затеянной ими при поддержке князя Острожского масштабной монастырской реформы. Ее целью был перевод ряда украинских монастырей на афонский устав, с тем чтобы они были не церковно-феодальными

хозяйственными корпорациями, но подлинными духовными центрами православия и мистико-исихастской традиции.

Страницы рукописи Жития прп. Иова (Княгиницкого), где упоминается о старце Иоанне Вишенском

Страницы рукописи Жития прп. Иова (Княгиницкого), где упоминается о старце Иоанне Вишенском

Как призывал старец Иоанн в одном из своих посланий: «Русь жития чистого ищет, тепер в нас цноты, учтивости и доброго сумнения видѣти прагнет... Манастирьѣ, на благочестие наданые, от фолваркового имени на общее житие пременѣте, зане нынѣ владыкове проклятые фолварки собѣ починили з опщих манастирей и мысливства прекормлюют в них, а не душѣ, спасаемые на живот вѣчный». ¹²²

Как мы знаем, в рамках затеянной при участии старца Иоанна Вишенского монастырской реформы в это время по афонскому образцу были преобразованы, помимо Дерманского, Угорницкий, Уневский, Почаевский и другие монастыри, а также основан знаменитый Манявский скит, сыгравший важное значение в возрождении православного монашества в Западной Украине. ¹²³

Плоды такой деятельности не заставили себя долго ждать. Под влиянием «афонитов» оставшиеся верными православию монастыри постепенно преобразовывались в национальные

духовно-культурные очаги. Возрожденные при участии афонских подвижников обители становятся в Украине теми центрами, вокруг которых и начинается духовное, культурное и политическое возрождение. Как отмечал И. Власовский, «начатые с унии преследования православия и православных в Польско-Литовском государстве возбуждали ревность к монашеской жизни, – в украинской шляхте, кто из нее оставался верным своей Церкви, а также и среди простого народа усиливается набожность, которая проявляется в создании новых монастырей, которые были бы крепостями православия при наступлении на него католичества и местами духовного молитвенного спокойствия для исповедников в свирепые времена».¹²⁴

Прп. Иов (Княгиницкий) и прп. Феодосии Манявский

Несмотря на гонения и притеснения, во многих украинских православных монастырях в течение XVII века растет число насельников – до 100–200 монахов,¹²⁵ появляется до 55 новых обителей,¹²⁶ и почти все они обустраиваются по афонскому уставу, в них возрождаются афонские исихастские традиции,

открываются школы, переписываются или печатаются книги. Так что этот период справедливо можно назвать «украинским исихастским возрождением» XVII века. Для более ясного понимания царивших тогда настроений, позволим себе процитировать высказывания исследователя той эпохи П. Кулиша: «Существовало в Малороссии целое общество людей, которые на панские конфедерации и съезды смотрели, как на дела еретические...

Иллюстрация Софии Караффы-Корбут к поэме Ивана Франко «Иван Вишенский», 1970-е гг.

Во главе этого общества стояли тихие, молчаливые иноки, которых Афон живым примером своих подвижников воспитывал помимо науки, созерцавшей христианство сквозь медиум образованности языческой... Спасаясь от «сатанинского обаяния», удалялись они ... на Афон, «яко в духовную школу». Там проживали они по многу лет, утверждаясь в незыблемости православия... Об этих строгих аскетах, по близким и далеким обителям, шла усладительная для добрых иноков молва... Их словесные и письменные наставления действовали тем шире,

чем больше был сосредоточен в богомыслии пламенный дух их... Они стояли к чернорабочей массе ближе тех, что ею правили. Они внушали ей доверие своей неприкосновенностью к выгодам правления. Они знали простой народ во всех его слоях, и умели покорять дикий дух украинского ремесленника и украинского хлебороба кротким внушением веры... Лучшей школой здравомыслия почитали они Афон, где предания и обычаи древнего христианства хранились в строгой неизменности... С этой знаменитой Горы не переставали приходить к нам люди, вооруженные глубоким разумением тех пунктов православной веры, которые, по словам «Советования о благочестии», были облиты кровью... Они продолжали дело основателей Печерского монастыря, и, так сказать, поддерживали на маяке огонь, когда весь Малорусский край был объят бурей и мраком. Не знаемые ни миром, ни бытописанием, они, тем не менее, имели многих последователей своего богомыслия, и в общении с ними хранили целостность Восточной Церкви в нашей земле, наполненной иноверными пришельцами... Одним из таких преподобных мужей россов, упомянутый в «Советование о благочестии», Иоанн Вишенский, должен был иметь особенно сильное влияние на соотечественников, судя по самородному красноречию его посланий, приносимых в малорусские монастыри питомцами афонской школы... Афон постоянно поддерживал Печерскую обитель в строгом хранении унаследованной от времен апостольских веры, и постоянно снабжал его братию своими питомцами, подобными Иоанну Вишенскому».¹²⁷

Угорницкая икона Божией Матери с прп. Иовом Почаевским и прп. Иовом (Княгиницким)

Именно такой видится нам миссия старца Иоанна Вишенского, ради которой он и решился оставить дорогой его сердцу уединенно-исихастский образ подвижничества на далеком Афоне.

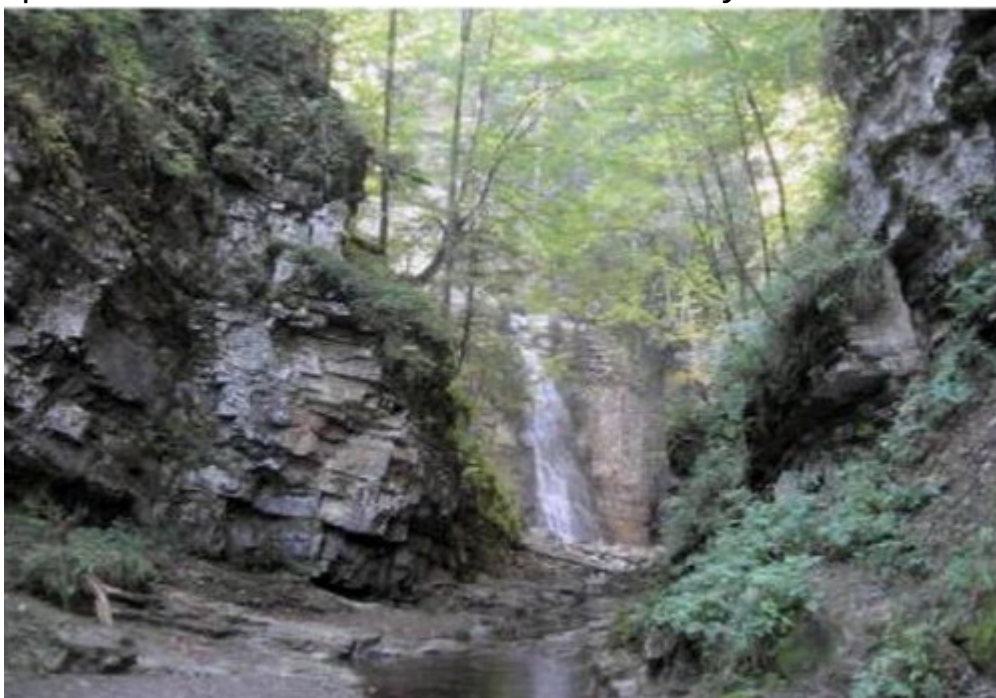
После пребывания в Дерманском монастыре и, вероятно, в Остроге, расположенном рядом с обителью, старец Иоанн отправляется следом за преподобным Иовом (Княгиницким) в Угорницкий монастырь близ местности Отыния (ныне Коломыйский район Ивано-Франковской области), откуда был родом другой выдающийся подвижник и современник старца преподобный Иов (Желизо) Почаевский (1551–1651). Из Жития последнего известно, что постриг он принимал в Угорницком монастыре, где подвизался первые десять лет.¹²⁸

По всей видимости, после Брестской унии Угорницкая обитель пришла в упадок, в связи с чем около 1603 года по просьбе Адама Балабана, племянника львовского епископа Гedeона, преподобный Иов (Княгиницкий), вернувшись с Афона,

принялся обустраивать здесь по афонскому образцу новую общежительную обитель, чтобы «начать скитствовать сам».¹²⁹ Житие преподобного Иова сообщает, что за довольно короткое

Места отшельнических подвигов прп. Иова (Княгиницкого) и старца Иова Вишенского в Манявском лесу

Места отшельнических подвигов прп. Иова (Княгиницкого) и старца Иова Вишенского в Манявском лесу

Руины Великого скита в Маняве. Худ. А. Лянге, XIX в.

Руины Великого скита в Маняве. Гравюра Леонардо Гроздко, XIX в.

время вокруг него собралось немало иноков, а иные, из других монастырей, стали обращаться к нему за духовными наставлениями, как к старцу.¹³⁰

Житие преподобного Иова (Княгиницкого) сообщает, что старец Иоанн Вишенский в Угорницкой обители «пожи с ним

неколикое время».¹³¹ О том, что отец Иоанн не просто гостил в Угорницком монастыре, мы узнаем из краткого упоминания в Житии, что оба старца «совещаши, жесточайшаго безмолвнаго жития желающе».¹³² Что это было за «совещание», Житие не уточняет, однако после него преподобный Иов (Княгиницкий) оставляет Угорницкую обитель и начинает отшельнически подвизаться сам в пустынной местности среди девственных лесов Карпатских гор. На этом месте пустынноческих подвигов преподобного и был им основан по афонскому образцу знаменитый Манявский скит.¹³³

Таким образом, получается, что уединение преподобного Иова (Княгиницкого) и основание Манявского скита произошли по благословению и при участии старца Иоанна Вишенского. В этом же скиту, вскоре по основании, вместе с преподобным Иовом поселился и сам Иоанн, которому Иов на время затвора вручил для духовного воспитания своего племянника Дмитра, «бо и той любя безмолвие».¹³⁴ Житие сообщает, что когда Иоанн Вишенский снова возвращался на Афон, то завещал преподобному Иову не отлучаться «от гор сих и пустыни», поскольку место это наиболее подходило для молитвенно-исихастского уединения и подвига.¹³⁵ И далее автор Жития отмечает, что эти слова старца Иоанна сбылись, «ибо по отшествии его начата приходить» сюда многие иноки и миряне, ревнующие о спасении,¹³⁶ благодаря чему очень скоро в Манявском скиту собралось довольно большое братство.

Этот факт имеет важное значение как в биографии старца Иоанна Вишенского, так и в истории создания Манявского скита. Впоследствии вокруг этой обители и под ее прямым влиянием в XVII веке образовалась целая сеть из нескольких десятков монастырей и скитов в Западной Украине, которые служили форпостами православия в крае и в которых действовали строгие афонские традиции и уставы.¹³⁷ Имел влияние Манявский скит даже на монастыри соседней Молдо-Валахии.¹³⁸

Манявский скит. Современный вид

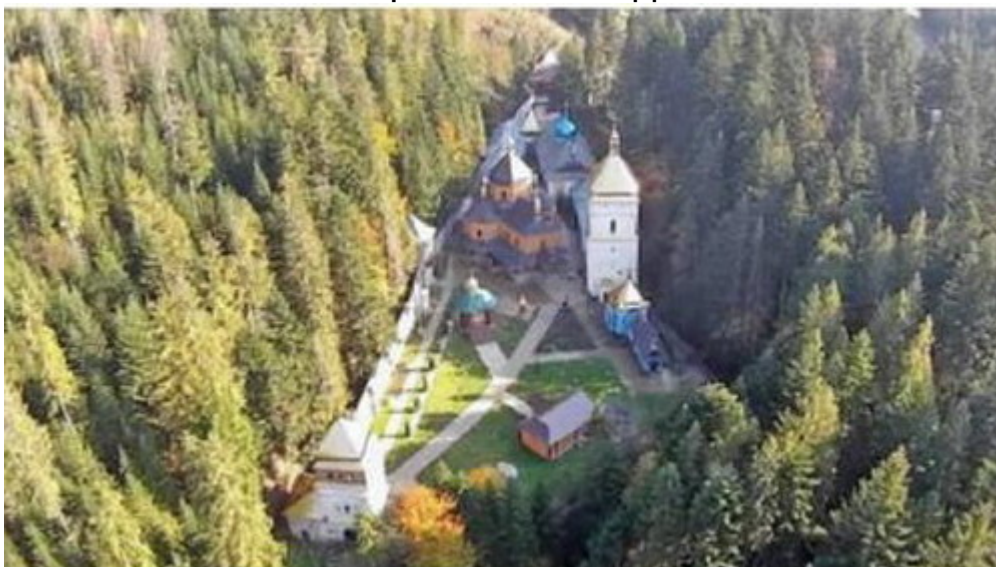
Из Жития преподобного Иова (Княгиницкого) видно, что еще до переезда в Манявский скит, побыв какое-то время у него в Угорницкой обители, старец Иоанн вместе с племянником его Дмитрием оставили его. О том, куда они направились, мы узнаем из послания Иоанна Вишенского «к старице Домнии»¹³⁹ (в Житии Иова (Княгиницкого) именуется «старницей Домной»). В этом документе, составленном в Уневском монастыре на Львовщине, сообщается важная деталь, а именно, что старец Иоанн странствовал по Западной Украине и посещал Львов, где имел встречи с руководством и членами Львовского ставропигиального братства. Кроме этого свидетельства, о пребывании Иоанна Вишенского во Львове упоминается также и в одном из отчетов Львовского братства за 1605 год, где сообщается, что братством была выделена отцу Иоанну некая материальная помощь.¹⁴⁰

Судя по всему, встреча с Львовским братством не являлась основной во время визита старца Иоанна в Украину. Она носила второстепенный характер и была связана, скорее всего, с

попыткой афонского подвижника убедить братчиков вернуться к консервативно-традиционалистским ценностям византийско-святоотеческого наследия, отказавшись от «латинского мудрования» и иезуитско-схоластических стандартов преподавания в братской школе.

Манявский скит. Современный вид

Манявский скит. Современный вид

В послании «к старице Домникии» Иоанн Вишенский подробно описывает причины разногласий, возникших у него с

руководством Львовского братства и, в частности, с влиятельным львовским мещанином и меценатом Юрием Рогатинцем. Последний, будучи защитником православия, отстаивал умеренность в религиозной борьбе и считал более полезным в противостоянии католицизму союз с протестантами и создание школ по западному образцу. На этой почве, судя по всему, и не сошелся с братчиками афонский старец, считавший более важным возрождение святоотеческого учения и мистического молитвенного опыта, при помощи которого и малограмотный селянин или «рыбалка» способен «обрести разум духовный» и постичь благодать, созерцая Самого Господа.

Фрагмент панорамы Львова с гравюры А. Гогенберга, XVII в.

Крестный ход во Львове. Гравюра

Описывая спор с Ю. Рогатинцем, старец отмечает, что «пан Юрко сопротивляется слѣдови законному Святых Отец», и что «правило церковное ни за что не вмѣняет и яко простое и дурное быти разумѣет».¹⁴¹ Также он критикует существовавшие в братстве порядки, программу образования в братской школе и ее учителей, которые не обучают творениям Святых Отцов, но «з латинской ереси себѣ способ ухвативши, зараз школы, бают, проповѣдают и учат, а полѣровнаго и безстрастнаго жития не хотят и тот слѣд, изображенный святыми (по отправѣ школноѣ науки), отвергли».¹⁴² Помимо этого, придерживаясь не только на словах, но и на практике идей нестяжательства, отец Иоанн порицает стремление братчиков к роскошной светской жизни.

Панорама Львова, 1616 г.

Не найдя взаимопонимания с представителями Львовского братства, старец Иоанн из Львова «до Унева отидох».¹⁴³ Здесь он останавливается в Свято-Успенском монастыре, где и пишет послание к «старице Домникии», поддерживавшей духовное общение с преподобным Иовом (Княгиницким). Однако отъезд отца Иоанна в Уневский монастырь вряд ли был случайным или внезапным, как это полагают некоторые авторы. Из Жития преподобного Иова известно, что его стараниями здесь, как и в Угорницком и Дерманском монастырях, также предпринимались попытки перевести обитель на афонский общежительный устав.¹⁴⁴ Поэтому посещение Иоанном Вишенским Уневской Свято-Успенской обители, вероятнее всего, было связано, как уже отмечалось, не с «бегством из Львова» и желанием вести полемику и споры, но с проводимой в это время сторонниками афонских традиций монастырской реформой.¹⁴⁵

Уневский Свято-Успенский монастырь (с. Унев, Львовская обл.). Современный вид

Здесь, в Уневском монастыре, Иоанн Вишенский получил письмо от Ю. Рогатинца, который, судя по всему, в довольно резких тонах укорял старца за нежелание принять участие в деятельности братства и настаивал, чтобы тот приступил к активной общественно-полемической деятельности, ссылаясь на «народно ожидание».¹⁴⁶ Неизвестно, ответил ли старец Рогатинцу, однако в послании к «старице Домникии» он

сообщает о своем, «ради отшедшаго в пустыню на покаяние», категорическом нежелании участвовать в мирских делах и общественных проектах Львовского братства.

После Уневского монастыря старец посетил еще ряд монастырей Западной Украины. В частности, он приходит к преподобному Иову (Княгиницкому) в пустынное место, где тот впоследствии основал Манявский скит. Здесь они вместе подвизались какое-то время в уединении, посте и молитве, после чего отец Иоанн вновь возвратился на Афон, оставив с преподобным Иовом уже духовно окрепшего его племянника Дмитра.¹⁴⁷

На основе косвенных свидетельств Иван Франко считал, что, помимо посещения Львовского братства, Угорницкого, Уневского, Дерманского и других монастырей, старец Иоанн Вишенский также посещал Острог и встречался со своим старым благодетелем князем Константином Острожским.¹⁴⁸ Однако между ними, как полагают многие исследователи, имелись разногласия, из-за чего отношения могли быть прохладными.¹⁴⁹ В частности, Иоанн Вишенский осуждал сына князя Константина, перешедшего из православия в католицизм.¹⁵⁰

Прп. Иов Почаевский

Дубенский замок. Современный вид

В этот же период, по мнению ряда исследователей, старец Иоанн пересекался со странствующим просветителем и

книгопечатником иеромонахом Павлом (Домжив-Лютковичем, † 1634).¹⁵¹

Кроме того, есть основания полагать, что во время пребывания в Украине старец Иоанн встречался с преподобным Иовом (Желизо, ок. 1551–1651) Почаевским, который был не просто его современником и земляком, но и единомышленником, и старец Иоанн даже мог иметь духовное влияние на него.

Дубенская Спасо-Преображенская церковь XVI в.
Реконструкция Е. Годованюк

Вероятнее всего, преподобный Иов (Желизо) был знаком с Иоанном Вишенским и Иовом (Княгиницким) еще с конца 1580-х годов, когда князем Константином Острожским был приглашен в Острог и Дубно. Здесь, в Дубенском монастыре, он стал игумениарисом (помощником игумена) и благочинным, а затем и игуменом обители, возглавляя ее, как свидетельствует Житие преподобного, более 20 лет (с конца 1580-х по 1605–07 гг.). В ту пору Дубенский Крестовоздвиженский монастырь был важным центром православного монашества, просвещения и полемики с

католиками. Это была одна из фамильных обителей князей Острожских. Здесь же князь Константин в монашеском облачении и по монастырскому уставу любил проводить Великий пост.¹⁵² Будучи тесно связан с Острожским кружком и его покровителем, преподобный Иов (Желизо) просто не мог не быть знаком с Вишенским и Княгиницким, служившими в ту пору у князя и выполнявшими важные его поручения церковного характера. Более того, как доказала В. П. Колосова, монашеский постриг Иоанн Вишенский принимал в соседнем Дубенском Свято-Преображенском монастыре,¹⁵³ что также подтверждает мнение о давнем знакомстве двух «дубенских» подвижников.

Образ свт. Николая – вклад кн. В.К. Острожского в один из дубенских монастырей. Фото В. Каминского 1919 г.

На момент возвращения старца Иоанна Вишенского с Афона в Украину преподобный Иов Почаевский по какой-то причине был отстранен от игуменства в Дубенском монастыре. Вместо него настоятелем обители становится отец Виталий из Дубно, автор «Диоптры, сиречь Зерцало, албо Изображение

известное живота человеческого в мире».¹⁵⁴ В написанном в Уневском монастыре послании к «старице Домникии» Иоанн Вишенский весной 1605 года сообщает об имевшемся у него в ту пору конфликте с игуменом Виталием, от которого ему довелось претерпеть «поношение и уничижение». Упомянув об этом, святогорец так отзывается о новом дубенском настоятеле: «Сей же глас, мню, в первых пан Виталий, казнодѣя волынский, отрыгал».¹⁵⁵ Кроме того, старец Иоанн уличил отца Виталия в склонности к «мудрованиям латинским».

До этих событий преподобный Иов Почаевский, хоть и был отстранен от игуменства, продолжал оставаться в Дубенском монастыре. Однако именно в период с 1605-го по 1607 гг. преподобный неожиданно для всех «тайно оставил» родную обитель, которой отдал более 20 лет, и перебрался в пустынное место в окрестности Почаевской горы, где поселился в пещере для молитвенного уединения и аскетических подвигов.¹⁵⁶ Как мы знаем, в это же время по совету Иоанна Вишенского так же поступает и преподобный Иов (Княгиницкий), оставивший Угорницкий монастырь и удалившийся в пустынное место «жесточайшаго безмолвнаго жития желающе».¹⁵⁷

События эти совпадают как по времени, так и по характеру. Оба современника удаляются в пустыню для молитвенного уединения, а затем на месте своего отшельничества основывают новые обители – Манявскую и Почаевскую, ставшие новыми центрами и светочами православной духовности и монашества в крае.

Со временем почаевские иноки, видя глубокий аскетизм Иова (Желизо), пригласили его стать игуменом Почаевской обители, где старец вводит афонский общежительный устав. Примечательно, что именно около 1607 года в Почаевском монастыре значительно увеличилось число насельников,¹⁵⁸ что связано, скорее всего, с переходом туда следом за преподобным Иовом части братства из Дубно.¹⁵⁹

Прп. Иов (Княгиницкий) Тисменицкий и Манявский

Введение афонского общежительного устава требовало определенного духовного руководства и благословения со стороны опытного афонского подвижника и старца, каковым на тот момент уже был отец Иоанн Вишенский. Поэтому помимо упомянутых монастырей, старец Иоанн, скорее всего, во время своего «странствования» по Галиции и Волыни, побывал и в Почаевской обители. Не случайно, видимо, преподобный Иов (Желизо) в схиме принял имя Иоанн – как бы в память о своем наставнике и сподвижнике Иоанне Вишенском, так же как Иезекииль Княгиницкий в схиме принял имя Иов – в память о единомышленнике и сподвижнике Иове (Желизо), что должно было символизировать их духовное родство и братство. Этот факт тоже может служить дополнительным подтверждением мнения об их тесном знакомстве и взаимодействии. Скорее всего, и конфликт Иоанна Вишенского с новым дубенским игуменом Виталием тоже был как-то связан с делом преподобного Иова Почаевского.

В любом случае, одинаковые действия всех трех подвижников в одном и том же регионе и в одно и то же время по введению афонского общежительного устава свидетельствует о их взаимосвязанности. Все это совершалось в рамках масштабной монастырской реформы, затеянной ревнителями афонского исихастского наследия и традиций.

Прп. Иов Почаевский

Оборона Почавской Лавры. Рис. Н. Зубрицкого, 1704 г.

Почаевская Лавра. Акварель Т. Г. Шевченко, 1846 г.

Возвращение на Афон. Скитания и уход в пещерный затвор

Выполнив главную задачу своего визита в Украину по оказанию помощи в проведении монастырской реформы и утверждении афонского устава, старец Иоанн Вишенский около 1607 года вновь возвратился на Святую Гору Афон. При этом он завещал преподобному Иову (Княгиницкому) не покидать Манявскую пустынь, обоюдно облюбованную ими в молитвенно-аскетических подвигах, предсказав ей важную роль в будущем. Именно эта обитель не только стала центром монашества в землях Галиции, но и дольше всех продержалась в православной вере, оставаясь единственным в крае оплотом православия вплоть до насильственной ликвидации скита католическими австро-венгерскими властями в 1785 году.¹⁶⁰

В Украине старец Иоанн пробыл около трех лет. По возвращении на Святую Гору он пишет новые свои произведения: «Зачапка мудрого латынника з глупым русином» (1608–1609), «Послание Иову Княгиницкому» (1610), «Послание Львовскому братству» (1610) и «Позорище мысленное» (1615–1616).

Из его посланий не ясно, в какой из обителей на Афоне он поселился сразу после нескольких лет пребывания в родных краях. Однако логичнее всего, что прийти он должен был в ту же обитель, из которой и уходил. Как уже отмечалось ранее, скорее всего это был древнерусский скит Ксилургу. Известно, что выходцы из Украины населяли его вплоть до 1810 года, после чего в нем поселились болгарские иноки.¹⁶¹

Руины Великого скита в Маняве. Почтовая открытка, нач. XX в.

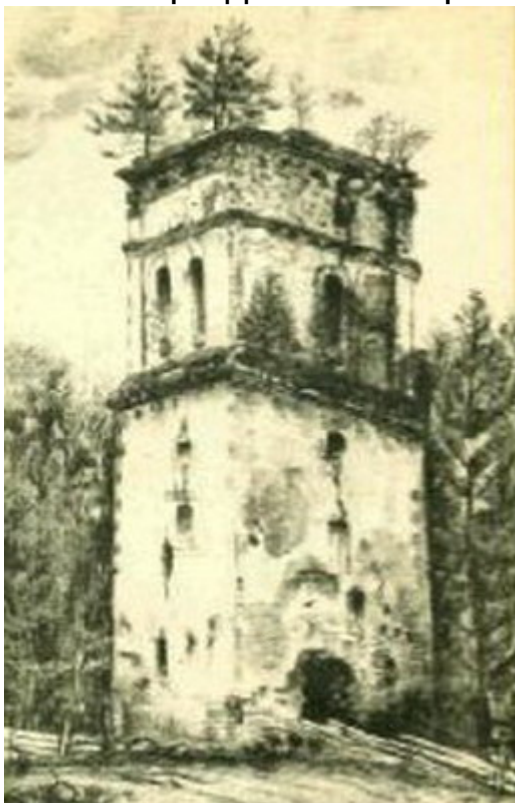

Руины Великого скита в Маняве. Почтовая открытка, нач. XX в.

Однако на этот раз на одном месте задержаться ему, судя по всему, не удалось. Уже в «Зачапке мудраго латынника...» он

о себе пишет: «инок русин, во святѣй Аѡнстѣй горѣ странствуяй».¹⁶²

Факт нового странствования по Святой Горе он подтверждает и в послании к преподобному Иову (Княгиницкому), сообщая, что ему пришлось «от кѣлія до келія и от монастыря до монастыря скитати».¹⁶³

Башня Великого скита в Маняве. Гравюра из книги Ю. Целевича, 1887 г.

Полагаясь во всем на волю Божию, старец Иоанн так формулирует свое положение и отношение к бытовым трудностям: «Изволивше жизнь, день пребыв, благодарю тя, Господи, и не пещися о утрнѣм – от милостыни хранитися можем».¹⁶⁴

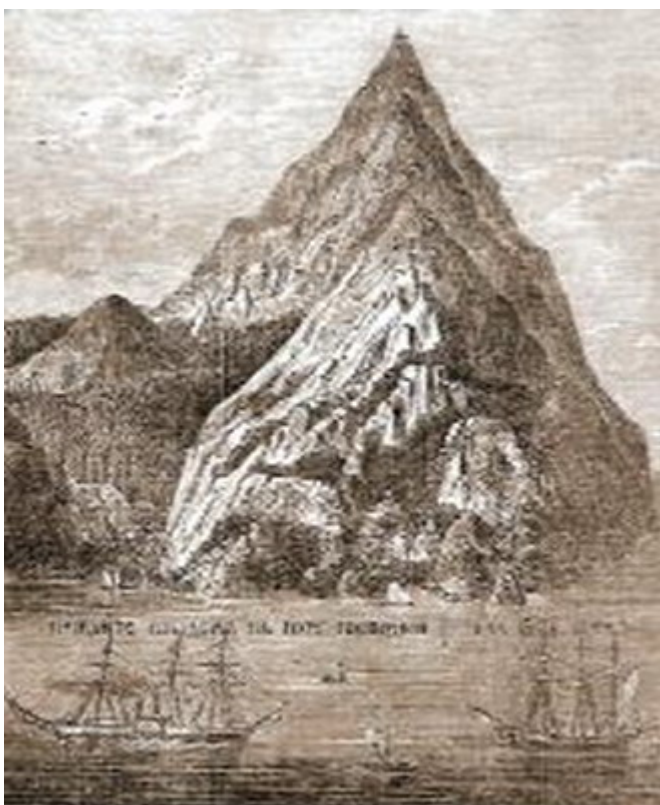
Старец Иоанн пишет, что «Святая гора раю подобна».¹⁶⁵ В этих его словах отражены причины стремления подвижника вновь возвратиться на Афон и подвизаться здесь в уединении и безмолвии. И даже иноверный турецкий гнет и связанные с этим трудности не могут оставить этих его устремлений и чаяний: «яко Святая гора раю подобна, аеровоздушным, чистотным и

утѣшительным зефиром, в отлучению мира содержима, дышающе; сия и нынѣ никакоже оскудѣ благодать, яже от воздуха... Аще же и тако аспрным нуждам Святая гора подлегла, но благодатию Христовою мир бѣ в конец доселѣ от вохода турков и еничарскаго, и в благочестии Святая гора по древнему никакоже оскудѣвает – и аще не имать аспри» (т.е. денег – прим. С. Ш.).¹⁶⁶

Из этого послания к преподобному Иову (Княгиницкому), как и из послания к Львовскому братству за тот же 1610 год, мы впервые узнаем, что старец Иоанн с этого времени стал подвизаться при болгарском монастыре Зограф. Письмо к преподобному Иову он заканчивает словами: «Писася в Святѣй горѣ, в неже время и соборное послание, в монастырѣ Зуграфе».¹⁶⁷ Аналогично и братчикам он сообщает: «Писася сие писание в святѣй Аѡнстѣй горѣ, монастыри Зуграфѣ».¹⁶⁸

Древнерусский скит «Ксилургу» на Афоне. Фото XIX в.

Святая Гора Афон. Гравюра XIX в.

Что же могло заставить «инока русина»¹⁶⁹ перейти в болгарский монастырь, если на Афоне со времен Крещения Киевской Руси действовала собственная древнерусская обитель?

Ответ на этот вопрос мы находим в том же послании старца к преподобному Иову. В частности, он сообщает, что в то время турки обложили новыми непомерными налогами святогорские обители.¹⁷⁰ При этом старец отмечает, что ныне на Афоне, дабы мирно и спокойно под турками жить, необходимо быть «желѣзн или сребрен»,¹⁷¹ то есть иметь деньги на уплату туркам налогов.

Необходимо заметить, что первая половина XVII века характеризуется новым экономическим упадком и запустением большинства афонских обителей, в том числе и Русика.¹⁷² То есть скитаться по обителям Афона стремившегося к уединению и затвору подвижника вновь заставили материальные трудности.

Посетив в 1623 году Великую Лавру, бывший Константинопольский патриарх Анфим II обнаружил там только

пятерых монахов, живших в полной нищете.¹⁷³

Что касается Русика, то постигшая Московское царство затяжная смута, народные бунты, непрерывные войны с поляками и шведами, результатом которых стали польско-шведская интервенция и даже взятие Москвы, привели к тому, что на это время прекратилась материальная поддержка и русского святогорского монастыря, столь ощутимая до упомянутых событий.¹⁷⁴ Отсутствие ктиторской опеки привело к скорому материальному упадку обители, что в условиях грабительской «вакуфной» политики турок грозило катастрофой для монастыря. Возможно, это была одна из причин, по которой старец Иоанн Вишенский оставил затвор и в 1604–1607 годах ездил в Украину, где встречался с князем Константином Острожским. Одной из тем переговоров мог быть и вопрос оказания материальной поддержки древнерусскому монастырю на Афоне. По этой же причине, скорее всего, в 1619 году игуменом Русика мог стать сподвижник старца Иоанна отец Киприан Острожанин.¹⁷⁵ Однако помощь как со стороны князя Острожского, так и запорожского казачества на ту пору вряд ли могла быть существенной, чтобы покрыть все нужды древней святогорской обители; претерпевая гонения и притеснения в составе Речи Посполитой, Православная Церковь в Украине сама нуждалась в поддержке и защите.

Возобновление поддержки Русика стало возможным лишь с 1626 года, когда в Москве окончательно были преодолены последствия Смутного времени и польско-шведской интервенции. В этом году в Москву для сбора пожертвований впервые за долгое время прибывают игумен русского Пантелеимонова монастыря на Афоне отец Макарий и некий «строитель» отец Савва.¹⁷⁶ С собой они привезли просительную грамоту от Константинопольского патриарха Кирилла I (Лукариса) к царю Михаилу Феодоровичу, в которой подробно описывалось бедственное положение Русика. В частности, в документе сообщалось, что «монастырь, нарицаемый Русский» имеет огромные долги и заложил все свое имущество (как недвижимость, так и драгоценные облачения), а некоторые из братии находятся в долговой тюрьме: «в нынешнее время впал

он в убыток и в долг, и заложил ризы церковные и монастырские, и иное строение недвижимое, и пашню и сады, все, чем питались, и ныне тем не владеют; от великого долга и самих их посажали в темницы, и там зле погибают; да и церковь их, и келлии и монастырские стены разорены; и пищи никакой не имеют, и от великого своего изнеможения и от долга не могут ничего починить». ¹⁷⁷

Руины в древнерусском скиту «Ксилургу» на Афоне до реставрации. Фото Сергея Шумило, 2013 г.

Как видно, уход старца Иоанна Вишенского из Русика и Ксилургу (ок. 1610 года) мог быть вынужденным, поскольку именно в это время многих насельников русских святогорских обителей «от великого долга» турки подвергли тюремному заключению, а «церковь их, и келлии и монастырские стены разорены». Оставшиеся же на свободе иноки не имели даже продуктов для приготовления пищи. ¹⁷⁸

Как уже отмечалось, в Русике, помимо иноков из России и Украины, подвизались также сербы и болгары. Бывали периоды, когда представители последних даже избирались игуменами монастыря. ¹⁷⁹ Более того, славянские обители на Афоне всегда старались держаться вместе перед угрозой притеснений со стороны греческого большинства, оказывая друг другу братскую поддержку. Можно говорить о издавна существовавшем побратимстве и союзе между Русиком, сербским Хиландарем и болгарским Зографом. Основанием к этому могут служить

сохранившиеся до наших дней договоры между Русиком и славянскими Хиландарским¹⁸⁰ и Алипиевым¹⁸¹ монастырями на Афоне. Отдельно стоит упомянуть о договоре Русика с болгарским Рыльским монастырем от 6 июня 1466 года, в котором отмечается, что «оба монастыря едино». Согласно этому акту русская и болгарская обители обязывались поддерживать друг друга в трудные времена, пополнять братства обителей в случае оскудения, а также, при необходимости, выдвигать кандидатов на игуменство из среды своих братств, если таковых не будет в какой-то из этих обителей.¹⁸² Архимандрит Леонид (Кавелин), анализируя документ, пришел к выводу об имевшем место «соединении обоих монастырей под общим управлением».¹⁸³ А болгарский историк и палеограф Иван Дуйчев на основе этого акта считал неоспоримым факт существования давних тесных связей русского Пантелеимоновского монастыря на Афоне с болгарским Зографским монастырем Святого Георгия, а сам Русик называл «центром русско-болгарских связей в период средневековья».¹⁸⁴

По всей видимости, в рамках имевшихся договоренностей между русским и болгарским монастырями старец Иоанн Вишенский и мог перейти в последний.

Как мы знаем из Жития преподобного Иова (Княгиницкого), старец Иоанн, «жесточайшаго безмолвнаго жития желаяще», постоянно искал себе уединенного места для исихастско-аскетических подвигов. Для такого затвора наиболее подходят пещеры. А поскольку при Русике и Ксилургу не было пещер, то переход отца Иоанна в Зограф становится вполне объяснимым и естественным. Вероятнее всего, что в соответствии с упомянутыми договорами игумен или духовник Русика сам благословил ему поселиться в пещерах при Зографском монастыре.

Болгарский монастырь Зограф на Афоне. Рис. В. Григоровича-Барского, 1744 г.

Как уже отмечалось, странствия старца Иоанна по Афону были связаны со стремлением уединиться как отшельнику в небольшой келии, скиту или пещере, поскольку жизнь в больших монастырях его не удовлетворяла. В конце концов он и нашел желаемое уединение при пещере преподобного Космы Зографского.

Находится эта пещера неподалеку от Зографского монастыря, на одной из отвесных скал. В XIV веке ее создал подвизавшийся здесь болгарский отшельник преподобный Косма Зографский († 1323). Иеросхимонах Сергей (Веснин) в 1847 году так писал об этой пещере:

«Каждый раз, когда только ни случилось мне бывать здесь, в Зографе, меня занимала одна из пустынных скал, которая возвышается над глубокою лощиною и находится в виду монастыря. Там высечена пещера, где подвизался преподобный Косма Зографский, в исходе XIII-го и в начале XIV веков. Жизнь этого отшельника я читал и в Афонском патерике, печатанном в Молдавии, и кроме того в одной книге... По благословению настоятеля святой Косма удалился в одну из соседственных пустынь и иссек себе пещеру в скале, которая видна из окон монастыря на западе. Как там подвизался святой Косма, видел только Бог и могли знать, отчасти только, самые люди, потому

что за чистоту жизни и строгие подвиги наконец начал чудодействовать дивный отшельник». ¹⁸⁵

Местность, где на скалах расположена пещера преподобного Космы Зографского, отчасти напоминает украинские Карпаты и идеально подходит для уединенного отшельнического жительства. Поэтому не удивительно, что старец Иоанн Вишенский для ухода в затвор избрал именно это место.

Проведенные автором этих строк в 2015 году обследования в этой местности подтвердили, что в прошлом здесь, помимо пещеры, располагался монашеский скит. В наше время у подножия скалы с пещерой сохранились руины от прежних скитских строений. Не исключено, что начало этому скиту было положено старцем Иоанном, возобновившим духовную жизнь в заброшенной пещере преподобного Космы Зографского.

Местность, где расположена пещера прп. Космы Зографского. Фото Сергея Шумило, 2015 г.

Местность, где расположена пещера прп. Космы Зографского. Фото Сергея Шумило, 2015 г.

Наскальная пещера прп. Космы Зографского, в которой подвизался в затворе старец Иоанн Вишенский. Фото Сергея Шумило, 2015 г.

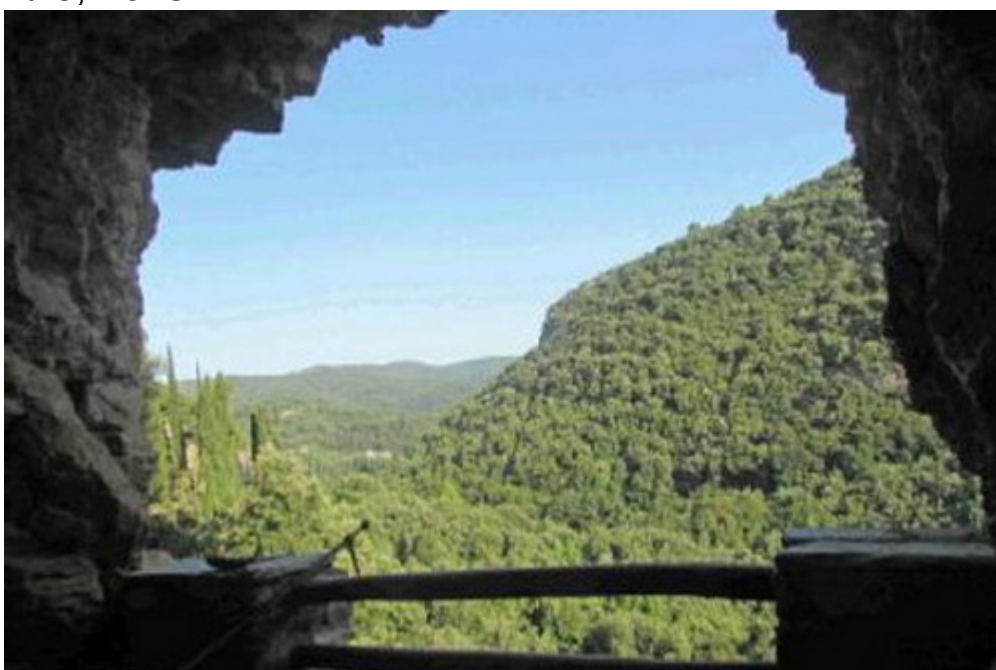
Наскальная пещера прп. Космы Зографского, в которой подвизался в затворе старец Иоанн Вишенский. Фото Сергея Шумило, 2015 г.

Внутренний вид пещеры прп. Космы Зографского, в которой подвизался в затворе старец Иоанн Вишенский. Фото Сергея Шумило, 2015 г.

Внутренний вид пещеры прп. Космы Зографского, в которой подвизался в затворе старец Иоанн Вишенский. Фото Сергея Шумило, 2015 г.

Вид из пещеры прп. Космы Зографского на соседние горы. Фото Сергея Шумило, 2015 г.

Руины скифских строений внизу под скалой возле пещеры прп. Космы Зографского. Фото Сергея Шумило, 2015 г.

Столетием позже неподалеку от этого места запорожские казаки основали собственный казачий скит «Черный Выр», получивший среди запорожцев наименование «Духовное Запорожье». Не исключено, что здесь какое-то время подвизался и сам старец Иоанн, поскольку местность эта своей пустынностью вполне соответствует устремлениям строгого аскета. Возможно, среди первых насельников «Черного Выра» были и последователи старца Иоанна, а сохранившаяся память о знаменитом земляке побудила их основать здесь новую казачью обитель.¹⁸⁶

Казацкий скит « Черный Выр» на Афоне. Фото Сергея Шумило, 2015 г.

Исследователи истории Зографа отмечают, что со второй половины XVI века в числе братии болгарского святогорского монастыря присутствовало значительное количество иноков украинского происхождения.¹⁸⁷ Украинские и белорусские монахи в конце XVI – начале XVII веков переписывали в Зографе церковно-учительную и антикатолическую литературу для отправки на родину.

Следует заметить, что щедрыми жертвователями Зографского монастыря в XVII-XVIII веках были многие представители знатной украинской казачьей старшины и даже гетманы И. Самойлович, И. Мазепа, Д. Апостол, полковники С. Палий, Я. Лизогуб, В. Кочубей, кошевой атаман Войска Запорожского П. Калнышевский и многие другие, что зафиксировано в помянниках Зографской обители.¹⁸⁸ В частности, ценным источником о таких связях является хранящийся в библиотеке Зографа «Русский помянник», состоящий из 116 бумажных листов.¹⁸⁹ Рукопись датируется периодом с 1639 года до русско-турецкой войны 1877–1878 годов.¹⁹⁰

Болгарский монастырь «Зограф» на Афоне. Фото Сергея Шумило, 2015 г.

Поскольку в XVI-XVIII веках все поездки афонских монахов за сбором пожертвований в Россию¹⁹¹ пролегали через украинские казачьи территории, то Зографская обитель, естественно, имела тесные контакты с украинской казачьей старшиной еще со времен Иоанна Вишенского и Петра Сагайдачного. С тех пор, видимо, и завязались тесные отношения Зографа с православным монашеством в Украине, переписывавшим, как уже было сказано, антикатолическую литературу для отправки на родину.

Так что и с этой стороны не удивителен факт перехода старца Иоанна Вишенского в Зографскую обитель. Возможно, именно сбор необходимой литературы на славянском языке и был одной из основных причин такого перехода.

В частности, в этот период известен украинский двухтомный список Торжественника, присланный в Украину в 1610-х годах с Афона тем же старцем Иоанном Вишенским.¹⁹²

По мнению болгарских исследователей, с Иоанном Вишенским связано и появление в библиотеке Зографа каллиграфического Евангелия-тетра 1550 года, переписанного

его земляком (возможно, родственником) Лукой, протопопом Вишненским.¹⁹³

Как уже отмечалось, из Зографа после 1610 года старец Иоанн написал свое известное послание к Львовскому братству, уточняя в нем, что «Писася сие писание в святѣй Аѡнстѣй горѣ, монастыри Зуграфѣ».¹⁹⁴ Отсюда же он пишет и послание к своему сподвижнику и другу преподобному Иову (Княгиницкому)¹⁹⁵¹⁹⁵. Судя по всему, это был ответ на несохранившееся письмо преподобного Иова. В послании к последнему старец Иоанн сообщал о своем желании вновь посетить Украину и его Манявский скит, однако из-за ухудшения состояния здоровья и прочих причин вынужден был отложить поездку.

«Желание имѣх нынѣ посѣтити вас, – писал старец Иоанн в письме к преподобному Иову Княгиницкому, – но судьбы Божия и нѣкия болѣзни тѣлесныя преградиша... Обаче желаю паки видети и посетити вас. Тѣмже извѣсти ми о своем мирѣ и что глаголеши о сем, дай ми глас аще ли и тебѣ нужда настоит от борения плоти, страстей и воздушных злобных духов поднебесных, к ним же нам брань гонза. И с сими калугери, аще не мощно и Дмитра занести, ты же свою душу и мощи занеси, аще ли от брани почиваеши и желаеши мое посѣщение, да вем... Посем желаю, да сподобит нас Господь, еще в живых совокупився, утѣшение друголюбное словом друг другу даровати».¹⁹⁶ Видно, насколько духовно близки были оба подвижника. В письме приоткрываются темы, которые волновали их при личном общении.

Одним из последних известных произведений старца Иоанна, написанных в Зографе около 1615–1616 годов, было «Позорище мысленное». В нем старец отстаивал отшельнический способ монашеского подвижничества. В произведении он уточняет, что оно составлено «от инока, в пещерѣ горѣ сѣдящего и себѣ внимающаго».¹⁹⁷ Из этого уточнения мы узнаем, что в это время подвижник уже подвизался в пещерном затворе.

Упоминание старца Иоанна содержится также в рукописном «Златоусте», посланном в Галичину «от Святой горы чрез

Вишенского Иоанна».

Автограф Иоанна Вишенского. Послание игумену Филиппу и всей братии Хиландара на Рождество Христово (между 1619–1632 гг.)

В 1617 году сборник принадлежал иеромонаху Павлу (Домжив-Лютковичу).¹⁹⁸

Кроме того, имеется автограф старца, выполненный полууставом, на одной из книг библиотеки Хиландарского монастыря.¹⁹⁹ Автору этих строк удалось отыскать в хиландарском книгохранилище этот документ. К сожалению, от текста сохранились лишь обрывки, из которых явствует, что это было послание отца Иоанна игумену Филиппу и всей братии Хиландаря на Рождество Христово. Написано оно было, по всей видимости, из болгарского монастыря Зограф в соседнюю сербскую обитель между 1619–1632 годами, что свидетельствует о связях старца Иоанна не только с русским и болгарским монастырями на Афоне, но и с сербским.

Кончина старца Иоанна. Бессмертие его творений

Одно из последних прижизненных упоминаний о старце Иоанне Вишенском имеется в определении Собора 1621 года, прошедшего в Луцке под председательством Киевского митрополита Иова (Борецкого). Известное под названием «Совѣтование о благочестии», оно написано в исихастском духе и призывает иерархию, духовенство и паству к внутреннему очищению, покаянию и даже мученичеству за православие. Принято считать, что многие рекомендации Собора были составлены под влиянием сочинений старца Иоанна.²⁰⁰

Митрополит Иов (Борецкий) Киевский, Галицкий и всея Малыя Руси (1560–1631)

Судя по содержанию этого документа, в 1621 году отец Иоанн Вишенский был еще жив. Более того, Церковный Собор Киевской Митрополии от лица всей Церкви именует в нем старца Иоанна «преподобным мужем» и «блаженным», «в житии

и богословии цвитущим».²⁰¹ Тот факт, что Собор отдельным постановлением предписывает пригласить подвижника с Афона в Украину, свидетельствует о его почитании и высоком духовном авторитете на родине еще при жизни.

По отразившемуся в украинской литературе преданию (И. Франко, В. Шевчук и др.), старец Иоанн преставился между 1620–1630 годами в пещерном затворе, отказавшись от пищи и принимая раз в неделю лишь антидор, просфору и святую воду, которые ему в наскальную пещеру спускали по веревке.

Точная дата преставления старца Иоанна Вишенского, как и обстоятельства, при которых это произошло, доподлинно неизвестны. Всю жизнь удаляясь от мирской славы и суеты, он ушел в мир иной, как и подобает афонским подвижникам, – тихо и незаметно, не оставив об этом никаких следов. Так и уходит большинство афонских старцев, и лишь с годами, Промыслом Божиим, о некоторых из них становится известно в миру. Именно так и случилось со старцем Иоанном.

В письме инок Манявского скита Леонтия члену Львовского братства Н. Золоторуцкому от 9 сентября 1633 года впервые упоминается старец Иоанн как преставившийся. Более того, отец Леонтий пишет о нем с глубочайшим почтением и называет «блаженной памяти великий старец Иоанн Вишенский Свято горец».²⁰²

Иллюстрация Софии Караффы-Корбут к поэме Ивана Франко «Иван Вишенский», 1970-е гг.

Таким образом, на основании этого документа можно однозначно констатировать, что скончался старец не позднее 1633 года.

Именованье в кругу учеников преподобного Иова (Княгиницкого) новопреставленного отца Иоанна «великим старцем» и «блаженным» свидетельствует о том глубоком почитании подвижника, которое существовало как при его жизни, так и после смерти.

Согласно сообщению того же инока Леонтия, к 1633 году списки произведений старца Иоанна распространялись и хранились в киевских монастырях, в Вильно, в Могилеве, в Кутеинском монастыре, Манявском скиту и других обителях.²⁰³

Портрет настоятеля Киево-Печерской Лавры архим. Елисея (Плетенецкого) (1550–1624)

Влияние сочинений и идей старца Иоанна прослеживается в трудах и деятельности преподобного Иова (Княгиницкого), преподобного Иова (Желизо) Почаевского, писателя-полемиста Стефана Зизания, епископа Исаакия Борисковича, блаженного Киприана Острожанина, архимандрита Елисея Плетенецкого, митрополита Исаии Копинского, преподобномученика Афанасия (Филипповича) Брестского, преподобного Паисия Величковского и многих других. Всех их можно считать продолжателями дела, начатого старцем Иоанном Вишенским.

И хотя послания старца Иоанна не получили массового распространения на официальном церковном уровне, именно его идеи немногим через каких-то 30–40 лет легли в основу идеологии казачьего национально-религиозного освободительного движения в Украине, начавшегося в 1637–38 годах, и особенно активно вспыхнувшего в 1648 году под лозунгами борьбы за отеческую православную веру.²⁰⁴

Икона прпмч. Афанасия (Филиповича), игум. Брестского (1596–1648)

Как отмечает И. Еремин, «сочинения Ивана Вишенского в свое время были широко распространены на Украине. В эпоху, непосредственно предшествующую народно-освободительной войне под руководством Богдана Хмельницкого, они сыграли большую роль: они будили сознание, воодушевляли к борьбе, вооружали... горячей любовью к родине».²⁰⁵

Чего стоят одни только призывы подвижника: «будѣте готови отлучитися от того погибелного антихристова и содомскаго рода, да есте истинною новый Израиль («дабы быть истинным Новым Израилем», – прим. С. Ш.), а не с поганци погане. Где бо в поганѣх таковой плод нечистый, яко ж нынѣ в Лядской земли видится?». «На панов же ваших руского роду, на сыны челоувѣческия, не надѣйтесь! В них же нѣст спасения... Тѣмже да отступит от неправды всяк именуяй имя Господне. Будите убо готови на приятие Исуса, который нынѣ у вашей земли нѣмает где главу подклонити».²⁰⁶

Пантелеймон Кулиш, называя старца Иоанна «афонским апостолом», пишет, что «его голос был явственно слышен; он давал сбившимся с дороги направление; он ободрял, он пророчествовал, и так действительно случилось, как он пророчествовал среди бури». ²⁰⁷

Как известно, позже, во время национально-освободительной войны 1648–54 годов Богдан Хмельницкий в своих воззваниях и призывах к восстанию неоднократно ссылаясь на существование «предвечного пророчества» об освобождении Украины из неволи польско-католической. ²⁰⁸ Что это за пророчества – неизвестно, но знаем, что общение с паствой в виде пророчеств было характерно именно для традиции старцев-исихастов, в том числе и последователей Иоанна Вишенского. Поэтому не исключено, что автором таких пророчеств мог быть именно старец Иоанн или кто-то из подвижников, испытавших на себе влияние посланий афонского полемиста (митрополит Исаия Копинский, преподобномученик Афанасий Филиппович и др.) и активно поддерживавших казачьи восстания под лозунгами борьбы за православную веру. ²⁰⁹

Проповедь Иоанна Вишенского (роспись из монастыря Рождества Христова в Жовкве Львовской области). Худ. Юлиан Буцманюк, 1930-е гг. Рядом с Иоанном Вишенским Б. Хмельницкий, И. Мазепа, Г. Гулевичивна и другие православные деятели Украины

Новое возрождение забытого наследия старца Иоанна Вишенского и обращение к его произведениям началось уже в XIX веке. Так, малоизвестный и непонятый многими современниками при жизни, старец Иоанн через свои пламенные полемические послания вновь восстал из небытия через 200 лет. И это его наследие не утратило своей актуальности по сей день.

Вот как отзывался о творчестве афонского старца писатель Иван Франко:

«Иоанн Вишенский принадлежит, бесспорно, к самым оригинальным явлениям южнорусской литературы. Приверженец консервативных и аскетических воззрений в делах религии и общественности, он вместе с тем является в литературе самым ярким представителем эпохи Возрождения

со стороны языка, формы и духа своих сочинений. Строгий аскет, «свят, муж и зело любяй бессловѣсіе», он вместе с тем является горячим пропагандистом вроде какого-нибудь Гуттена, бросает в народ свои пламенные послания, обращаясь к грамотной и неграмотной массе на языке, для нее почти совсем понятном, сильном и энергическом.

Заклятый враг всяких «хитрых диалектических силлогизмов» и всей мирской премудрости, он вместе с тем очень искусно пользуется всеми уловками риторического искусства и создает стиль настолько богатый, разнообразный и цветистый, что в нашей древней литературе он уступает разве одному «Слову о полку Игореве» по пластичности и индивидуальной выразительности... Строгий порицатель мирской жизни и соблазнов, он вместе с тем очень тонко знает эту жизнь до малейших ее изгибов, знает не по слухам и не по книгам, но, очевидно, по собственному опыту...

Это были пламенные полемические памфлеты, рассчитанные на непосредственное действие. Аргументы, выдвинутые им в защиту православия, не отличались ни новизной, ни глубиной; иногда он даже и не трудился над изысканием надлежащих аргументов, но вместо того бросал в народ меткое слово, кличку, пластическую шутку или параболу, хорошо зная, что такое оружие на простые умы почти всегда действует сильнее и убедительнее, чем самые тонкие богословские резоны. Все это для последующих поколений было недостаточным; с точки зрения схоластической учености послания Иоанна Вишенского были не более чем блестящие импровизации, но не ученые трактаты... Идеал Иоанна Вишенского был забыт и заброшен, но метод его действия был принят и развивался с большей или меньшей последовательностью». ²¹⁰

Памятник Иоанну Вишенскому в Судовой Вишне (Львовская обл.). Автор проекта Николай Бевз, 1979 г.

По меткому выражению Ивана Франко, «Вишенский всей своей жизнью доказал, что вера у него была не только искренняя, но вовсе и не бесплодная, потому что заполнила его жизнь деятельностью... Уже сам его уход на пустынное жительство и затем его недолгий быт на Руси были поступками, доказывавшими его жизненную независимость и гражданскую отвагу. Вот подумайте, много ли найдется среди нас людей, которые бы отважились ради своих убеждений пойти наперекор иным, более влиятельным, или целой массе общественной, лишиться себя благосклонности начальника, отречься должности, или хотя бы только небольшого блага? С этой точки зрения Иоанн Вишенский может еще и нашему поколению служить примером твердости и стойкости характера, прямоты и ясности в выражении своих взглядов и цельности между убеждениями и целой своей жизнью».²¹¹

Пантелеймон Кулиш о старце Иоанне Вишенском и его последователях писал: «Эти отшельники изнуряли себя

постами, бдениями, тяжелыми трудами и лишениями; они, можно сказать, хоронили себя заживо, в порыве отрицания прелестей Мира сего, ненавистных им в том виде, в каком представлялся им княжеско-дружинный мир, полный грабежа, резни, увеченья; но, силою жажды лучшего, оказали русской земле услугу незабвенную... Та же ревнивая и неприступная ни для кого постороннего нетерпимость сохранила здоровую, девственную чистоту Церкви Православной ..., как охрану нравственности в грядущем времени».²¹²

Иллюстрации Софии Караффы-Корбут к поэме Ивана Франко «Иван Вишенский», 1970-е гг.

Более того, П. Кулиш убежден, что именно старец Иоанн Вишенский и его последователи сумели силою своего внутреннего подвига и верности сберечь чистоту православия под натиском польско-католической экспансии. «Вот кто останавливал успехи унии! – пишет об Иоанне Вишенском Кулиш. – Останавливали их последователи тех пустынников, которые одни «хранили себя неоскверненными от мира» – те немногие, во все времена немногие, личности, которых великий Учитель называет солью земли... Их всегда бывает мало, хотя свет держится ими».²¹³

Уже один этот факт свидетельствует о важности духовного подвига и наследия старца Иоанна, необходимости возрождения памятования о них как на общественном, так и на церковном уровне.

Претерпев неоднократные переиздания в XIX-XX вв., его послания даже в советское время помещались в школьных учебниках и хрестоматиях по украинской литературе. Благодаря этому в годы господствующего безбожия в советской Украине многие еще со школьной скамьи могли узнать о Боге, о православии. Поскольку тогда не было свободного доступа к религиозной литературе, то полемические произведения старца Иоанна стали чуть ли не единственным источником, глотком духовных знаний. И это подлинное чудо старца. Даже через 300 лет после смерти он влиял на укрепление людей в вере.

Хоть нам практически и неизвестна в деталях земная биография старца Иоанна, однако красноречивее любого подробного жизнеописания о подвижнике может свидетельствовать его духовное наследие. Как писал еще во времена советского атеизма В. Шевчук, «жизнь не забыла Вишенского, воскресив в памяти человеческой эту неординарную личность, перенимая из его произведений все доброе и светлое, что человека облагораживает и возносит. Она сплетает далекому ... страннику, будившему общественное сознание на рубеже XVI-XVII вв., надлежащий венец».²¹⁴

Влияние учения святителя Григория Паламы об Иисусовой молитве и «внешних» и «внутренних» знаниях на взгляды Иоанна Вишенского

Наследие старца Иоанна Вишенского невозможно понять и истолковать в отрыве от учения святых отцов Восточной Церкви и, в частности, теоретиков афонской мистической традиции исихазма,²¹⁵ которым проникнуто все мировоззрение подвижника.

По убеждению Ю. Пелешенко, старец Иоанн Вишенский придерживался «теории и практики исихазма, разработанные св. Григорием Богословом и св. Григорием Паламой», в связи с чем он «идею пустынноческого подвижничества воплотил в жизнь собственным примером».²¹⁶ Ю. Пелешенко верно замечает, что «сейчас сложно определить, чьи именно идеи (непосредственно древних Отцов Церкви или Григория Синаита и Григория Паламы) заимствовал и трансформировал в своих сочинениях Иоанн Вишенский».²¹⁷ Скорее всего, в них нашло отражение все святоотеческое наследие, которое на протяжении веков бережно хранилось и приумножалось на Афоне, и где старец Иоанн непосредственно на практике от афонских подвижников-исихастов, как и в богатейших святогорских монастырских библиотеках, имел возможность изучать и впитывать.

Иллюстрация Софии Караффы-Корбут к поэме Ивана Франко «Иван Вишенский», 1970-е гг.

Как уже было сказано, неверно пытаться понять творения старца Иоанна вне контекста эпохи, в которой он жил, и вне византийского исихастско-святоотеческого наследия в целом, на котором основывались все его воззрения. И если для ментальности верующих людей конца XVI – начала XVII веков это были очевидные и понятные вещи, то с позиций современного секулярного сознания и воспитания многое из сказанного святогорцем может казаться странным и даже «реакционным». В результате его труды и высказывания остаются непонятыми, а то и вовсе искаженными.

Самым распространенным ошибочным представлением относительно взглядов старца Иоанна является то, что он будто бы категорически выступал против науки и образования и отстаивал необходимость оставаться неграмотными и непросвещенными. Такая трактовка значительно упрощает и искажает образ и мировоззрение старца, а кроме того, свидетельствует о коренном непонимании современными

авторами того, о чем пытался сказать афонский подвижник более 400 лет назад. На это обратил внимание еще Иван Франко. Он делает справедливое замечание современникам: «не стоит думать, что Вишенский так хотел оставить своих земляков в темноте и оградить от остального мира... Вишенский, побывав на Руси после Афона в начале XVII в., уже потом писал, что не выступает в общем против школ, но необходимо только усердствовать, дабы в них не пропало православие».²¹⁸ Это важный аспект, на который, увы, не все обращают внимание.

Не стоит забывать, что характерной чертой средневекового и раннемодерного европейского общества была его неотъемлемость от религиозной составляющей. Культурная, социальная и даже политическая жизнь тогдашнего человека была пропитана церковно-религиозным влиянием. По справедливому определению Г. Эйкена, «Церковь была центром средневековой культуры».²¹⁹ Поэтому взгляды Иоанна Вишенского целиком отражали распространенные в те времена консервативно-традиционалистские религиозные представления и мировоззрение.

По сути, спор Иоанна Вишенского о «внешних знаниях» – это продолжение давнего исихастского спора о многоглаголении и священном безмолвии, известного в землях Украины еще со времен выдающегося просветителя и книжника, приверженца «паламизма» и афонского наследия святителя Киприана (Цамблака, 1330–1406), митрополита Киевского и всея Руси. В своих посланиях старец Иоанн не только не отрицает науку, но и призывает к распространению в крае православного просвещения «писанием, наукою, друкованием книг, училищи и довольствы от избытков наших».²²⁰

Свт. Григорий Палама, архиеп. Фессалоникийский. Икона нач. XV в.

В то же время, согласно поучениям старца, внешние знания и науки полезны тогда, когда, правильно воспринимаемые человеком, не являются для него культом и самоцелью, но способны помогать духовному его совершенствованию. Поэтому он убежден, что, прежде чем прикасаться к внешним наукам (особенно для тех, кто хочет избрать монашеский образ жизни), необходимо сперва пройти науку внутреннюю, ведущую к познанию Бога и духовному совершенствованию, и уже после этого, окрепнув духовно и приобретя необходимый опыт и знание, «утвердивши сумнения вѣры благочестивыми догматы, тогда внѣшних хитростей для вѣдомости касаться не возбраняти»²²¹ и «будет волно и свое книги читати и еретических книг касаться».²²²

Как отмечает Ю. Пелешенко, «подобно Григорию Паламе Иоанн Вишенский не отрицает возможность познания материального мира при условии, что человек идет путем «разума Христова», благодаря чему он только и может

приблизиться к истине. Однако возможности человеческого разума ограничены, поэтому и истина относительна. Абсолютная истина постигается лишь вследствие озарения души (Божественным светом – согласно терминологии исихастов), где человеческий разум бессилён. Таким образом, человеческий разум и мистическое озарение, в состоянии которого человек может соединяться с Божественным, рациональное и иррациональное соотносятся как низшая и высшая ступени познания в мировоззренческой концепции Иоанна Вишенского. Украинский писатель считает главной целью человека постижение Божественной истины путем мистического созерцания, и эта истина, по его убеждению, является вершиной добра, мудрости и блага».²²³

Взгляды старца Иоанна на «внешнее знание» целиком соответствует учению святителя Григория Паламы и, в частности, его «Триадам в защиту священнобезмолствующих».²²⁴ Поэтому, чтобы лучше понять ход мысли старца, попробуем кратко обозначить основные тезисы учения теоретика византийского исихазма по этому вопросу.

Согласно Григорию Паламе, «истинное знание, которому мы учимся из божественных заповедей, подлинно ведет нас к совершенству, посвященности и спасению». Поэтому «отпавшую от надлежащей цели богопознания, справедливее называть не мудростью, а падением мудрости или обесмысленной мудростью».²²⁵

Святитель Григорий Палама различает внешнее плотское знание и знание внутреннее, духовное: «Знание, добываемое внешней ученостью, не только не подобно, но и противоположно истинному и духовному».²²⁶ Ибо «для умственных действий постижимо только то, что их никоим образом не превосходит».²²⁷

«Плотская мудрость не сделает мудрым разум... Обладая такой мудростью душа не только не уподобится через нее самоистине, но даже не приблизится к простой истине... Хоть изучи естественную философию от Адама до самого конца, без чистоты ты будешь с не меньшим, а то и с

большим успехом глупцом, чем мудрецом; наоборот, даже без философии, очистившись и избавив душу от дурных нравов и учений, ты приобретешь победившую мир Божию мудрость и в веселии навеки приобщись к Единому Премудрому Богу... Итак, знание, добываемое внешней ученостью, не только не подобно, но и противоположно истинному и духовному»,²²⁸ – учит Григорий Палама.

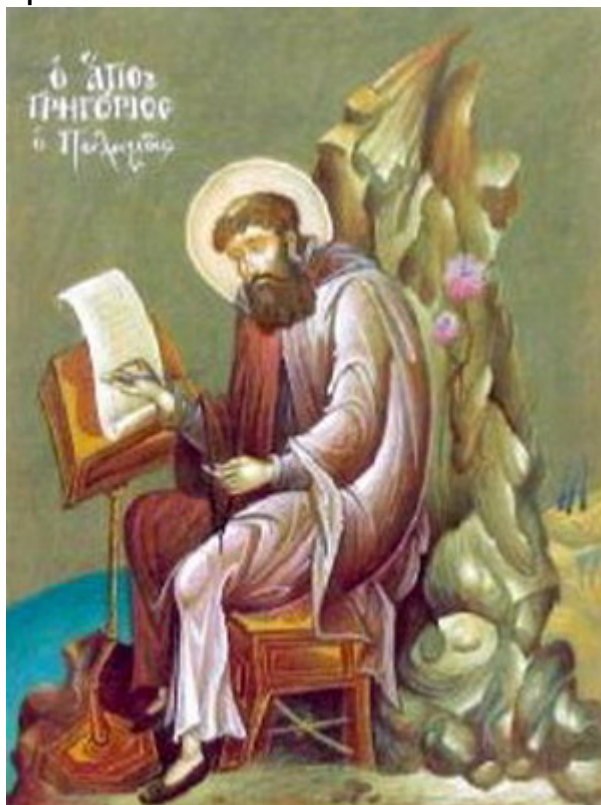
По мнению святителя Григория, тот, кто «набирается убеждений от внешней мудрости, хотя и причастен какой-то истине, однако ... делается знатоком шаткой мудрости... он и сам имеет, и другим дает знание неустойчивое и изменчивое». ²²⁹ «Философия внешних мудрецов не служит постижению и возвещению божественной мудрости, да и как ей служить, раз через нее мир «не познал Бога»?» «Поэтому мы, – пишет Палама, – не мешали бы обучаться внешней науке желающим из тех, кто не избрал монашеской жизни, но всю жизнь заниматься ею никоим образом не советуем никому, а ожидать от нее каких-либо точных познаний о божественных предметах и вовсе запрещаем, потому что от нее нельзя научиться ничему надежному о Боге».

Святитель Григорий считает, что «стремящийся исследовать волю Божию, познавший о каждой вещи, ради чего она произведена Творцом Вселенной, – вот кто знает и причины, и основания всего сущего, вот у кого знание основания всего сущего, вот у кого знание и всего в мире, вот кто истинный философ». ²³⁰ Поэтому «божественный, а не природный дар – наше богомудрие; нисходя свыше, оно даже рыбаей, по Григорию Богослову, делает сынами грома, чье слово разносится до крайних пределов вселенной... Через это вот богомудрие возможно и нам стать и после смерти быть подобными Богу, а природной мудрости у Адама было тоже не меньше, чем у любых людей после него, однако он же первый и не сберег богоподобия». ²³¹

Таким образом, святитель Григорий Палама не отрицает самой возможности и полезности внешних знаний и науки, однако считает их менее важными (особенно для монашествующих) в сравнении с истинными знаниями

духовными, открывающими путь к богопознанию и единению со Христом.

Подобного же воззрения придерживался и старец Иоанн Вишенский, по всей видимости, отчасти заимствовавший некоторые свои тезисы и аргументы из популярных на Афоне «Триад в защиту священнобезмолствующих» святителя Григория Паламы.

Свт. Григорий Палама. Современная икона

Так, следом за выдающимся теоретиком исихазма, старец Иоанн Вишенский отмечает, что от «премудрости философское» невозможно открыть «тые врата, которые до разума духовнаго отверзаются».²³² Поэтому лучше «быти простым богоугодником и жизнь вѣчную получить, нежели постигнути Аристотеля и Платона и философом мудрым ся в жизни сей звати и в геенну отити».²³³

Иоанн Вишенский убежден, что «телесного мудрования разуму вѣра шафована быти не мает».²³⁴ Ибо «духа сила не в художествѣ внѣшняго наказания и философскаго постижения обрѣтается, но вѣрою смиренномудрия (подвижно

внимательному дѣлателью заповѣдей Христовых от тоежде благодати Христовы вѣдати и разумѣти полѣзная и спасительная) даруется». ²³⁵

Для старца Иоанна на первом месте стоит обретение тех знаний, благодаря которым открывается «само бо существо тѣснаго пути слѣда, ведущаго в живот вѣчный», а также обретается «евангельский разум Христов в помыслѣ вѣры вдрузивши и тесным путем, вѣдущим в живот вѣчный, пошедши». ²³⁶

По мысли старца, внешние знания не дают «яким способом имѣет боголюбец предспѣти до истиннаго разума и которыми образы, дѣлы, труды и подвиги, и которые знамения послѣдовати имѣют в совлечение вѣтнаго человѣка приходящому изобразили, и гдѣ есть конец, то есть достигшому в предѣл безстрастия, ознакомили, таже, достигши оного безстрастнаго пристанища, ожидать повеления от Бога на дѣло службы его, а не самому без помощи Божия выскаковати на герц, остерегли. Бо если бы хто что начинати хотѣл альбо и начинал, а без Бога, глаголят святыи, таковой не толко ни чтожъ не успѣет, але еще в прелесть и ересь самозаконную впадет». ²³⁷

Поэтому многие святые отцы, пишет Иоанн, «аще и внѣшнее учение изучиша, но ничтоже о истиннѣ от философскаго кичения навѣкнути возмогша, дѣндеже сие обезчестиша и тѣснаго пути слѣдом разума Христова поидоша; его же обрѣтше, тогда истинну навѣкоша, смирение достигоша и наставници слѣпым и невѣдущим Бога и пути спасения быша». ²³⁸

Этим же путем богопознания призывает идти своих сторонников и старец Иоанн: «Аще убо кой тым слѣдом ко исканию безсмертнаго правды поидет, изучит и обрящет прекраснѣйшую и свѣтозарнѣйшую правду, и узрит в ней прежде общаго воскресения воскресение и вся таинства». ²³⁹

О тех, кто, отдавая предпочтение внешним знаниям, гнушается истинной науки богопознания, он с горечью и сожалением отзывается: «бѣдници, простоты, смирения и беззлобия николи же навѣкнути не могут». ²⁴⁰

Полемизируя по этому поводу, Иоанн Вишенский вопрошает: «Скажѣте ми, о премудрый, от ваших хитростей и художеств граматычных, диалектичных, рыторичных и философских, яким способом Христос простаком, ему послѣдующим, отверзе ум разумѣти писание?. Почерпѣте же от своея премудрости философское и откройте ми тые врата, которіе до разума духовнаго отверзаются». ²⁴¹

По этой же причине старец Иоанн остро критикует отход и в православном школьном образовании от этой святоотеческой традиции. «Нынѣ вы явно пострадали, егда есте на латинскую и мирскую мудрост ся полакомили, тогда есте благочестіе стратили, во вѣрѣ немощили и поболѣли и ереси породили, и в Него ж крестихомся прогнѣвали». ²⁴²

Критикуя введение иезуитских стандартов в братской школе во Львове, старец Иоанн констатирует: «сопротивляется слѣдови законному Святых Отец, – и есть то великая ересь – которые, яко сами на дѣла Духа Святаго, властію отправуючиися, не наскаковали, так и по себѣ будучим степенѣ до того благодатного дару починили и границу закопали». ²⁴³

Как уже отмечалось, не отрицая самой необходимости постижения внешних знаний, старец Иоанн дает рекомендацию: «Але бым я радил нашим фундатором благочестія во Львовѣ: в первых, церковнаго послѣдования, славословія и благочестія узаконити, дѣтем научити; таже утвердивши сумнения вѣры благочестивыми догматы, тогда внѣшних хитростей для вѣдомости касатися не возбраняти. Не бо аз хую грамотичное учение и ключ к познанию складов и речей, яко же нѣцыи мнят и подобно глаголют... И не вѣдомость хую художества, але хую, што тепѣрешніе наши новые рускіе философы не знают в церкви ничтоже читати, – ни тое самое Псалтыри, ни Часослова. А знать, если бы хто што строхи и знал, як южь досягнет стиха якого басней аристотельских, тогды южь Псалтири читати ся соромѣет и прочее правило церковное ни за что не вменяет и яко простое и дурное быти разумѣет». ²⁴⁴

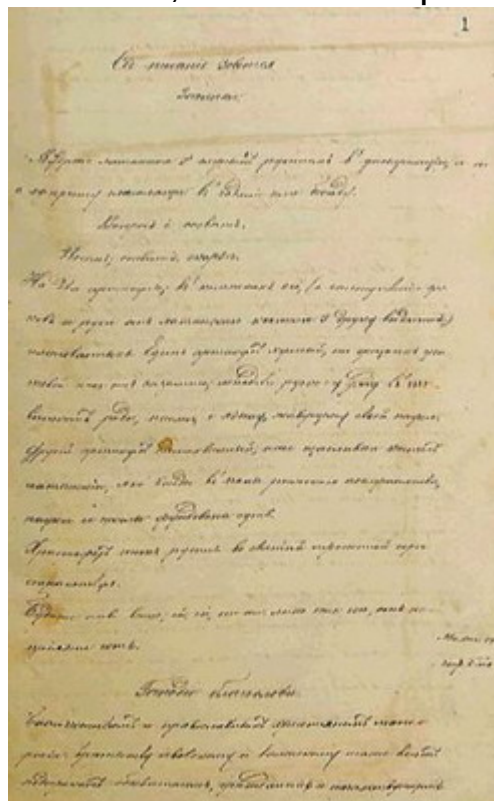
В своих посланиях, критикуя устоявшийся в Речи Посполитой иезуитско-схоластический стандарт духовного образования, старец Иоанн ревнует о возрождении прежней

славяно-византийской святоотеческой традиции, которая, по его мнению, должна преподаваться и в школах. Потому, наследуя святителя Григория Паламу, он переживает, что даже в отечественных православных школах «вмѣсто зас евангельское проповѣди, апостолское науки, и святых закона, и ограничена цноты, и учтивости сумнения христианского нынѣ поганские учителя, Аристотели, Платоны и другие тым подобные машкарники и комидийники, в дворех Христа Бога владѣют. Вмѣсто зась смирения, простоты и нищеты грѣдост, хитрост, мятлярство и лихоимство владѣет. Вмѣсто зас суду и правды несправедливост, лѣж, кривда, прехитреня, препрене, потвар, лицемѣрие, лест и квалт антихристов владѣет».²⁴⁵

В этом афонский подвижник видит опасный отход от традиционного православного святоотеческого наследия и истинного богопознания: «вмѣсто богословия и внимания настоящѣго жития – прелести, хитрости человекския, лжи, щекарства и прокураций диаволского празднословия и угождения ся учат».²⁴⁶

Как известно, 100 лет спустя подобные же причины побудят и молодого преподобного Паисия Величковского покинуть стены Киево-Могилянской академии и уйти на Афон в поисках истинных духовных знаний и мистического опыта святогорских старцев: «от внешнего учения я не ощущаю в душе никакой пользы, ибо, слыша в нем воспоминания часто эллинских богов и богинь и поэтические басни, от всей души возненавидел такое учение. А если бы и во внешнем учении наставники употребляли слова богоносных учителей Святой Церкви, наученых Пресвятым Духом, то ученики сподоблялись бы двойной пользы от духовной мудрости и внешнего учения. А поскольку, как написано в «Алфавите духовном», «ныне не от Духа Святого, но от Аристотеля, Цицерона, Платона и прочих языческих философов разуму учатся, и из-за сего окончательно ослеплены они ложью, заблудившись в разуме вне пути правого, и учатся только говорению словес, а внутри души у них мрак и тьма, вся же премудрость их лишь на языке», поскольку, по свидетельству сему, от такого учения не ощущая в душе своей пользы, к тому же и опасаясь, как бы от него, как со

многими и случается, не впасть мне в развращение ума, я и оставил его»,²⁴⁷ – писал преподобный Паисий Величковский.

Рукопись из архива Русского Пантелеимонова монастыря на Афоне, № 328. L033325. Иоанн Вишенский. Зачатка мудраго латынника с глупым русином. 210 л.

На примере преподобного Паисия Величковского мы видим, как идеи и взгляды старца Иоанна Вишенского и через 100 лет влияли на умы отдельных подвижников. Цитируемый Величковским «Алфавит духовный» – это произведение младшего современника и, по сути, последователя старца Иоанна Вишенского – киевского митрополита-исихаста Исаии (Копинского), который в личной жизни пытался следовать примеру и наставлениям афонского отшельника-полемиста и также был последовательным сторонником его воззрений и идей.²⁴⁸

Как уже было сказано, не отрицая самой возможности обучения внешним наукам, старец Иоанн Вишенский все же, прежде всего, призывал к внутреннему «исканию безсмертное правды»,²⁴⁹ «врата, которые до разума духовного

отверзаются»²⁵⁰ и «слѣдом разума Христова поидоша; его же обрѣтше, тогда истинну навывоша ... и пути спасения быша».²⁵¹ Только таким способом, по мысли старца, можно «власное науки Духа Святаго зажити».²⁵² Эта простая и одновременно сложная аскетическая истина находила отзвук в сердцах многих простых людей того времени, стремившихся в чистоте сердца познать «правду Христову».

Постижение этой истинной науки, по убеждению подвижника, совершается путем иноческой аскезы: обнищанием во Христе, борьбой с искушениями, очищением души от страстей, иссушением плоти, непрестанной Иисусовой молитвой, отсечением своей воли и преданием себя на волю Божию, терпением бесчестья в миру.²⁵³

По словам Ю. Пелешенко, «Иоанн Вишенский, как и Григорий Палама, считает созерцание, мистическое постижение души путем единения с Богом, постижение душой человека божественных истин».²⁵⁴

По сути, Иоанн Вишенский опередил свое время, став задолго до преподобного Паисия Величковского одним из предвестников нового «филокалического возрождения» в православии (XVIII-XIX вв.).

Иллюстрация Софии Караффы-Корбут к поэме Ивана Франко «Иван Вишенский», 1970-е гг.

Произведения старца Иоанна сплошь проникнуты аскетическо-исихастскими мотивами. В поучении о постижении науки, приводящей к «царствующей бессмертной и вечной правде» (глава 9), следом за многими исихастскими отцами, Иоанн Вишенский научает:

«Первое: обнищати по Христѣ. Второе: отрещися себе и душу свою в жизни сей возненавидѣти. Третье: ярем креста Христова, искусов, борбы, подвигов во мысли и плоти к духом лукавым поднебесным во терпении взявши, преплыти, и тѣсною алчбы и жажды со вниманием непресѣкомое молитвы Иисусовы тиснутися, и плоть и кровь потом тѣла и подвигом мыслнаго внимания во бдѣнии ношном, и дневном трезвѣнии, и присѣдѣний мѣстном и безмолвном увялити и изсушити. Четвертое: любов и память мира сего уморити, к будущему же вѣку око мыслное неуклонно устремити, Царя Небеснаго усердно желати, каятися, плакати, память смертную всѣгда в клѣти сердечной, видѣти и безпрестанно поминати и на всяк час

черту и день отходу надѣяться и готовиться. Пятое: от всея силы, крѣпости, мысли, душа и сердца волю Божию погнати, свою же убити и запаяннем погребсти, заповѣди Христовы от всего усердия и любви хранит и, хранящи, всегда во предняя успѣвати, сотворенное же забывать, яко ничтоже сотворив. Шестое: безчестия и смерти крестное вомѣняти, поносное в мирѣ сем желати и искати.

Аще убо кой тым слѣдом ко исканию безсмертного правды пойдет, изучит и обрящет прекраснѣйшую и свѣтозарнѣйшую правду, и узрит в ней прежде общаго воскресения воскресение и вся таинства, их же язык, по Павлу, изгласити не может и не довлѣет и не постигнет. Аще же инако: паче же внѣшним учением правды таинство постигнуть и навикнути хочет и усилуется, во антихристову прелесть и гордость, идеже и латинский род заблудил, или во прочая ереси тоуж майсторѣи художества князя мистра-диавола, сына геенскаго, блазнителя вѣка сего, въпадет, – от него же да вас сохранит Христос благословенною простотою. Аминь.

Си бо святыи, аще и внѣшнее учение изучиша, но ничтоже о истиннѣ от философского кичения навикнути возмогоша, дѣндеже сие обѣзчестиша и тѣснаго пути слѣдом разума Христова поидоша; его же обрѣтше, тогда истинну навикоша, смирение достигоша и наставници слѣпым и невѣдущим Бога и пути спасения быша».²⁵⁵

В этом поучении старецъ Иоанн особое внимание уделяет исихастской практикѣ непрестанной Иисусовой молитвы: «со вниманием непресѣкомое молитвы Иисусовы тиснутися, и плоть и кровь потом тѣла и подвигом мыслнаго вниманія во бдѣнии нощном, и дневном трезвѣнии, и присѣдѣний мѣстном и безмолвном увялити и изсушити».²⁵⁶

В другом месте старецъ Иоанн, ссылаясь на Григорія Синаита, более подробно описывает науку постижения Иисусовой молитвы и «внутреннего деланія». «Тую тайну могу вам, и для другихъ благоверныхъ подвижников, мыслновоздушными духи, то есть бѣсы, боротися хотящихъ, открыта, – пишетъ старецъ Иоанн Вишенскій. – Егда начнешъ дѣло подвига своего, постомъ, молитвою, трудомъ и подвигомъ

всегдашним, бдением во безмолвии, стрежися, абы еси не прочитал ни едино писание еретическое, ани толковые, даже и православные книги до времени оставь, только Иисову молитву дыханию твоему припрязи и борися с помыслы и прилоги, от лукавых духов непрестанно сѣмых, яко мрак ум покрывающих, а то, – мовит, – да терпишь без лакомства книжнаго прочитання до того часу, ажь ум твой с Иисовым помыслом бѣсы поборет, тогда ти – глаголю – будет волно и свое книги читати и еретических книг касатися и лжу их, прозрѣвши, обличати».²⁵⁷

Из этих наставлений мы узнаем, что Иоанн Вишенский был опытным делателем непрестанной Иисусовой молитвы, пытаюсь эту святогорскую традицию привить и своим последователям на родине. Таким образом, как видно, задолго до преподобного Паисия Величковского он пытался возродить мистическую исихастскую традицию внутреннего «умного делания» среди украинского православного монашества.

Возможно, из всех поучений старца, с духовно-назидательной точки зрения эти наставления являются наиболее значимыми. Здесь же мы узнаем и причины, почему до времени старец не благословлял своим ученикам приступать к внешним наукам: «да терпишь без лакомства книжнаго прочитання до того часу, ажь ум твой с Иисовым помыслом бѣсы поборет, тогда ти – глаголю – будет волно и свое книги читати и еретических книг касатися и лжу их, прозрѣвши, обличати».²⁵⁸

Примечательно, что учение Иоанна Вишенского о молитве имело распространение в Украине не только среди монашествующих, но даже и среди братств незрячих странствующих старцев-кобзарей до конца XIX – начала XX веков.²⁵⁹

Странствующий старец-слепец возле казачьего Троицкого собора в Новомосковске. Рис. О. Сластиона, XIX в.

Духовная наука этих страннических братств была собрана в т.н. «Устиянские книги» – устные предания «вохресной братии». Это был своего рода устный духовный устав. Молитвенный репертуар в них составлял отдельную «Книгу», по которой ученики должны были проходить начальное обучение у своих наставников.²⁶⁰ Называлась она «молитвач Иоанна Вишенского».²⁶¹ Вероятно, это был составленный старцем Иоанном особый молитвослов (сборник молитв), который впоследствии и лег в основу одной из первых частей «Устиянских книг» – «науки молиться». Странствующие кобзари особое значение придавали именно Иисусовой молитве, она была обязательным атрибутом их служения.²⁶² Даже заходя в чужой дом, они первым делом вслух произносили Иисусову молитву.²⁶³ Как говорили сами старцы-кобзари: «Кто этой молитвы в день и вечер читает, того Господь Святым Духом исповедует...».²⁶⁴

Крестьяне возле церкви слушают песнь лирника. Худ. В. Навозов

По всей видимости, в основе не сохранившегося «молитвача Иоанна Вишенского» лежали поучения и наставления афонского старца о том, как правильно совершать Иисусову молитву, что и нашло отражение в преданиях и традициях странствующей «вохресной братии». Возможно, дальнейшие поиски в этом направлении позволят отыскать новые следы затерявшихся во времени бесценных творений украинского подвижника-полемиста.

Очевидно, что сохранившиеся до наших дней сочинения Иоанна Вишенского – далеко не полный репертуар его произведений. Известно, что были и другие писания и послания автора, которые не дошли до наших дней. Не изданные при жизни, они с любовью переписывались от руки и распространялись среди монашествующих и простого люда.

Живучесть и популярность наследия старца Иоанна имели естественные причины. Как отзывался впоследствии о нем Иван Франко, «немного у нас в древности было людей, которые посмели бы и сумели бы так близко прикоснуться к насущным духовным потребностям нашего народа и выявлять эти потребности и болезни его жизни таким горячим и ярким

словом».²⁶⁵ Поэтому не удивительно, как отмечал И. Еремин, что «сочинения Ивана Вишенского в свое время были широко распространены на Украине».²⁶⁶

Духовное наследие афонского старца Иоанна Вишенского

Духовное наследие старца Иоанна Вишенского, несмотря на то, что его произведения широко известны благодаря особому вниманию со стороны светских писателей и исследователей XIX-XX веков, по сей день остается малопонятым с духовной точки зрения, а то и вовсе искаженным.

Как уже отмечалось, до наших дней сохранилось 16 произведений старца. Три из них были составлены до Брестской унии: «Писание до всех обще, в Лядской земли живущих» (1588) и «Извещение краткое о латинских прелестях...» (1588–1589), а также «Новина, или Вѣсть о обретении тела Варлаама, архиепископа Охридскаго...». Остальные 13 написаны после унии 1596 года и посвящены, преимущественно, апологии православной веры и обличению епископата и духовенства, отступивших от православия.

Обложка острожской «Книжицы» (в 10 разделах) с посланием старца Иоанна Вишенского «От святое Афонское

горы скитствующих» (Острог, 1598)

При жизни старца опубликовано было только одно послание – «От святое Афонское горы скитствующих», вошедшее в изданный в Остроге в 1598 году сборник с посланиями князя Константина Острожского и патриарха Мелетия Пигаса. Остальные имели распространение лишь в рукописных вариантах.²⁶⁷

В частности, Иоанн Вишенский пишет в 1598 году обличительное «писание к утекшим от православной веры епископам». Это послание написано как ответ на книгу Ипатия Потее «Оборона згоды...». Также по просьбе патриарха Мелетия он составляет на Афоне разбор книги польского римско-католического теолога-иезуита Петра Скарги.

Среди прочих произведений старца, как уже отмечалось, наиболее известны «Обличение диявола-миродержца...», «Порада», «О еретиках», «Загадка философам латинским...», «След к постижению и изучению художества...» (1599–1600), «Зачапка мудрого латынника з глупым русином» (1608–1609), «Позорище мысленное» (1615–1616) и др.

Большая часть этих сочинений была объединена в составленный около 1599–1601 годов авторский сборник «Книжка Иоанна мниха, Вишенского, от Святыя Аеонския горы в написание всех православных христиан братствам и всем благочестивым, в Малой России в Короне Полской жителствующим...».²⁶⁸

Портрет епископа Брестского Ипатия Потия (1541–1613), впоследствии киевского греко-католического митрополита (1599–1613)

По всей видимости, до наших дней сохранилась лишь малая часть из творений старца Иоанна. Вероятнее всего, были и другие писания и послания старца, которые остались сокрытыми от взора современного читателя. Как отзывается Пантелеймон Кулиш о сочинениях Иоанна Вишенского, это «произведения одного пустынножителя тогдашнего, уцелевшие игрою случая из многого множества подобных, которые погибли невозвратно».²⁶⁹ Не исключено, что библиотеки и архивы афонских монастырей по сей день таят в своих недрах неизвестные произведения подвижника. В этом направлении предстоит еще немало потрудиться.

Со слов Иоанна Вишенского в сочинении «Зачапка мудрого латынника з глупым русином» мы узнаем о существовании, по крайней мере, еще трех несохранившихся его произведений: «Древо, зовомое разумное, философия, не поганскаго учителя Аристотеля, але православных – Петра и Павла»; «Церковца, в

которой о учтивости оное писмом коротко изображение есть»; «Маленькая песенка церковная, которой зрозумевши богоразумную мысль, от сладости николиже пети не престанеш». ²⁷⁰

Кроме того, известно, что в Украине вплоть до конца XIX века у «вохресной братии» – незрячих странствующих старцев-кобзарей, в их устных преданиях, собранных в т.н. «Устиянские книги», одной из главных считалась специальная «Книга», по которой ученики странников учились «науке молиться». ²⁷¹ Называлась эта книга «молитвач Иоанна Вишенского». ²⁷² По всей видимости, среди произведений старца Иоанна существовал когда-то составленный им особый молитвослов (сборник молитв), который впоследствии и лег в основу одной из первых частей «Устиянских книг» – «науки молиться». Можно предположить, что в основе не сохранившегося «молитвача Иоанна Вишенского» лежали поучения и наставления афонского подвижника о том, как правильно совершать Иисусову молитву, что и нашло отражение в преданиях и традициях странствующей «вохресной братии». ²⁷³

Странствующий старец-слепец с лирой и крестьяне с. Скалата в восточной Галиции. Рис. Я. Головацкого, XIX в.

Как уже было сказано, наследие Иоанна Вишенского до сих пор остается не до конца понятным и осмысленным. Одна из причин кроется в том, что большинство исследователей пытались изучать произведения старца в отрыве от византийско-святоотеческого, мистико-исихастского богословия, под воздействием которого формировалось консервативно-традиционалистское мировоззрение автора и в категориях которого он большей частью мыслил.

Нередко послания старца и его самого пытаются рассматривать и оценивать с точки зрения литературно-социальных и даже общественно-политических позиций. Однако такой подход в корне неверен. Ведь, как афонский подвижник, аскет и отшельник, он, на самом деле, не ставил перед собой подобных целей.

Писания старца Иоанна Вишенского проникнуты святоотеческо-исихастским духом. Он обильно цитирует не только Священное Писание и апостолов, но и творения выдающихся святых отцов Востока, таких как Дионисий Ареопagit, Василий Великий, Иоанн Златоуст, Иоанн Лествичник, Григорий Богослов, Симеон Новый Богослов, Григорий Синаит, Исаак Сирин, Григорий Палама, Епифаний Кипрский, Иоанн Дамаскин. Он всецело погружен в их творения, сопоставляя свои мысли с их наставлениями, живя и мысля ими.

По слову И. Франко, «Ивана Вишенского причисляют обычно к полемистам, которые защищали православие против натиска латинства и унии.²⁷⁴ Действительно, в своих посланиях старец Иоанн предстает как пламенный защитник православной веры и святоотеческого наследия, активно выступавший против отступления иерархии и шляхты в унию, против искажения как смысла православного вероучения, так и нравственных идеалов христианства.

Он обличает падение нравов в высших слоях общества Речи Посполитой и призывает всех следовать «простоте Христовой»:

«Где бо нынѣ в Лядской земли вѣра, где надежда, где любов, где правда и справедливост суда, где покора, где Евангельские заповѣди, где апостолская проповѣдь, где святых

законы, где хранения заповѣдей, где непорочное священство, где крестоносное житие иноческое, где простое благоговѣнное и благочестивое христианство?. Почто и именем христианским себе гласити безстуднѣ дерзаете, егда силы того имени не храните, ни дѣлным постижением съхранити того имени свойство учиться не хотите?»,²⁷⁵ – словно ветхозаветный пророк вещает святогорский отшельник.

Сокрушаясь об упадке веры и благочестия на Руси, старец призывает к распространению в крае православного просвещения «писанием, наукою, друкованием книг, училищи и довольствы от избытков наших».²⁷⁶

Одна из основных тем в посланиях Иоанна Вишенского – защита чистоты веры и истинности Церкви Православной. В полном соответствии со святыми отцами он учит, что «наша бо то истиннаа вѣра, которое и брамы пекелные не преогли и премочи не могут. Наша то истинная вѣра, которую блеск свѣта сего прелстити не может. Наша то истинная вѣра, которую страх бѣд и розмаитых утрапений и смрътей устрашити не может... Нашее то вѣры подвига в жизни сей вѣнци царства небесного уготованы суть».²⁷⁷

По слову исследователя наследия Иоанна Вишенского И. Еремина, подвижник «противопоставлял «лживому» царству «диавола-миродержца» свой идеальный «новый Иерусалим» в образе Православной Церкви, опозитизированной им и окруженной ореолом страдания и мученичества».²⁷⁸

Панорама Бреста. Гравюра Э. Дальберга, 1657 г.

Согласно писаниям старца, одним из признаков истинности Церкви является ее гонимое, а не господствующее положение в «Міре сем»: «подобает правдивой Церкви Христовой ненавидимой от Міра и мірскому князю служачих быти; ...

подобает Церкви Божией правдивой крест носить и нищету любить». ²⁷⁹

О гонениях же на веру православную он пишет, что они попущены Богом за нравственное отступление от «правды Христовой»: «за невѣрие и бесплодие наше попущени есмо в запустѣние з нашею правѣславною вѣрою». ²⁸⁰

За это старец предрекает смуты и бедствия, во избежание чего призывает всех к всенародному покаянию: «Уготован бо сосуд гнѣва Божия на вашу землю пролитися, чому забѣгайте покаянием и исправлением вашим яже ко Богу скоро... Молю вас, спасайтесь образом Лота, избѣтша из Содомы во Сигорѣ, – Сигор ж ест покаяние и очищение от грѣха – сицевым образом, яко ту послѣди о очищении Церкви реклося, найдете. А егда сие исправите, чаю на милость Божию, яко призрит на нас паки милосердным оком и благочестие наше въздвигнет, и Всѣх, в нем благочестно живущих, спасет, и Царства Небеснаго наслѣдниками быти сподобит». ²⁸¹

Старец Иоанн ведет активную полемику с иерархами, заключившими унию с Римом в 1596 году. В частности, в 1598 году он пишет обличительное «писание к утекшим от православной веры епископам» – митрополиту Михаилу Рогозе и епископам Ипатии Потю, Кириллу Терлецкому, Леонтию Пелчицкому, Дионисию Збируйскому и Григорию Загоровскому. Также он полемизирует с известным польским римско-католическим теологом-иезуитом Петром Скаргой (1536–1612).

По убеждению старца, переход православных архиереев в унию является отступлением от истинного святоотеческого православия и благочестия, чему предшествовало их нравственное отступление: «вѣру дѣлы злыми на перед еще разорили». ²⁸² Причиной же принятия иерархами унии он называет «прагненя лихоимства пѣнежного и достатку мирского». ²⁸³

При этом он обличает и польского короля, который «гвалтом правовѣрных до латынства власти свѣцкой приводит понуждает», ²⁸⁴ безбоязненно сравнивая его с ветхозаветным Навуходоносором.

«Проповедь Скарги». Худ. Ян Матейко, 1864 г.
Национальный музей, Варшава

Главной бедой Церкви и причиной упадка благочестия среди высшего духовенства и иерархии старец считал симонию, когда за деньги состоятельные, но нравственно порочные лица, не имея ни тяготения к монашеской и аскетической жизни, ни духовного образования, покупали себе сан и положение с целью дальнейшего материального обогащения. «Не днес ли каштеляны, дворяны, жолнѣрми, войны, крѣвопролийцами, прокураторми, курцияны, корчмарами, купцами, медвѣдниками, а утро – попами, а поутру – бискупами, а поутру утрешнем – арцибискупами починилися», – пишет отец Иоанн в «Писании к утекшим от православное вѣры епископом...».²⁸⁵ В другом месте старец так описывает подобное положение вещей в Церкви: «днесь кат, а завтра священник, днесь мучитель, а завтра учитель, днесь корчмар и танцоводец, а заутра богослов и народоводец, днесь убийца, а заутра святитель и епископ».²⁸⁶

В полемике с отошедшими от православия архиереями он изобличает не только их нравственные пороки и отступления от заповедей евангельских, но и пытается доказать ошибочность католического учения и догматов. Этой теме у старца посвящен целый ряд произведений.

Медаль «На присоединение русинов», изготовленная в Ватикане в честь Брестской унии 1596 г.: изображены папа Климент VIII и сцена приема понтификом Ипатия Потия и Кирилла Терлецкого

Причину разделения христианской Церкви на Православную и Католическую старец усматривает в том, что римские папы стали стремиться к мирской власти более, чем к исполнению евангельских заветов. Обличает старец и стремление пап вводить в учение Церкви новые догматы.

По мнению Ивана Франко, «главная сила полемики Вишенского, которая очень часто переходит в сатиру, лежит в его глубоком понимании этической стороны спора между латинянами и православными, а главная сила его таланта в иллюстрировании религиозных вероучений и общественно-политических отношений острыми примерами, подробностями и сравнениями, взятыми из реальной жизни. Это придает его писаниям намного большую историческую и литературную ценность, чем та, которую имеют хотя бы искуснейшие теологические полемики, вроде «Палинодии» Захарии Копистенского. Главную основу разлома между латинством и православием Вишенский видит в гордости латинян, и в первую очередь пап римских, которые ради своих чисто светских, политических целей на протяжении веков систематически подделывали все христианское вероучение и традицию древнейших Отцов Церкви и семи Вселенских Соборов, превратив религию в средство для духовного и политического

порабощения народов. Ту основную примету латинской культуры, гордость и высокомерие, Вишенский вскрывает самыми разными примерами и изящными психологическими образами».²⁸⁷

В ситуации, когда большинство епископов отпали в унию, старец призывает простой народ оставаться верным истинной Православной Церкви и твердо держаться ее, несмотря ни на какие гонения и притиснения: «спасайтесь вѣрою; спасайтесь заповѣдми евангелскими; спасайтесь законом отческим; спасайтесь чистым и цѣломудрым житием! Пребудѣте в Церкви, пребудѣте во оградѣ, пребудѣте в законѣ, пребудѣте во согласии, едности и любви».²⁸⁸

На растерянность паствы, что епископат перешел в унию, старец Иоанн отвечает, что не отпавшие от православия «попы бо нас спасут, или владыки, или митрополиты, але вѣры наше таинство православное с хранением заповедей Божиих – тое нас спасти мает... Бог же милостивый моления вашего не презрит, вам пастыра даст и объявит, которого приемши за пастыра».²⁸⁹

За 250 лет до появления Окружного Послания Восточных Патриархов он пишет с Афона, что Телом Церкви является «вѣрное стадо Христово, роде избранный, языку святыи, царское священство»,²⁹⁰ ибо «Тѣло церковное, еже есть собор».²⁹¹ «Само Тѣло церковное, то ест простые християне, по Христову гласу, скверн оначалника изверечи, осудити и прокляти власт имають, да не с тым блазненным оком, или пастырем, в геенну внийдут. А священници православное вѣры, поборници благочестия, в своем степени неподезренные, таковую силу, власт и началство имають правду Евангелскую боронити и о ней ся до крове заставляти, яко же сам Христос и апостоли Его и прочии», – пишет афонский старец. Спустя 250 лет, в 1848 году, Восточные Патриархи в своем Окружном Послании более подробно раскроют этот тезис о том, что в православии все члены Церкви совместно составляют общий Собор народа Божия, который является «защитой веры и предания»: «У нас ни патриархи, ни Соборы никогда не могли

ввести что-нибудь новое, потому что хранитель веры у нас есть самое тело Церкви, т. е. самый народ Божий».²⁹²

Отстаивая значимость в Церкви «царственного священства» – т.е. «народа Божия», старец Иоанн при этом не только не поддерживает протестантское учение об отрицании иерархии и священства, но и осуждает таковое как ересь. «Где бо в них вѣра, где Церков, где священство, где Жертва, где правило, где славословие, где пост и обуздание естества, где дух?» – вопрошает о таковых афонский подвижник.

Призывая народ оставаться верным православию, старец Иоанн воодушевляет на подвиг – терпеть за веру любые поношения и гонения, даже до мученичества во имя Христова: «...и мы нехай Христа подражаемо и от вашего мучительства страждемо. Таковый бо вам и ключ ко отверзению Царства Небесного Христос оставил, яко да от погибелных сынов в вѣцѣ сем страждаемо. Присмотрѣте ж ся не тое ж ли апостоли, мученици и вси благочесно живущии страдали сут, страдают и страдати хочут, а волхвы, чародѣе и мудрци свѣта сего превознесени сут, по Павлу, успѣвающе на горшее».²⁹³ Позже эти тезисы старца Иоанна лягут в основу известного «Совѣтования о благочестии», принятого на Поместном Соборе 1621 года под председательством Киевского митрополита Иова (Борецкого).²⁹⁴ Эта «программа деятельности» возрожденной Православной Церкви, в которой упоминается и сам «блаженный» старец Иоанн Вишенский, написанная в исихастском духе, призывает иерархию, духовенство и паству к внутреннему очищению, покаянию и даже мученичеству за православие.

«К вам, стаду православному, христианскому роду, мовлю: будѣте готови отлучитися от того погибелного антихристова и содомскаго рода, да есте истинною новый Израиль, а не с поганци погане»,²⁹⁵ – воодушевленно призывал старец Иоанн. «Имѣйте убо вѣру и надежду в Бога жива крѣпку и непоколѣбиму! На панов же ваших руского роду, на сыны челоуѣческия, не надѣйтеся! В них же нѣст спасения. Всѣ бо Бога живаго и вѣры яж в него отступили, прелести же еретической, любви духа тщеславного, жизнелюбию и

лихоимству ся поклонили. В нихже не благоволит Господь... Тѣмже да отступит от неправды всяк именуяй имя Господне. Будите убо готови на приятие Исуса, который нынѣ у вашей земли нѣмаеѣ где главу подклонити». ²⁹⁶

Одной из главных тем в посланиях старца Иоанна красной нитью проходит призыв к покаянию: «Покайтесь убо, всѣ жители тоя земли! Покайтесь, да не погибнете двоякою погибелию, и вѣчною и дочасною, от скорога гнѣва Божия нагло!». ²⁹⁷

Первый греко-католический митрополит Михаил Рогоза (1540–1599)

Причиной и поводом к покаянию старец называет то, что в обществе «вѣмѣсто зась суду и правды несправедливість, лъжа, кривда, прехитреня, препрене, потвар, лицемѣрие, лест и квалт антихристов владѣет. Вѣмѣсто зась вѣры и надежди, и любви безвѣрство, отчаяние, ненавист, завист и мръзоствладѣет. Вѣмѣсто зась цѣломудрънаго жития конечное вшетеченство, плюгавство и нечистота скверная владѣет». ²⁹⁸

Даже полемизируя с отпавшими в унию иерархами и критикуя их жесткими словами «горькой правды», он не

презирает их, но с любовью взывает к покаянию:

«Но, о возлюбленнии, – обращается старец Иоанн Вишенский к принявшим унию митрополиту Михаилу Рогозе и другим архиереям, – вѣруйте, вѣруйте, яко будет суд, и страшный суд, и так страшный, яко и нынѣ, егда бы ся вам очи сердечные отварили, устранившись Судии страшного видѣнием, бѣжали бысте голы, як мати вас народила, от тых бискупств и от титулу того и санов тых, которых есте в Римѣ наздобывали, за шматину или вѣхоть бы есте не вмѣнили! Але што ж, коли вмѣстити мир и его любов и державца оного вам не попустит. Прето я с повинности своее христианское вас остерѣгаю, навпоминаю, молю, прошу и ногам ся вашим кланяю, – бѣгайте в Сигор от Содомы, да не жупел и огонь геенский в том невѣрию вас постигнет, бѣгайте на покаяние, донели же время вѣка вашего продолжися вам, – по смерти бо покаяния не обряцете! Аще не можете великое подвига покаяние показати, поне дух свой в православной вѣрѣ испустѣте, да не от всѣх частей Бога отпадете... О возлюбленнии! Если бы есте видѣли и вѣдали того диавола, умного борителя, которому под царство подпали есте, вѣдаю, яко о честь папину и королевскую не дбали бысте и, ни единого рода любодѣйнаго в вѣцѣ сем не соромѣючися, зас ко благочестию скоро, яко добрые и мужственные воины, возвратилися бы есте. Се бо ест храброго война: и поползнутися, и зас укрѣпитися, и на мѣсци своем стати... Я тылко с повинности своее и любви христианское што знаю, то вам открываю и утаити от вас не хочу. Вам же послухати и сотворити волно, – як хотите, тако творѣте, волю и самовластие имате».²⁹⁹

Несмотря на всю эмоциональность и даже резкость, послания Иоанна Вишенского преисполнены сострадания к собратиям, по его мнению, духовно погибающим в неправде и прелести. И именно этим состраданием и продиктована его резкость. Не имея более иных средств к вразумлению и исправлению отступивших от православия, он пытается отрезвить их силой обличительного слова бескомпромиссной правды.

Киево-Печерская Лавра. Рис. Абрахама ван Вестерфельда, 1651 г.

В полемике со сторонниками латинства, придерживавшимися т.н. «триязычной ереси», согласно которой в Церкви допустимо употребление лишь трех «божественных» языков (латыни, еврейского и греческого), старец Иоанн активно отстаивает церковнославянский язык как одну из важных сокровищниц национальной культуры и наследия. «Словенский язык пред Богом честнѣйший ест и от еллинскаго и латинскаго»,³⁰⁰ – пишет он. «Чого ради Русь хулите, а латину хвалите», – недоумевает подвижник.³⁰¹

Считая «в Киеве монастырь Печерский» важнейшим центром благочестия и духовности на Руси, где подвизались и подвизаются святые, «чюдотворством ... от Бога почтенные», старец Иоанн отмечает, что именно они «осветили тот святой язык славенский», тем самым «сториный плод евангелский принесши».³⁰²

Иоанн Вишенский впервые среди украинских церковных авторов конца XVI – начала XVII веков обращается к образу Иерусалима, противопоставляя его Риму, и тем как бы предрекая восстановление неуниатской православной иерархии от Иерусалимского патриарха в 1620 году:

«Где рекл законоположник сие слово апостолом, в Риме или в Иерусалимѣ?... Не от Иерусалима ли, римлянине, сий глас к тебе притече, не и ты ли так между прочиими языки? Где рекл побѣдитель ада, в Римѣ или в Иерусалимѣ ?. Како ты старѣйшею церков свою (рымскую) от иерусалимьской твориши, егда оттуда слово ко Риму приплыне и жажду невѣрия твоего утоли и напои и насытитися своего доволства богато дарова; «от Сиона бо, – рече Писание, – изыйде закон и слово господне от Иерусалима». А егда от Иерусалима, то како чин превращати смѣеши: главу в ногах, ноги же в главах поставляеши и предѣла, Богом водруженныя, прелагати дерзаеши?. Како ты, вѣтвь сый, на корень, произведший и породивший тя, възимаешися, или, яко от единное, на мать свою възстаеши и старѣйшим себе от матере своя быти себе являеши, – не явная ли то лож и гордост?. Почтоже ты, папо или латинниче, Христова учения смирения и кротости не учиши, но гордост языческую изучил еси, зане на Иерусалим смиренный, кроткий, нищий, подобие Христова носящий и учение вѣмѣщающий, гордостию, славою и богатством возносишися и величаеши?. Вы же, о православнии, не унывайте, аще бо и в земных мало что възскорбитися, но в небесных вѣчно угодзится. Не внимайте латинской лжѣ пестроукрашенной, но в простотѣ и истиннѣ шествуйте, да с Христом и истинною в вѣки царствовати будете».³⁰³

Апеллированием к образу Иерусалима старец подтолкнул и к возрождению идеологемы древнерусских киево-печерских книжников: «Киев – второй Иерусалим».³⁰⁴ Уже под влиянием старца Иоанна к теме Иерусалима и его «киеворусской иконы» позже обратятся митрополиты Иов (Борецкий) и Исаия (Копинский), Афанасий Кальнофойский и др. Развивая эту идею, митрополит Иов свою Киевскую кафедру называет «новым русским Иерусалимом», а в окружном послании от 15 декабря 1621 года он призывает всех верных вновь обращаться «...до богоспасаемого града Киева, второго русского Иерусалима».³⁰⁵ В других своих письмах святитель называет Киев «святыней правдивой Иерусалимской», «нинешней из Иерусалима отновленной святынею», а свою кафедру – как «святѣйший

престол митрополии киевская Іерусалимское». ³⁰⁶ Преемник Иова на «новоиерусалимской» Киевской кафедре, митрополит Исаия Копинский († 1640), к отпавшему в католицизм князю Иеремии Вишневецкому тоже обращается словами Иоанна Вишенского, фактически цитируя его послание:

Собор София Киевская. Рис. Абрахама ван Вестерфельда, 1651 г.

«Плачет и вельми ляментует Церковь Божая, матка наша, же ваша княжая милость згоржати ею рачит... Чим же Рим лѣпший есть от Иерусалима, и зачим Иерусалимом маткою Всѣх церквей гордят, а до Рима ся горнут, за чим Иерусалим знѣважают, а Рим выносят?. Або не там Господь наш Иисус Христос кровию Своею пренайсвятѣшою спасение наше справил? Або не там кровию Своею пренайдорожшою увесь свѣт откупил?. Тут намѣстник Иисус Христов патриарх, а там намѣстник святаго апостола Петра папез; тут самого Иисуса Христа намѣстник, а там наместник ученика и слуги Его; тут гроб Иисус Христов, а там зась гроб Петров». ³⁰⁷

Духовное первородство Иерусалима, как и представление о Киеве как «втором Иерусалиме», отмечено и в работе Афанасия Кальнофойского «Тератургима», изданной в типографии Киево-Печерской Лавры в 1638 году. ³⁰⁸ Во всех этих воззрениях нашло свое отражение влияние посланий старца Иоанна Вишенского.

В отличие от начинавших получать распространение в Украине гуманистических идей, старец Иоанн скорее был сторонником христианского традиционализма, представляя его исихастское направление в литературе. Эта ориентация существенно отразилась на всех его произведениях.

Помимо чисто религиозных тем, старец Иоанн обращает внимание и на несоответствие евангельским заветам существующей социальной несправедливости в обществе. Обращаясь к знатым шляхтичам, старец восклицает: «чим ты лѣпший от хлопа. Албо ты не хлоп такой же, скажи ми! Албо ты не таяж материя, глина и персть, ознайми ми! Албо ты не тоеж тѣло и кров! Албо ты не таяж жолчь, хракотины, слита и тлѣние! Или ачей ты от камене утесан и немаеш кишок и слюзу хлопского в собѣ, ознайми ми! Или ачей ты костяный, так, без тѣла, родился еси, дай ми знати о том! Зас пытаю тебе и не оставлю, пытаючи, чим ты лѣпший над хлопа, – повѣж ми и свѣдоцтво дай, не гордую хулу и дмение, але божественнаго гласа писанием покажи. А егда показати не можеши, яко ты каменный, костяный или навет и золотый, толко такой же гной, тѣло и кров, яко и всяк челоуѣк, чим же ся ты лѣпшим показати можеши над хлопа? Явно, яко ничим другим, толко хулою и величанием гордости пред челоуѣки, а пред Всевидящим оком – окаяннѣйший и всѣх тварей безчеснѣйший еси... Видите ли, як дух антихристов, ваши мѣхи надув, и усты гордо дышает и рыгает. Видите ли, яко не толко духовными, але а ни простыми християны зватися вам не годит и не достоин». ³⁰⁹

Уездная шляхта Речи Посполитой. Рис. XVIII в.

По убеждению старца Иоанна, Христос «для того нищих, а не богатых, безчесных, а не славных, простых, а не хитрых родителей собѣ избирает; теслю, а не кроля или воеводу отцем именует; во вертепѣ, а не в замку или палацах ся родит, во яслех скотских, а не на ложах или одрах кошовных ... абы мира сего гордост, пыху, славу и могутство тым безчестием убил, уморил и до конца стлумил (заглушил. – прим. С. Ш.). Для того ся так нищетно родит, абы потом в замках, палацах и кошовных дворѣх родячиеся над тых, которые ся в хлѣвѣх родят, не возносили и лѣпшими не чинилися».³¹⁰

«Люблинская уния» (1569). Худ. Ян Матейко, 1869 г.

Иоанн Вишенский считает, что подлинным шляхтичем является всякий, кто «з неволѣ мирское к Богу вырнет и совышше ся от Духа Святого породит».³¹¹

Однако такие взгляды старца неверно отождествлять с идеями гуманизма, народничества и социализма. Они целиком коренятся в евангельских заповедях и учении отцов Церкви. Как уже отмечалось, скорее всего, на таких воззрениях отразилось влияние учения преподобного Нила Сорского, игумена Артемия Троицкого и других «нестяжателей», с идеями которых он мог познакомиться еще в молодости в Остроге и Луцке.

Учение «нестяжателей» нашло свое отражение и в критике Иоанном Вишенским монастырских землевладений и его категоричном неприятии вырождения монастырей в крупные имения-«фольварки».

«Солью Церкви» старец Иоанн считает монашество. Поэтому, помимо апологии православной веры и полемики с униатскими иерархами и иезуитскими авторами, он отстаивает аскетические идеалы православного монашества. Этому вопросу он уделяет особое внимание.

«Иноческаго чина не поругуйте, – пишет старец, – но и сами ся Богу молѣте, да в том чину жизнь свою скончаєте, як же прѣвые продки ваши, которые еще в благочестии ненарушеном были и милость Божию при собѣ близко мѣли... Если бы не было истинных иноков и богоугодников межи вами, уж бы давно, якож Содома и Гомора, жупелом и огнем у Лядской земли есте опопелѣли... Если бы вас иноки пред Богом не заступали, уже бысте давно с всею потѣхою своею мирскою исчезли и погибли».³¹²

Особо старец отстаивает отшельническо-аскетический способ монашеского подвижничества. «Позорище мысленное» – одно из последних известных произведений старца Иоанна, написанное им в пещерном затворе неподалеку от Зографа около 1615–1616 годов («составленное от инока, в пещере горе сидящего и себе внимающаго»)³¹³ В этом сочинении, обильно цитируя Иоанна Лествичника, Григория Богослова, Симеона Нового Богослова, Григория Синаита, Исаака Сирина и других восточных отцов, старец утверждает, что «больше стосугубо

пожиток Церкви, хвала Богу, заступлѣние сродству и общему естеству, странѣ, роду и языку от оно́го избѣтшаго инока из мира и в горах гнѣздящагося, нежели с ними общесвѣдно пребывающего». ³¹⁴

В пещерах Киево-Печерской Лавры. Мироточивые главы.
Рис. Абрахама ван Вестерфельда, 1651 г.

В пещерах Киево-Печерской Лавры. Ближние пещеры. Рис. Абрахама ван Вестерфельда, 1651 г.

Афонский отшельник. Фото нач. XX века

Поясняя смысл отшельнического подвижничества, Иоанн Вишенский объясняет, что ушедший в затвор инок «ропинается за Христа или со страстьми и естеством борется и повседневную смерть страждет, по апостолу, да поборет диявола, с похотьми в плоти гнѣздящагося страстьми».³¹⁵ И потому «за единого, в горах и пещерах сѣдящего, русского инока, тысячу домалѣжных и в полатах упокоевающихся миролюбцев, мясоедов, роскошных мнихов латынских не промѣнил бым».³¹⁶

Главная цель жизни христианина, по Иоанну Вишенскому, – обретение спасения: «Не может никто никого врачевати альбо учити, если наперед себѣ не уздоровит и не научит. Также и в спасение жаден привести не может, если перво себѣ на спасаемом фундаментѣ не поставит... Исаак глаголет: «Болѣе воскресити душу свою от страстей, нежели воскресити умерших». А если же так велик подвиг на воскресение души от мирскаго страстного навыковения, яко и над чудотворную благодать ся судит, что же может быти болшого и потребнѣйшаго на свѣте, яко еже спасти себе? За которое самоособное спасение душевное Сам Владыка Христос всего мира неспасаемаго неровна и недостойна спасаемой (и в Царство Небесное напечатаной) души чинит. Отожь потреба ... постаратися о спасении, бо ... ни едина полза от науки других, если себѣ презрит и не спасет».³¹⁷

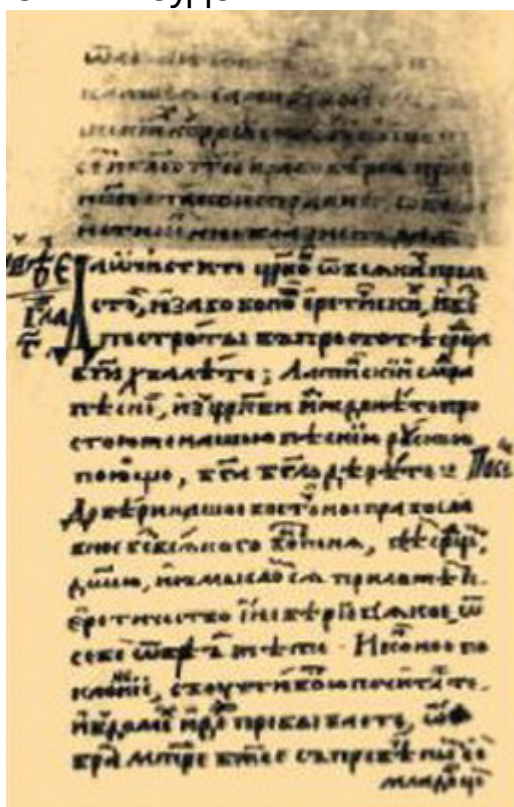

Афонский монах. Современный рисунок

Произведения старца Иоанна сплошь проникнуты аскетическо-исихастскими мотивами, в которых главная цель – достойно встретить смерть как переходное состояние от жизни временной к вечной:

«Смерть ест рожденому се, иж мир сей любят и тому мысль свою приковали суть и водлуг тѣла живут и мудруют, которые трупа своего боготворят и, як идола, розными фарбами, так и сего трупа розными шатами пѣстрыми украшают, одѣваячи перемѣняют и ненасычоную любов к прелести шматя того злоголову или ядамашку, шкарлату и иных сукен, скупостию тым подобных, привязали сут и на том мечтании всю мысль свою истожили сут, ко Богу же и ко будущему вѣку, – никако же позрѣти, ани позрѣти не могут. А то для того, иж в смерти сей вѣка сего помыслом плывати изволяют, а за тым от тоя смерти жизни сея на будущую вѣчную смерть въсхищают, – то ест рождение на смерть. На живот зас родитися – тако, который изшедши из утробы в мир сей и дошедши досконалого възросту, коли юж мысль розсуддати злое от доброго силу мает. Тогда и той розсудит, як скоро от жития сего преходит и вся красная мира сего, если и не хочет оставити, мусит и з собою ничтоже не

понесет тут теж их уживати и мысль свою в них погребсти безсмертне погубит и от живота вечного и славы Божия отпадет. Та же смысливши и розсудивши в собѣ тот гостинец, възмет мир сей и в нем всѣ красоты, пестроты и прелести повержет и възненавидит славу, чест и достоинство мира сего обезчестит, поплюет, потопчет и посмѣет с помыслом своим, якож з нѣкой темницы на свѣт свободы к Богу смотрѣти и о жизни вѣчнѣй поучатся и мыслити вырнет, одною свиткою, мѣхом шитою и некшталтовною, ся одѣет на надежду Бога Живаго, с той ямы мирское на ровнину выскочит, тогда мыслию ни о чом другом ся не фрасует ани старает, толко як славу Господа своего узрит, ему угодит и с ним в вѣки царствовать будет. Таковый на живот в мир сей родился и тут о Бозѣ жизнь живет и по смерти с Богом вѣчне жити будет».³¹⁸

Оглавление

Старец Иоанн Вишенский: афонский подвижник и православный писатель-полемист. Материалы к жизнеописанию «блаженной памяти великого старца Иоанна Вишенское Святогеорца»

Афонский старец Иоанн Вишенский
Вступительное слово антипросопа Афонского Свято-Пантелеимонова монастыря при Священном Киноте Святой Горы Афон
Вместо предисловия
Афонский старец Иоанн Вишенский
Старец Иоанн Вишенский
Афонский старец Иоанн Вишенский. Современный портрет
Иллюстрация Софии Караффы-Корбут к поэме Ивана Франко «Иван Вишенский», 1970-е гг.
Иоанн Вишенский и его связь с православным духовно-культурным центром в Остроге
Украинский шляхтич XVII в.
Луцкий замок XVI в. Реконструкция П. Троневича
Портрет и подпись еп. Кирилла Терлецкого (1540-е –1607)
Князь Василий-Константин Острожский (1526–1608)
В. К. Острожский (второй справа) в ряду русских князей. Роспись Успенского собора Киево-Печерской Лавры. Фото кон. XIX в.
Выезд кн. В. К. Острожского из замка. Худ. А. Ковальчук, кон. XX в.
Острожский замок. Акварель Зигмунта Фогеля, 1796 г.
Острог. Худ. Наполеон Орда, 1870-е гг.
Острожский замок. Современный вид
Портрет кн. В. К. Острожского. XIX в.
Золотая медаль с изображением кн. В.К. Острожского. Аверс и реверс. После 1608 г. Эрмитаж (Санкт-Петербург)
Острожский замок. Современная реконструкция
Автограф кн. В. К.Острожского
Прп. Нил Сорский
Луцкий замок. Худ. Наполеон Орда, 1870-е гг.
Луцкий замковый кафедральный собор св. Иоанна Богослова. Кон. XVI – нач. XVII вв. Реконструкция П. Троневича
Вид Святой Горы Афон. Фото Сергея Шумило, 2015 г.
Вид Святой Горы Афон. Фото Сергея Шумило, 2015 г.
Древнерусская обитель св. Пантелеимона («Нагорный», или «Старый Русик») на Афоне. Фото Сергея Шумило, 2015 г.

Древнерусская обитель св. Пантелеимона («Нагорный», или «Старый Русик») на Афоне. Фото Сергея Шумило, 2015 г.

Уход Иоанна Вишенского на Афон

Дарственная надпись мон. Иоанна Вишенского на острожском издании «Книги о постничестве» свт. Василия Великого, подаренном Дубенскому Свято-Спасскому монастырю
Фрагмент дарственной надписи Иова Княгиницкого (Иезекииля Тисменицкого) на «Книге о постничестве» свт. Василия Великого (Острог, 1594)

Титульная страница «Книги о постничестве» свт. Василия Великого (Острог, 1594)

Гравюра «Свт. Василий Великий» из «Книги о постничестве» (Острог, 1594)

Икона Божией Матери «Игуменья Святой Горы Афон» с картой афонских монастырей

Прп. Иов (Княгиницкий) Тисменицкий (1550–1621)

Святая Гора Афон. Гравюра XIX в.

Святая Гора Афон. Гравюра, 1768 г.

Вид со стороны афонской отшельнической келии. Фото Сергея Шумило, 2013 г.

Иоанн Вишенский и древнерусский монастырь на Афоне. Русик как центр духовного просвещения

Проводы прп. Антония Печерского на Русь в афонской обители «Ксилургу». Худ. В. И. Нестеренко

Древнерусская обитель «Ксилургу» на Афоне. Фото Сергея Шумило, 2016 г.

Древнерусская обитель «Ксилургу» на Афоне. Фото Сергея Шумило, 2016 г.

Древнерусская обитель «Ксилургу» на Афоне. Фото Сергея Шумило, 2016 г.

Древнерусская обитель «Ксилургу» на Афоне. Фото Сергея Шумило, 2016 г.

Древнерусская обитель св. Пантелеимона («Нагорный», или «Старый Русик») на Афоне, башня свт. Саввы Сербского. Фото Сергея Шумило, 2015 г.

Икона всех Афонских Преподобных с картой монастырей Святой Горы. Румынский скит «Продром» на Афоне, 1859 г.

Древнерусская обитель «Старый Русик» на Афоне. Фото XIX в.

Развалины древнерусской обители «Старый Русик» на Афоне. Фото нач. XIX в.

Древнерусская обитель «Старый Русик» на Афоне, сев.-вост. сторона, 1744 г. Рис. В. Григоровича-Барского

Панорама Бреста. Гравюра Э. Дальберга, 1657 г.

«Апофазис» – акт антиунийного Православного Собора в Бресте 1596 г. о низложении епископов, отошедших в унию

Подпись игумена Афонского Пантелеимонова монастыря архим. Матфея под «Апофазисом» – актом антиунийного Православного Собора в Бресте 1596 г.

Начальные страницы переведенного о. Киприаном Острожанином в 1603 г. произведения митр. Гавриила Севира «Синтагматикон»

Запись о копировании о. Киприаном Острожанином рукописи в Остроге 12.02.1598 г.

Святитель Мелетий Пигас и первые послания отца Иоанна Вишенского

Свт. Мелетий I Пигас (1549–1601), папа и патриарх Александрийский, местоблюститель Константинопольского патриаршего престола

Свт. Мелетий I Пигас (1549–1601), папа и патриарх Александрийский, местоблюститель Константинопольского патриаршего престола

Дарственная запись о. Исаакия (Борисковича) на дерманском «Октоихе» 1604 г.

Титульная страница острожской «Книжицы» (в 10 разделах) с посланием старца Иоанна Вишенского «От святое Афонское горы скитствующих» (Острог, 1598)

Портрет Петра Скарги (1536–1612)

Портрет, подпись и печать еп. Ипатия Потия (1541–1613)

Иллюстрация Софии Караффы-Корбут к поэме Ивана Франко «Иван Вишенский», 1970-е гг.

Монашеская реформа в Украине: старец Иоанн Вишенский и его сподвижники

Надвратная башня Дерманского Свято-Троицкого монастыря. Реконструкция Е. Годованюк

Дерманский Свято-Троицкий монастырь. Современный вид

Страницы рукописи Жития прп. Иова (Княгиницкого), где упоминается о старце Иоанне Вишенском

Страницы рукописи Жития прп. Иова (Княгиницкого), где упоминается о старце Иоанне Вишенском

Прп. Иов (Княгиницкий) и прп. Феодосии Манявский

Иллюстрация Софии Караффы-Корбут к поэме Ивана Франко «Иван Вишенский», 1970-е гг.

Угорницкая икона Божией Матери с прп. Иовом Почаевским и прп. Иовом (Княгиницким)

Места отшельнических подвигов прп. Иова (Княгиницкого) и старца Иова Вишенского в Манявском лесу

Места отшельнических подвигов прп. Иова (Княгиницкого) и старца Иова Вишенского в Манявском лесу

Руины Великого скита в Маняве. Худ. А. Лянге, XIX в.

Руины Великого скита в Маняве. Гравюра Леонардо Гроздко, XIX в.

Манявский скит. Современный вид

Манявский скит. Современный вид

Манявский скит. Современный вид

Фрагмент панорамы Львова с гравюры А. Гогенберга, XVII в.

Крестный ход во Львове. Гравюра

Панорама Львова, 1616 г.

Уневский Свято-Успенский монастырь (с. Унев, Львовская обл.). Современный вид

Прп. Иов Почаевский

Дубенский замок. Современный вид

Дубенская Спасо-Преображенская церковь XVI в.

Реконструкция Е. Годованюк

Образ свт. Николая – вклад кн. В.К. Острожского в один из дубенских монастырей. Фото В. Каминского 1919 г.

Прп. Иов (Княгиницкий) Тисменицкий и Манявский

Прп. Иов Почаевский

Оборона Почавской Лавры. Рис. Н. Зубрицкого, 1704 г.

Почаевская Лавра. Акварель Т. Г. Шевченко, 1846 г.

Возвращение на Афон. Скитания и уход в пещерный затвор
Руины Великого скита в Маняве. Почтовая открытка, нач.
XX в.

Руины Великого скита в Маняве. Почтовая открытка, нач.
XX в.

Башня Великого скита в Маняве. Гравюра из книги Ю.
Целевича, 1887 г.

Древнерусский скит «Ксилургу» на Афоне. Фото XIX в.

Святая Гора Афон. Гравюра XIX в.

Руины в древнерусском скиту «Ксилургу» на Афоне до
реставрации. Фото Сергея Шумило, 2013 г.

Болгарский монастырь Зограф на Афоне. Рис. В.
Григоровича-Барского, 1744 г.

Местность, где расположена пещера прп. Космы
Зографского. Фото Сергея Шумило, 2015 г.

Местность, где расположена пещера прп. Космы
Зографского. Фото Сергея Шумило, 2015 г.

Наскальная пещера прп. Космы Зографского, в которой
подвизался в затворе старец Иоанн Вишенский. Фото Сергея
Шумило, 2015 г.

Наскальная пещера прп. Космы Зографского, в которой
подвизался в затворе старец Иоанн Вишенский. Фото Сергея
Шумило, 2015 г.

Внутренний вид пещеры прп. Космы Зографского, в которой
подвизался в затворе старец Иоанн Вишенский. Фото Сергея
Шумило, 2015 г.

Внутренний вид пещеры прп. Космы Зографского, в которой
подвизался в затворе старец Иоанн Вишенский. Фото Сергея
Шумило, 2015 г.

Вид из пещеры прп. Космы Зографского на соседние горы.
Фото Сергея Шумило, 2015 г.

Руины скитских строений внизу под скалой возле пещеры
прп. Космы Зографского. Фото Сергея Шумило, 2015 г.

Казацкий скит «Черный Выр» на Афоне. Фото Сергея
Шумило, 2015 г.

Болгарский монастырь «Зограф» на Афоне. Фото Сергея
Шумило, 2015 г.

Автограф Иоанна Вишенского. Послание игумену Филиппу и всей братии Хиландара на Рождество Христово (между 1619–1632 гг.)

Кончина старца Иоанна. Бессмертие его творений

Митрополит Иов (Борецкий) Киевский, Галицкий и всея Малыя Руси (1560–1631)

Иллюстрация Софии Караффы-Корбут к поэме Ивана Франко «Иван Вишенский», 1970-е гг.

Портрет настоятеля Киево-Печерской Лавры архим. Елисея (Плетенецкого) (1550–1624)

Икона прпмч. Афанасия (Филиповича), игум. Брестского (1596–1648)

Проповедь Иоанна Вишенского (роспись из монастыря Рождества Христова в Жовкве Львовской области). Худ. Юлиан Буцманюк, 1930-е гг. Рядом с Иоанном Вишенским Б. Хмельницкий, И. Мазепа, Г. Гулевичивна и другие православные деятели Украины

Памятник Иоанну Вишенскому в Судовой Вишне (Львовская обл.). Автор проекта Николай Бевз, 1979 г.

Иллюстрации Софии Караффы-Корбут к поэме Ивана Франко «Иван Вишенский», 1970-е гг.

Влияние учения святителя Григория Паламы об Иисусовой молитве и «внешних» и «внутренних» знаниях на взгляды Иоанна Вишенского

Иллюстрация Софии Караффы-Корбут к поэме Ивана Франко «Иван Вишенский», 1970-е гг.

Свт. Григорий Палама, архиеп. Фессалоникийский. Икона нач. XV в.

Свт. Григорий Палама. Современная икона

Рукопись из архива Русского Пантелеимонова монастыря на Афоне, № 328. L033325. Иоанн Вишенский. Зачапка мудраго латынника с глупым русином. 210 л.

Иллюстрация Софии Караффы-Корбут к поэме Ивана Франко «Иван Вишенский», 1970-е гг.

Странствующий старец-слепец возле казачьего Троицкого собора в Новомосковске. Рис. О. Сластиона, XIX в.

Крестьяне возле церкви слушают песнь лирника. Худ. В. Навозов

Духовное наследие афонского старца Иоанна Вишенского
Обложка острожской «Книжицы» (в 10 разделах) с посланием старца Иоанна Вишенского «От святое Афонское горы скитствующих» (Острог, 1598)

Портрет епископа Брестского Ипатия Потия (1541–1613), впоследствии киевского греко-католического митрополита (1599–1613)

Странствующий старец-слепец с лирой и крестьяне с. Скалата в восточной Галиции. Рис. Я. Головацкого, XIX в.

Панорама Бреста. Гравюра Э. Дальберга, 1657 г.

«Проповедь Скарги». Худ. Ян Матейко, 1864 г.
Национальный музей, Варшава

Медаль «На присоединение русинов», изготовленная в Ватикане в честь Брестской унии 1596 г.: изображены папа Климент VIII и сцена приема понтификом Ипатия Потия и Кирилла Терлецкого

Первый греко-католический митрополит Михаил Рогоза (1540–1599)

Киево-Печерская Лавра. Рис. Абрахама ван Вестерфельда, 1651 г.

Собор София Киевская. Рис. Абрахама ван Вестерфельда, 1651 г.

Уездная шляхта Речи Посполитой. Рис. XVIII в.

«Люблинская уния» (1569). Худ. Ян Матейко, 1869 г.

В пещерах Киево-Печерской Лавры. Мироточивые главы. Рис. Абрахама ван Вестерфельда, 1651 г.

В пещерах Киево-Печерской Лавры. Ближние пещеры. Рис. Абрахама ван Вестерфельда, 1651 г.

Афонский отшельник. Фото нач. XX века

Афонский монах. Современный рисунок

Рукопись из Львовской научной библиотеки имени В. Стефаника НАН Украины (Коллекция монастырских рукописей, № 3), XVII в., л. 229 об. (глава 3 «Книжки» Иоанна Вишенского)

Рукопись из Львовской научной библиотеки имени В. Стефаника НАН Украины (Коллекция монастырских рукописей,

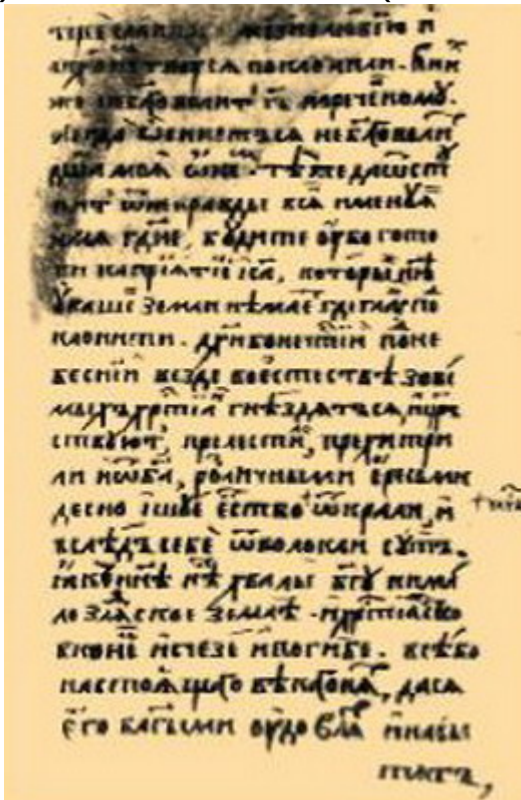
№ 3), XVII в., л. 263 (глава 4 «Книжки» Иоанна Вишенского)

Рукопись из Львовской научной библиотеки имени В. Стефаника НАН Украины (Коллекция монастырских рукописей, № 3), XVII в., л. 270 об. (глава 5 «Книжки» Иоанна Вишенского)

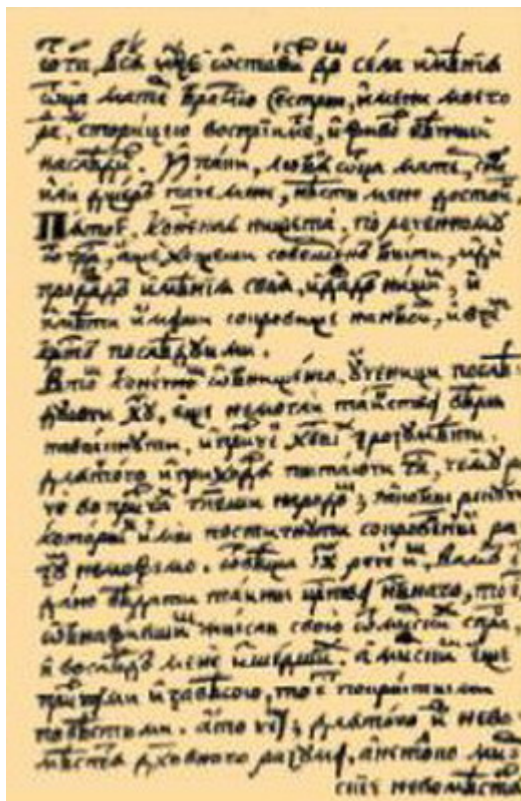
Рукопись из Российской национальной библиотеки в Санкт-Петербурге, собр. Толстого, Q. I, 243, начала XVIII в., л. 63 (глава 5 «Книжки» Иоанна Вишенского)

Рукопись из Государственного исторического музея в Москве, собр. Уварова, № 632 (486), первой половины XIX в., л. 222 («Послание Домникии» Иоанна Вишенского)

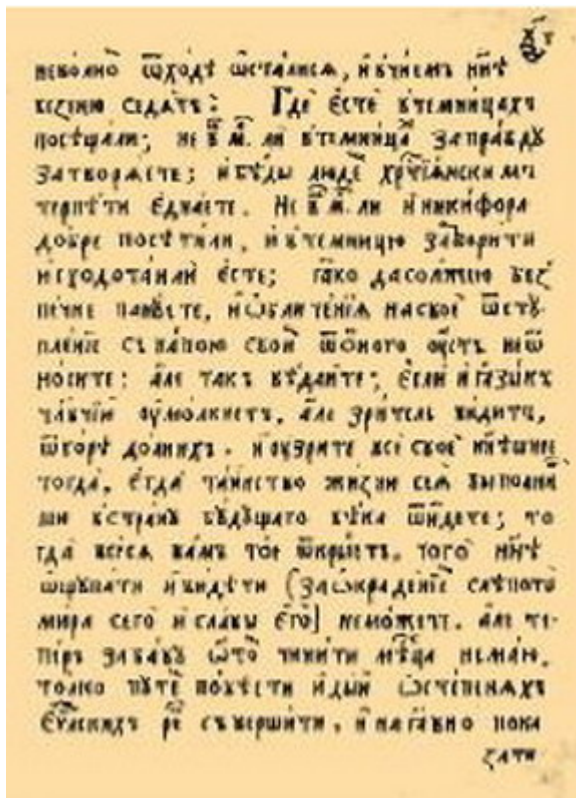
Рукопись из Львовской научной библиотеки имени В. Стефаника НАН Украины (Коллекция монастырских рукописей, № 3), XVII в., л. 229 об. (глава 3 «Книжки» Иоанна Вишенского)

Рукопись из Львовской научной библиотеки имени В. Стефаника НАН Украины (Коллекция монастырских рукописей, № 3), XVII в., л. 263 (глава 4 «Книжки» Иоанна Вишенского)

Рукопись из Львовской научной библиотеки имени В. Стефаника НАН Украины (Коллекция монастырских рукописей, № 3), XVII в., л. 270 об. (глава 5 «Книжки» Иоанна Вишенского)

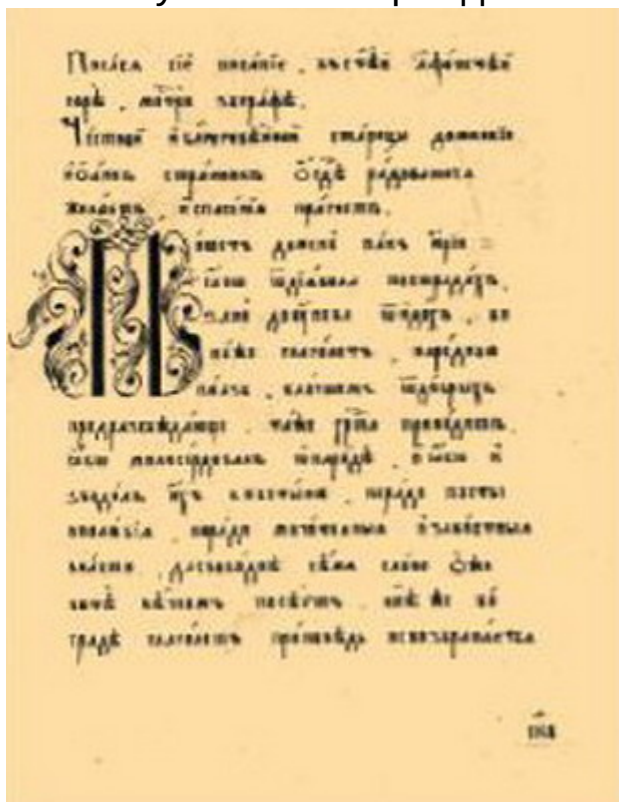

Рукопись из Российской национальной библиотеки в Санкт-Петербурге, собр. Толстого, Q. I, 243, начала XVIII в., л. 63 (глава 5 «Книжки» Иоанна Вишенского)

В основе воззрений и поучений Иоанна Вишенского лежит исихастская идея христоцентричности. Для него прижизненное единение со Христом является главной целью и смыслом жизни. «Толко бы до Христа ся дотиснути, Который блаженную простоту любит и в ней обитель собѣ чинит и там ся упокоивает», – пишет подвижник.³¹⁹

Убеденный последователь исихастского учения святителя Григория Паламы, сподвижник преподобного Иова (Княгиницкого) Тисменицкого и преподобного Иова (Желизо) Почаевского, старец Иоанн Вишенский принадлежит к числу выдающихся отечественных подвижников благочестия. Уйдя в пещерный затвор на Святой Горе Афон, он, сам о том не помышляя, оставил бессмертный след в истории Православной Церкви в Украине, повлияв на ее возрождение после событий Брестской унии 1596 года.

Наследие старца Иоанна – бесценная духовная и литературная сокровищница. Незаслуженно забытое сегодня, оно является важной составляющей как отечественной культуры, так и мировой православной цивилизации. В наше время это наследие обретает новую актуальность и требует более глубокого изучения и возрождения.

Рукопись из Государственного исторического музея в Москве, собр. Уварова, № 632 (486), первой половины XIX в., л. 222 («Послание Домникии» Иоанна Вишенского)

Примечания

¹ - Цитата из письма инок Манявского скита Леонтия члену Львовского братства Н. Золоторуцкому от 9 сентября 1633 г. // Голубев С. Киевский митрополит Петр Могила и его сподвижники. К., 1898. Т. 2. Прил. С. 35.

² - Там же. С. 35.

³ - Советование о благочестии. 1621 // Памятники, изданные Временной комиссией для разбора древних актов. 1845. Т. 1. С. 247–248.

⁴ - Кулиш П. А. История воссоединения Руси. СПб., 1874. Т. 1. С. 310, 318–319.

⁵ - Советование о благочестии... С. 247–248.

⁶ - Франко І. Я. Зібрання творів: У 50 т. К., 1980. Т. 28. С. 260–278.

⁷ - Иоанн Вишенский // Филарет (Гумилевский), еп. Обзор русской духовной литературы, 862–1720. СПб., 1857. С. 169.

⁸ - Кулиш П. А. История воссоединения Руси... Т. 1. С. 310, 318; Кулиш П. А. Отпадение Малороссии от Польши. М., 1888. Т. 1. С. 168–173.

⁹ - Кулиш П. А. История воссоединения Руси... Т. 1. С. 319.

¹⁰ - Еремин И. П. Археографический обзор сочинений Ивана Вишенского // Иван Вишенский. Сочинения. М. – Л., 1955. С. 272–280; Его же. К истории русско-украинских литературных связей в XVII веке. Труды Отдела древнерусской литературы. М. – Л., 1953. Т. 9. С. 291–295; Неменский О. Б., Пидгайко В. Г. Иоанн Вишенский // Православная энциклопедия. М., 2010. Т. 23. С. 387–400.

¹¹ - Архив Русского Пантелеимонова монастыря на Афоне. № 328. L033325. Иван Вишенский. Зачапка мудраго латынника с глупым русином. 210 л.

¹² - Советование о благочестии... С. 247–248.

¹³ -

¹⁴ - Ігнатій з Любартова. Жите и жизнь преподобного отца нашего Іова, и о скончаніи его, и о составленіи святая обители

Скитския, вкратце списано // Зоря Галицкая яко альбум на 1860. Львів, 1860. С. 225–230.

¹⁵ - Четыре сочинения афонского монаха Иоанна из Вишни // Акты, относящиеся к истории Южной и Западной России. СПб., 1865. Т. 2. С. 205–270.

¹⁶ - Голубев С.Т. Киевский митрополит Петр (Могила) и его сподвижники. К., 1883. Т. 1. Прил. С. 67–154, 169–170, 218–225; 1898. Т. 2. Прил. С. 35; Житецкий И.П. Лит. деятельность Иоанна Вишенского // Киевская старина. 1890. Т. 29. №6. С. 494–532 (отд. отт.: К., 1890).

¹⁷ - Сумцов Н. Ф. Иоанн Вишенский: (Южнорус. полемист XVII в.) // Киевская старина. 1885. Т. 11. №4. С. 649–677 (отд. отт.: К., 1885); Завитневич В. З. «Палинодия» Захарии Копыстенского и ее место в истории западнорусской полемики XVI и XVII вв. Варшава, 1889. С. 65–84, 135–139; Крымский А. Е. Иоанн Вишенский, его жизнь и сочинения: (Рец. на: Франко І.Іван Вишенський і його твори. Львів, 1895) // Киевская старина. 1895. Т. 50. № 9. С. 211–247; Т. 51. № 10. С. 1–47 (отд. отт.: К., 1895); Щурат В. Г. До біографії і писань Івана з Вишні // ЗНТШ. 1909. Т. 87. С. 48–63; Грушевський М. С. Історія української літератури. К., 1995. Кн. 2. С. 91–163, 234–266; Перетц В. Н. Иван Вишенский и польск. лит-ра XVI в. // Его же. Исследования и мат-лы по истории старинной укр. лит-ры XVI-XVIII вв. Л., 1926. Т. 1. С. 15–49. (СБОРЯС; Т. 101, № 2); Загайко П. К. Українські письменники-полемісти кін. XVI – поч. XVII ст. в боротьбі проти Ватикану і унії. К., 1957. С. 40–60; Шолом Ф. Я. Иван Вишенский и Максим Грек (Из истории русско-укр. лит. связей XVI – нач. XVII в.) // Слав. филология: Сб. ст. М., 1958. Сб. 3. С. 294–315; Пінчук С. П. Иван Вишенський: Життя і творчість. К., 1968; Пашук А. І. Суспільний ідеал І. Вишенського // Від Вишенського до Сковороди. К., 1972. С. 8–24; Його ж. Иван Вишенський – мислитель і борець. Львів, 1990; Gröschel B. Die Sprache Ivan Vyšens'kyjs: Untersuch. und Materialien zur Mst. Grammarik des Ukmmschen. Köln; W., 1972. (Slavistische Forschungen; 13); Колосова В. П. Автограф Ивана Вишенского // Федоровские чтения. 1978. М., 1981. С. 128–132; Ее же. Иван Вишенский и Павел Домжив-Люткович // Там же, 1979. М., 1982.

С. 2434; Яременко П. К. Иван Вишенський. К., 1982; Пелешенко Ю. В. 1) Дещо про традиції у творчості Івана Вишенського // Українське літературне бароко. К., 1987. С. 131–143; 2) Українська література пізнього середньовіччя (друга половина XIII – XV ст.): Джерела. Система жанрів. Духовні інтенції. К., 2004. С. 226–229; Неменский О. Б., Пидгайко В. Г. Иоанн Вишенский // Православная энциклопедия. М., 2010. Т. 23. С. 387–400; Александров А., Мирошниченко А. Иван Вишенский – взгляд с Афона на мир и место человека в нем // Афонское наследие: научный альманах. Вып.: 1–2: Материалы международной научной конференции «Русь и Афон: тысячелетие духовно-культурных связей». Чернигов, 28–29 ноября 2014 г. Киев – Чернигов: Издание Международного института афонского наследия в Украине, 2015. С. 290–297; Поплавська Н. М. Полемісти. Риторика. Переконування. (Українська полемічно-публіцистична проза кінця XVI – початку XVII ст.): монографія. Тернопіль, 2007. С. 345–378; Її ж. Полемічно-публіцистичний комплекс кінця XVI ст. Острозького культурного осередку: до проблеми поетики тексту // Наукові записки. Серія: Літературознавство / ТДПУ ім. В. Гнатюка. Тернопіль: ТДПУ, 2004. Вип. XIV. С. 127–134; Її ж. Українсько-польський контекст аскетичного ідеалу Івана Вишенського // «Українська школа» в літературі та культурі українсько-польського пограниччя. Київські полоністичні студії: Зб. наукових праць. К., 2005. Т. 7. С. 199–206.

¹⁸ - Иван Вишенский. Сочинения / Под ред. И. П. Еремина. М. – Л., 1955.

¹⁹ - Франко І. Я. Згад. праця. Т. 28. С. 260–278.

²⁰ - Иван Вишенский. Сочинения... С. 10.

²¹ - Там же.

²² - Там же. С. 135.

²³ - Неменский О. Б., Пидгайко В. Г. Указ.соч. С. 387–389.

²⁴ - Франко І. Я. Згад. праця. Т. 27. С. 318–326.

²⁵ - Там само. Т. 28. С. 260–278.

²⁶ - Иван Вишенский. Сочинения. С. 329.

²⁷ - Иеромонах Игнатий з Любарова. Житие и жизнь преподобного отца нашего Иова // Великий Скит у Карпатах: у 3 т. Т. 1.: Патерик Скитський. Синодик. Івано-Франківськ, 2013. С. 45–46.

²⁸ - Шумило С. В. Влияние Святой Горы Афон на духовную, культурную и политическую жизнь Украины XVIII в. // Афон и славянский мир. Сб. 1. Материалы междунар. науч. конф., посв. 1000-летию присутствия русских на Святой Горе. Белград, 16–18 мая 2013 г. Русский Свято-Пантелеимонов монастырь на Афоне, 2014. С. 114–116.

²⁹ - Мицько І. З. Острозька слов'яно-греко-латинська академія. К., 1990. С. 81–115; Гуменюк С. М. Острозький традиціоналізм у контексті української духовності // Вісник Житомирського державного університету ім. Івана Франка. 1998. Вип. 19. С. 101–114; Його ж. Біблійні та візантійські джерела як основа острозького філософського традиціоналізму // Там само. 2007. Вип. 31. С. 11–16.

³⁰ - Ипатий Потий. Антиризис или Апология против Христофора Филарета // Памятники полемической литературы. Русская историческая библиотека, издаваемая Императорской Археографической комиссией. СПб., 1903. Т. 19. Кн. 3. С. 575.

³¹ - Иван Вишенский. Сочинения... С. 111.

³² - Неменский О. Б., Пидгайко В. Г. Указ. соч. С. 387–389.

³³ - Грушевський М. Історія України-Руси. К.: Наукова думка, 1995. Т. 6. С. 443; Флоровский Г., прот. Пути русского богословия. Париж, 1983. С. 31; Мицько І. З. Острозька слов'яно-греко-латинська академія. С. 82; Ісаєвич Я. Українське книговидавництво: витоки, розвиток, проблеми. Львів, 2002. С. 120; Уяновський В. Князь Василь-Константин Острозький: історичний портрет у галереї предків та нащадків. К., 2012. С. 813.

³⁴ - Палинодия. Сочинение Захарии Копыстенского 1621 года // Русская историческая библиотека, издаваемая археографической комиссией. СПб., 1878. Т. 4. Ст. 913.

³⁵ - Вилинский С. Г. Послания старца Артемия (XVI века). Одесса, 1906. С. 289; Мицько І. З. Острозька слов'яно-греко-латинська академія. К., 1990. С. 82.

- ³⁶ - Калугин В. В. Андрей Курбский и Иван Грозный. Теоретические взгляды и литературная техника древнерусского писателя. М.: Языки русской культуры, 1998. С. 73; Августин (Никитин), архим. Афон и Русская Православная Церковь (обзор церковно-литературных связей). Ч. 1 // Богословские труды. М., 1997. № 33. С. 86; Грушевський М. Історія України-Руси. Т. 6. С. 444; Мыцко И. З. Острожский культурно-просветительный центр. Федоровские чтения, 1981 г. М., 1985. С. 57–66.
- ³⁷ - Иван Вишенский. Сочинения. С. 24–25.
- ³⁸ - Шумило С. В. Влияние Святой Горы Афон на духовную, культурную и политическую жизнь Украины... С. 116.
- ³⁹ - Неменский О. Б., Пидгайко В. Г. Иоанн Вишенский... С. 387–389; Франко І. Я. Згад. праця. Т. 28. С. 260–278.
- ⁴⁰ - Колосова В. П. Автограф Ивана Вишенского // Федоровские чтения, 1978. М., 1981. С. 128–132; Ее же. Иван Вишенский и Павел Домжив-Люткович // Федоровские чтения, 1979. М., 1982. С. 24–34.
- ⁴¹ - Волынские Епархиальные ведомости. 1869. № 15. Часть неофициальная. С. 601–605.
- ⁴² - Колосова В. П. Автограф Ивана Вишенского. С. 128; Неменский О. Б., Пидгайко В. Г. Иоанн Вишенский. С. 387–389; Мицько І. З. Острозька слов'яно-греко-латинська академія. С. 86.
- ⁴³ - Мыцко И. Дерманский культурно-просветительский центр // Федоровские чтения, 1978. М., 1981. С. 50.
- ⁴⁴ - Иван Вишенский. Сочинения. С. 55.
- ⁴⁵ - Франко І. Я. Згад. праця. Т. 28. С. 260–278.
- ⁴⁶ - Иван Вишенский. Сочинения. С. 47.
- ⁴⁷ - Там же. С. 24–25, 37–38.
- ⁴⁸ - Там же. С. 168.
- ⁴⁹ - Иеромонах Игнатий з Любарова. Житие и жизнь преподобного отца нашего Иова. С. 61.
- ⁵⁰ - Иван Вишенский. Сочинения. С. 209–210.
- ⁵¹ - Иеромонах Игнатий з Любарова. Житие и жизнь преподобного отца нашего Иова. С. 46.

- ⁵² - Там же. С. 48.
- ⁵³ - Там же. С. 48–49.
- ⁵⁴ - Там же. С. 49.
- ⁵⁵ - Там же.
- ⁵⁶ - Там же. С. 52.
- ⁵⁷ - Иван Вишенский. Сочинения. С. 78.
- ⁵⁸ - Франко І. Я. Згад. праця. Т. 28. С. 260–278.
- ⁵⁹ - Иеромонах Игнатий з Любарова. Житие и жизнь преподобного отца нашего Иова... С. 50.
- ⁶⁰ - Иван Вишенский. Сочинения. С. 209.
- ⁶¹ - Там же. С. 171.
- ⁶² - Там же. С. 169.
- ⁶³ - Там же. С. 62–63.
- ⁶⁴ - Там же. С. 206.
- ⁶⁵ - Роль Русского монастыря на Афоне в борьбе с Брестской унией // Русская лампада на Афоне. Святая Гора: Русский на Афоне Пантелеимонов монастырь, 2016. С. 77–79.
- ⁶⁶ - Actes de Lavra, ed. par G. Rouillardet P. Collomp, vol. I. Paris, 1937. № 18. Р. 51–52; Мошин В. В. Русские на Афоне и русско-византийские отношения в XI–XII вв. // Byzantinoslavica. Росп. XI. 1950. № 1. С. 32–40; Тахиаос А.Э. Русское присутствие на Афоне. XI–XX вв. / Гора Афон. Образы Святой Земли. М.: Индрик, 2011. С. 45; История Русского Свято-Пантелеимонова монастыря на Афоне с древнейших времен до 1735 года. Сер.: «Русский Афон XIX–XX веков». Афон: Русский Пантелеимонов монастырь, 2015. Т. 4. С. 70–71.
- ⁶⁷ - Алексей (Корсак), иером. Русь и Афон: Преподобный Антоний Киево-Печерский – основатель афонского подвижничества на Руси // Афон и славянский мир. Сб. 3. Материалы междунар. науч. конф., посв. 1000-летию присутствия русских на Святой Горе. Киев, 21–23 мая 2015 г. Русский Свято-Пантелеимонов монастырь на Афоне, 2014. С. 23–44; Шумило С. В. Равноапостольный князь Владимир и Русский Афон. К вопросу об основании древнерусского монастыря на Афоне во времена св. князя Владимира

Киевского // Русский Афон, православный портал [Электронный ресурс] / URL: <http://afonit.info/biblioteka/istoriya-russkogo-monastyrya/knyaz-vladimir-kievskiy-i-afon> [дата обращения: 29.07.2015]; Шумило С. В. Преподобный Антоний Печерский и древнерусский Афон. Об афонских корнях русского монашества // Русский Афон, православный портал. [Электронный ресурс] / URL: <http://afonit.info/biblioteka/russkij-afon/antonij-pecherskij> [дата обращения: 25.07.2015].

⁶⁸ - АРПМА. Оп. 16. Д. 1. Док. А000395. Купчая келлии Феодула, игумена обители Богородицы Ксилургу (1030). Л. 1–10б.

⁶⁹ - Там же. Д. 3. Док. А000400. Вознаграждение игумена обители Богородицы Ксилургу (1048). Л. 1–6.

⁷⁰ - Порфирий (Успенский), архим. Указатель актов, хранящихся в обителях Святой Горы Афонской. СПб., 1847. С. 142; Алексей (Корсак), иеромонах. Русь и Афон: Преподобный Антоний Киево-Печерский... С. 23–44.

⁷¹ - Акты Русского на Святом Афоне монастыря св. великомученика и целителя Пантелеимона. К.: Тип. КПЛ, 1873. С. 68–83.

⁷² - АРПМА. Оп. 16. Д. 7. Док. А000376. Акт передачи монастыря св. Пантелеимона монаху Лаврентию, игумену монастыря Богородицы Ксилургу (русского) и его монахам (1030). Л. 1–8.

⁷³ - Акты Русского на Святом Афоне монастыря св. великомученика и целителя Пантелеимона. С. 68–83, 89.

⁷⁴ - Там же. С. 87–88.

⁷⁵ - История Русского Свято-Пантелеимонова монастыря на Афоне с древнейших времен. Т. 4. С. 173, 188, 202, 220–221; Августин (Никитин), архим. Афон и Русская Православная Церковь (обзор церковно-литературных связей). СПб., 2015. С. 34–38.

⁷⁶ - История Русского Свято-Пантелеимонова монастыря на Афоне с древнейших времен. Т. 4. С. 234, 241–244.

⁷⁷ - Иван Вишенский. Сочинения. С. 206.

⁷⁸ - Архив Русского Пантелеимонова монастыря на Афоне. № 328. L033325. Иван Вишенский. Зачапка мудраго латынника с глупым русином. 210 л.

⁷⁹ - Гаврюшина Л. К., Турилов А. А. Исаия Серрский // Православная энциклопедия. М., 2011. Т. 27. С. 141–144; Августин (Никитин), архим. Афон и Русская Православная Церковь... С. 35.

⁸⁰ - Там же. С. 192.

⁸¹ - РГАДА. Ф. 52. Оп. 1. Кн. 1. Л. 70–71 об.; Сношения России с Востоком по делам церковным. СПб., 1858. С. 69; История Русского Свято-Пантелеимонова монастыря на Афоне с древнейших времен. Т. 4. С. 217, 219–220; Акты Пантелеимонова монастыря. С. XVI.

⁸² - Там же.

⁸³ - Российский государственный исторический архив (СПб.). Ф. 823. Оп. 3. Д. 53; Apofasis // Ekthesis, albo Krótkie zebranie spraw, które się działy na partykularnym, to jest pomiesnym synodzie w Brześciu Litewskim. W Krakowie, roku od stworzenia świata, 7104. A od wcielenia Pána naszego Jezusá Christusá 1597. Str. 31–33; Апофазис, декрет Брестского православного собора // Памятники полемической литературы в Западной Руси // РИБ. Т.19. Кн. 3. СПб., 1903. Стб. 329–376; Боротьба Південно-Західної Русі і України проти експансії Ватікану та унії (X – початок XVII ст.): Зб. документів і матеріалів. К., 1988. С. 142–144; Тимошенко Л. В. Берестейська унія 1596 р. Дрогобич, 2004. С. 29–35.

⁸⁴ - АРПМА. Оп. 16. Д. 62. Док. А000407. Грамота Патриарха Иова на милостыню Русику (1591). Л. 1.

⁸⁵ - Там же. Д. 63. Док. А000440. Грамота царя Феодора Иоанновича о приезде в Москву игумена Русику за милостыней (1592). Л. 1–1об.

⁸⁶ - Там же. Оп. 18. Д. 2. Док. А 000586. Фирман Махмудапаши (1569). Л. 1; Порфирий (Успенский), архим. Указатель актов, хранящихся в обителях Святой Горы Афонской. СПб., 1847. № 32–19; Азария (Попцов), иером. По поводу вопроса об Афонском монастыре святого Пантелеимона.

Статьи «Любителя истины». СПб., 1874. С. 107–111; История Русского Свято-Пантелеимонова монастыря на Афоне с древнейших времен. Т. 4. С. 226–228.

⁸⁷ - АРПМА. Оп. 18. Д. 2. Док. А 000586. Фирман Махмудапаши (1569). Л. 1; История Русского Свято-Пантелеимонова монастыря на Афоне с древнейших времен... С. 226–227.

⁸⁸ - Там же.

⁸⁹ - История Русского Свято-Пантелеимонова монастыря на Афоне с древнейших времен. Т. 4. С. 228.

⁹⁰ - РГАДА. Ф. 52. Оп. 1. Кн. 2. Л. 82–83; РГАДА. Ф. 52. Оп. 1. Кн. 2. Л. 64 об. – 67 об.; Димитријевић С. М. Документа хилендарске архиве до XVIII века. Споменник Српске кр. академије, 1922. С. 23, 27; Муравьев А. Н. Сношения России с Востоком по делам церковным. Ч. I. СПб., 1858. С. 137–138; Мошин В. А. Русские на Афоне и русско-византийские отношения // Из истории русской культуры. Т. 2. Кн. 1. Киевская и Московская Русь. М., 2002. С. 315; ЧДОИР. М. 1871. Кн. 1. Отд. 2. С. 63–66; Акты Пантелеимонова монастыря. С. XVII; История Русского Свято-Пантелеимонова монастыря на Афоне с древнейших времен. Т. 4. С. 229–231.

⁹¹ - Иван Вишенский. Сочинения. С. 209.

⁹² - Аспра (греч. ἀσπρῆ, ἀσπρὰ νομίσματα – буквально означает «белый») – византийская серебряная монета, продолжившая хождение и в Османской империи под названием «акче». В Османской империи некоторое время акче была основной денежной единицей.

⁹³ - Иван Вишенский. Сочинения. С. 209.

⁹⁴ - РГАДА. Ф. 52. Оп. 1. Кн. 3. Л. 12; РГАДА. Ф. 52. Оп. 1. Реестр 2, № 4; РГАДА. Ф. 52. Оп. 1. Реестр 1, кн. 3. Л. 202 об-204; Бантыш-Каменский Н. Н. Реестры греческим делам московского архива Коллегии иностранных дел. М., 2001. С. 38–39; Посольская книга по связям России с Грецией (православными иерархами и монастырями). 1588–1594. М., 1988. С. 146–148; Муравьев А. Н. Сношения России с Востоком по делам церковным. Ч. 1. СПб., 1858. С. 231, 261; Азария

(Попцов), монах. По поводу вопроса об Афонском монастыре святого Пантелеимона. СПб., 1874. С. 27, 415; История Русского Свято-Пантелеимонова монастыря на Афоне с древнейших времен... Т. 4. С. 238–343.

⁹⁵ - АРПМА. Оп. 16. Д. 62. Док. А000407. Грамота Патриарха Иова на милостыню Русику (1591). Л. 1; АРПМА. Оп. 16. Д. 63. Док. А000440. Грамота царя Феодора Иоанновича о приезде в Москву игумена Русика за милостыней (1592). Л. 1–1об.

⁹⁶ - История Русского Свято-Пантелеимонова монастыря на Афоне с древнейших времен. Т. 4. С. 242–243; Православная энциклопедия. Т. 4. М., 2002. С. 147.

⁹⁷ - Apofasis // Ekthesis... S. 31–33.

⁹⁸ - Франко І. Я. Згад. праця. Т. 27. С. 318–326.

⁹⁹ - Иван Вишенский. Сочинения. С. 49.

¹⁰⁰ - Акты Пантелеимонова монастыря. С. XIII-XIV.

¹⁰¹ - АРПМА. Оп. 16. Д. 64. Док. А000408. Грамота царя Михаила Феодоровича о приезде в Москву игумена Русика за милостыней (1626). Л. 1.

¹⁰² - Акты Пантелеимонова монастыря. С. XIII-XIV, XIX, 421–422.

¹⁰³ - ΚΤΕΝΑΣ Χρ. Ο Πρώτος του αγίου όρους «Αθω καί ή μεγάλη μέση ή Σύναξις, ΕΕΒΣ 6, 1929. Σ. 280–281; ΟΙΚΟΝΟΜΙΔΗΣ Νίκος. Ίερά Μονή Δοχειαρίου. Κατάλογος του Αρχείου // Βυζαντινά Σύμμεκτα. Αθηνά, 1979. Τ. 3. Σ. 229.

¹⁰⁴ - Советование о благочестии. С. 247–248.

¹⁰⁵ - Ясіновський А. Між Афоном та Венецією: інтелектуальний профіль ранньомодерного руського інтелектуала (приклад Кипріяна Острожаніна) // Афонское наследие: Научный альманах («The Athonite Heritage», a Scholar's Anthology). Вып. 1–2: Материалы международной научной конференции «Русь и Афон: тысячелетие духовно-культурных связей», Чернигов, 28–29 ноября 2014 г. К. – Чернигов: Издание Международного института афонского наследия в Украине, 2015. С. 298–300; Мицько І. Острозька слов'яно-греко-латинська академія... С. 94–95; Грушевський М. С. Історія України-Руси. К. – Львів, 1907. Т. 6. С. 487;

Харлампович К. В. Западнорусскія православныя школы XVI и начала XVII века, отношеніе ихъ къ инославнымъ, религиозное обученіе въ нихъ и заслуги ихъ в дѣлѣ защиты православной вѣры и церкви. Казань: Типолитографія Императорскаго Университета, 1896. С. 274–275.

¹⁰⁶ - Цит. по: Ясіновський А. Вказ. пр. С. 300.

¹⁰⁷ - Тітов Хв. Матеріяли для історії книжної прави на Вкраїні в XVI-XVIII вв.: Всезбірка передмов до українських стародруків. К., 1924. № 13. С. 57.

¹⁰⁸ - Крымский А. Иоанн Вишенский, его жизнь и сочинения // Кримський А. Твори в 5 т. К.: Наукова думка, 1972. Т. 2. С. 402–403.

¹⁰⁹ - Неменский О. Б., Пидгайко В. Г. Указ. соч. С. 387–400.

¹¹⁰ - Иван Вишенский. Сочинения. С. 130.

¹¹¹ - Там же. С. 130–131.

¹¹² - Кулиш П. А. Материалы для истории воссоединения Руси. М., 1877. Т. 1. С. 133.

¹¹³ - Еремин И. П. Иван Вишенский и его общественнолитературная деятельность // Иван Вишенский. Сочинения. С. 293.

¹¹⁴ - Там же. С. 232–233, 293.

¹¹⁵ - Иван Вишенский. Сочинения. С. 69.

¹¹⁶ - Там же. С. 43.

¹¹⁷ - Там же. С. 46.

¹¹⁸ - Иеромонах Игнатий з Любарова. Житие и жизнь преподобного отца нашего Иова. С. 61–62.

¹¹⁹ - Франко І. Я. Згад. праця. Т. 28. С. 260–278.

¹²⁰ - Иеромонах Игнатий з Любарова. Житие и жизнь преподобного отца нашего Иова. С. 61–62.

¹²¹ - Там же. С. 61–62.

¹²² - Иван Вишенский. Сочинения... С. 41; 24–25.

¹²³ - Шумило С. В. Влияние Святой Горы Афон на духовную, культурную и политическую жизнь Украины. С. 115.

¹²⁴ - Власовський І. Нарис історії Української Православної Церкви. Нью-Йорк, 1956. Т. 2. С. 265–266.

¹²⁵ - Карташев А. В. Очерки по истории Русской Церкви. М., 1992. Т. 2. С. 275.

¹²⁶ - Власовський І. Нарис історії Української Православної Церкви. С. 265–266.

¹²⁷ - Куліш П. А. Отпадение Малороссии от Польши. Т. 1. С. 170–173.

¹²⁸ - Огієнко І. Преподобний Іов Почаївський / Огієнко І. Життєписи великих українців. К., 1999. С. 94–95.

¹²⁹ - Иеромонах Игнатий з Любарова. Житие и жизнь преподобного отца нашего Иова. С. 60.

¹³⁰ - Там же. С. 60–61.

¹³¹ - Там же. С. 61–62.

¹³² - Там же. С. 62.

¹³³ - Там же. С. 62–64.

¹³⁴ - Там же. С. 65.

¹³⁵ - Там же. С. 67.

¹³⁶ - Там же. С. 67.

¹³⁷ - Шумило С. В. Влияние Святой Горы Афон на духовную, культурную и политическую жизнь Украины. С. 115.

¹³⁸ - Долотко В. Устав Манявського скиту Животворчого Хреста. Розвиток Уставу і його вплив на інші монастирі. Івано-Франківськ, 2005. С. 46–63, 115–140.

¹³⁹ - Иван Вишенский. Сочинения. С. 162.

¹⁴⁰ - Шустова Ю. Э. Документы Львовского Успенского Ставропигийского братства (1586–1788): источниковедческое исследование. М.: Рукописные памятники Древней Руси, 2009. С. 154.

¹⁴¹ - Иван Вишенский. Сочинения. С. 162, 163.

¹⁴² - Там же. С. 162.

¹⁴³ - Там же. С. 161.

¹⁴⁴ - Иеромонах Игнатий з Любарова. Житие и жизнь преподобного отца нашего Иова... С. 55–56.

¹⁴⁵ - Неменский О. Б., Пидгайко В. Г. Указ. соч. С. 387–389.

¹⁴⁶ - Иван Вишенский. Сочинения. С. 168.

¹⁴⁷ - Иеромонах Игнатий з Любарова. Житие и жизнь преподобного отца нашего Иова. С. 65–67.

¹⁴⁸ - Франко І. Я. Згад. праця. Т. 28. С. 260–278.

¹⁴⁹ - Ульяновський В. І. Князь Василь-Костянтин Острозький: історичний портрет у галереї предків та нащадків. К., 2012. С. 101; Неменский О. Б., Пидгайко В. Г. Указ. соч. С. 387–388.

¹⁵⁰ - Иван Вишенский. Сочинения. С. 34.

¹⁵¹ - Колосова В. П. Иван Вишенский и Павел Домжив-Люткович // Федоровские чтения, 1979. М., 1982. С. 24–34; Ее же. Новые данные к биографии Павла Домжив-Лютковича // Федоровские чтения, 1982. М., 1987. С. 24; Неменский О. Б., Пидгайко В. Г. Указ. соч. С. 387–389.

¹⁵² - Ульяновський В. І. Згад. праця. С. 871–872; Иов Почаевский // Православная энциклопедия. М., 2011. Т. 25. С. 267–280.

¹⁵³ - Колосова В. П. Автограф Ивана Вишенского // Федоровские чтения, 1978. М., 1981. С. 128–132; Ее же. Иван Вишенский и Павел Домжив-Люткович // Там же, 1979. М., 1982. С. 24–34;

¹⁵⁴ - Виталий Дубенский // Православная энциклопедия. М., 2004. Т. 8. С. 557–558; Иов Почаевский // Православная энциклопедия. М., 2011. Т. 25. С. 267–268.

¹⁵⁵ - Иван Вишенский. Сочинения. С. 163.

¹⁵⁶ - Левицкий В. Жизнь и деятельность преподобного Иова (Железо) на пользу Почаевской лавры // Волынские Епархиальные ведомости. 1914. № 13. С. 205–208; Иов Почаевский // Православная энциклопедия. М., 2011. Т. 25. С. 267–280.

¹⁵⁷ - Иеромонах Игнатий з Любарова. Житие и жизнь преподобного отца нашего Иова... С. 62.

¹⁵⁸ - Хойнацкий А. Ф., прот. Преподобный Иов Почаевский и схимонах Иов (Княгиницкий) // Волынские Епархиальные ведомости. 1879. № 13. С. 491.

¹⁵⁹ - Иов Почаевский // Православная энциклопедия. М., 2011. Т. 25. С. 267–280.

¹⁶⁰ - Великий Скит у Карпатах. Т. 2: Великий Скит у документах і матеріалах XVII-XXI ст. / ред. М. Кугутяк. Івано-Франківськ, 2015. С. 273–287.

¹⁶¹ - Порфирий Успенский, еп. Описание монастырей афонских в 1845–1846 гг. СПб., 1848. С. 121; Шумило С. В. «Духовное Запорожье» на Афоне. Малоизвестный казачий скит «Черный Выр» на Святой Горе. К.: Издательский отдел УПЦ, 2015. С. 66.

¹⁶² - Иван Вишенский. Сочинения. С. 171.

¹⁶³ - Там же. С. 209.

¹⁶⁴ - Там же.

¹⁶⁵ - Там же.

¹⁶⁶ - Там же.

¹⁶⁷ - Там же. С. 210.

¹⁶⁸ - Там же. С. 208.

¹⁶⁹ - Там же. С. 171, 206.

¹⁷⁰ - Там же. С. 209.

¹⁷¹ - Там же.

¹⁷² - Акты Пантелеимонова монастыря. С. XVIII; Августин (Никитин), архим. Указ. соч. С. 40.

¹⁷³ - История Русского Свято-Пантелеимонова монастыря на Афоне с древнейших времен. Т. 4. С. 252.

¹⁷⁴ - Акты Пантелеимонова монастыря. С. XVIII; Августин (Никитин), архим. Указ. соч. С. 40.

¹⁷⁵ - Apofasis // Ekthesis... S. 31–33.

¹⁷⁶ - АРПМА. Оп. 16. Д. 64. Док. А000408. Грамота царя Михаила Феодоровича о приезде в Москву игумена Русика за милостыней (1626). Л. 1.

¹⁷⁷ - Акты Пантелеимонова монастыря. С. XIX; Муравьев А. Н. Сношения России с Востоком по делам церковным. СПб., 1860. Ч. 2. С. 36; Азария (Попцов), мон. По поводу вопроса об Афонском монастыре святого Пантелеймона. СПб., 1874. С. 28; Соловьев А. В. История русского монашества на Афоне // Записки Русского научного института в Белграде. Белград, 1932. Вып. 7. С. 154.

¹⁷⁸ - Акты Пантелеимонова монастыря. С. XIX; Муравьев А. Н. Сношения России с Востоком. С. 36; Азария (Попцов), мон. По поводу вопроса об Афонском монастыре. С. 28; Соловьев А. В. История русского монашества на Афоне. С. 154.

¹⁷⁹ - Августин (Никитин), архим. Указ. соч. С. 34–38; История Русского Свято-Пантелеимонова монастыря на Афоне с древнейших времен. Т. 4. С. 173, 188, 202, 220–221.

¹⁸⁰ - Акты Пантелеимонова монастыря. С. XV–XVIII; История Русского Свято-Пантелеимонова монастыря на Афоне с древнейших времен. Т. 4. С. 220–221, 229, 231, 232–233.

¹⁸¹ - АРПМА. Оп. 16. Д. 10. Док. А000404. Договор между монастырями Алипия и святого Пантелеймона об использовании русской обителью принадлежащей обители Алипия якорной стоянки Кале Агра (1422). Л. 1;

¹⁸² - Леонид (Кавелин), архим. О соединении под общим управлением болгарского Рыльского и русского Афонского монастырей. «Чтения в императорском обществе истории и древностей российских при Московском университете». 1869, июль – сентябрь. Кн. 3. С. 5–6; Илков Д. Няколко паметници от Рилския манастир. III. Договор на Рилския манастир с Пантелеймоновския // СНУНК. 1895. Т. 12; Дылевский Н. М. Договор 1466 г. между болгарским Рыльским монастырем и обителью Пантелеймона – Русиком на Афоне. По случаю исполнившегося его пятисотлетия // *Etudes Balkaniques*. V. 5, 1969. № 2. Р. 81–98; Его же. Рыльский монастырь и Россия в XVI–XVII вв. София, 1974. С. 36–38;.

¹⁸³ - Леонид (Кавелин), архим. Указ. соч. С. 5–6.

¹⁸⁴ - Дуйчев И. Русский Пантелеймоновский монастырь на Афоне как центр русско-болгарских связей в период средневековья // *Античная древность и средние века*. Свердловск, 1973. Вып. 10. С. 95.

¹⁸⁵ - Сергей Веснин, иеросхим. Письма святогорца к друзьям своим о Святой Горе Афонской. СПб., 1850. С. 166–167.

¹⁸⁶ - Шумило С. В. Духовное Запорожье на Афоне... С. 35.

¹⁸⁷ - Турилов А. А., Чешмеджиев Д., Масиел Санчес Л. К. Зограф, болгарский монастырь на Афоне // Православная энциклопедия. 2009. Т. 20. С. 301–313.

¹⁸⁸ - Там же; Также см.: История Русского Свято-Пантелеимонова монастыря на Афоне с древнейших времен. С. 288, 295, 299.

¹⁸⁹ - Библиотека Болгарского монастыря Зограф на Афоне. № 77. Руски Зографски Поменик, 1639. 116 л.; Старый шифр: 11.6.16.

¹⁹⁰ - Кодов Х., Райков Б., Кожухаров С. Опис на славянските ръкописи... С. 63. Табл. 77–78; Снегаров И. Културни и политически връзки между България и Русия през XVI-XVIII в. София, 1953. С. 34–35; Турилов А. А., Чешмеджиев Д., Масиел Санчес Л. К. Зограф, болгарский монастырь. С. 301–313.

¹⁹¹ - Снегаров И. Културни и политически връзки. С. 30–31; Турилов А. А., Чешмеджиев Д., Масиел Санчес Л. К. Зограф, болгарский монастырь. С. 301–313; Мердзимекис Н. Связи Афонского монастыря Зографа с царской Россией. С. 251.

¹⁹² - Щапов Я. Н. Собрание рукописных книг И. Я. Лукашевича и Н. А. Маркевича. М., 1959. С. 82–83; Сметанина С. И. Записи XVI-XVII вв. на рукописях собрания Е. Е. Егорова // АЕ за 1963 год. М., 1964. С. 371; Турилов А. А., Чешмеджиев Д., Масиел Санчес Л. К. Зограф, болгарский монастырь... С. 301–313; Неменский О. Б., Пидгайко В. Г. Указ. соч. С. 387–389.

¹⁹³ - Кодов Х., Райков Б., Кожухаров С. Опис на славянските ръкописи... С. 78–80; Турилов А. А. Критерии определения славяно-молдавских рукописей XV-XVI вв. // Хризограф. М., 2005. Вып. 2. С. 152, 165; Турилов А. А., Чешмеджиев Д., Масиел Санчес Л. К. Зограф, болгарский монастырь. С. 301–313.

¹⁹⁴ - Иван Вишенский. Сочинения. С. 208.

¹⁹⁵ - Там же. С. 210.

¹⁹⁶ - Там же. С. 209–210.

¹⁹⁷ - Там же. С. 211.

¹⁹⁸ - Колосова В. П. Иван Вишенский и Павел Домжив-Люткович // Федоровские чтения, 1979. М., 1982. С. 24–34; Ее

же. Новые данные к биографии Павла Домжив-Лютковича // Федоровские чтения, 1982. М., 1987. С. 24; Неменский О. Б., Пидгайко В. Г. Указ.соч. С. 387–389.

¹⁹⁹ - Мицько І. Острозька слов'яно-греко-латинська академія. С. 86.

²⁰⁰ - Неменский О. Б., Пидгайко В. Г. Указ. соч. С. 387–389.

²⁰¹ - Советование о благочестии. С. 247–248.

²⁰² - Голубев С. Указ. соч. Т. 2. Прил. С. 35.

²⁰³ - Там же.

²⁰⁴ - Шумило С. В. Влияние Святой Горы Афон на духовную, культурную и политическую жизнь Украины. С. 127; Его же. Основатель Киево-Братской школы митрополит Исаия (Копинский) и его участие в возрождении православия в Украине // Труды Киевской духовной академии. К., 2015. № 23. С. 146.

²⁰⁵ - Еремин И. П. Иван Вишенский и его общественнолитературная деятельность // Иван Вишенский. Сочинения. С. 226–227

²⁰⁶ - Иван Вишенский. Сочинения... С. 46.

²⁰⁷ - Кулиш П. А. История воссоединения Руси. Т. 1. С. 318–319.

²⁰⁸ - Воссоединение Украины с Россией. Документы и материалы в 3-х т. М., 1953. Т. 2. С. 33, 132; Крип'якевич І. Богдан Хмельницький. К., 1954. С. 85.

²⁰⁹ - Шумило С. В. Влияние Святой Горы Афон на духовную, культурную и политическую жизнь Украины. С. 127; Его же. Основатель Киево-Братской школы митрополит Исаия (Копинский). С. 146.

²¹⁰ - Франко І. Я. Згад. праця. Т. 27. С. 318–326.

²¹¹ - Там же. Т. 28. С. 260–278.

²¹² - Кулиш П. А. История воссоединения Руси. Т. 1. С. 286–287.

²¹³ - Там же. С. 318–319.

²¹⁴ - Шевчук В. О. Иван Вишенський та його послання // Иван Вишенський. Твори. К., 1986. С. 16.

²¹⁵ - Исихазм (от греч. ἡσυχία – покой, безмолвие, уединение) – древневосточная христианская мистическая традиция духовной практики, составляющая основу православного аскетизма и имеющая своим ядром духовное искусство внутреннего созерцания и непрерывного делания Иисусовой молитвы (через внутреннее самопогружение ума в сердце и через него выход в сферу духа), направленных на богопознание и обожение. Нередко сочеталась со сложным комплексом дыхательных психофизических упражнений. Одним из центров исихазма издавна являлись монастыри Афона. Исихастское мировоззрение представляет собой особую систему ценностей, развитую в отдельное богословско-философское направление. Наиболее известные теоретики византийского исихазма – преподобные Иоанн Лествичник, Симеон Новый Богослов, Григорий Синаит, святитель Григорий Палама.

²¹⁶ - Пелешенко Ю. Українська література пізнього середньовіччя (друга половина XIII – XV ст.): Джерела. Система жанрів. Духовні інтенції. К., 2004. С. 226–227.

²¹⁷ - Там само. С. 227.

²¹⁸ - Франко І. Я. Згад. праця. Т. 28. С.260–278.

²¹⁹ - Эйкен Г. История и система средневекового мирозерцания. СПб., 1907. С. 656.

²²⁰ - Иван Вишенский. Сочинения. С. 134.

²²¹ - Там же. С. 164.

²²² - Там же. С. 182.

²²³ - Пелешенко Ю. Указ. соч. С. 228.

²²⁴ - Святитель Григорий Палама. Триады в защиту священно-безмолвствующих. М.: «Канон», 1995. С. 5–344.

²²⁵ - Григорий Палама. Там же. С. 18–25.

²²⁶ - Там же. С. 18.

²²⁷ - Там же. С. 220.

²²⁸ - Там же. С. 18–22.

²²⁹ - Там же. С. 123.

²³⁰ - Там же. С. 122.

- 231 - Там же. С. 18–25.
- 232 - Иван Вишенский. Сочинения... С. 123.
- 233 - Там же. С. 23.
- 234 - Там же. С. 58.
- 235 - Там же. С. 172.
- 236 - Там же. С. 164.
- 237 - Там же. С. 162.
- 238 - Там же. С. 124–125.
- 239 - Там же. С. 124.
- 240 - Там же. С. 125.
- 241 - Там же. С. 123.
- 242 - Там же. С. 23.
- 243 - Там же. С. 162.
- 244 - Там же. С. 164.
- 245 - Там же. С. 45–46.
- 246 - Там же. С. 47.
- 247 - Повесть о святом соборе (автобиография преподобного Паисия Величковского // Преподобный Паисий Величковский. Житие и избранные творения. Серпухов: Наследие православного Востока, 2014. С. 35.
- 248 - Шумило С. В. Основатель Киево-Братской школы митрополит Исаия (Копинский)... С. 135–147; Его же. Влияние Святой Горы Афон на духовную, культурную и политическую жизнь Украины. С. 120–128; Лукашова С. С., Пидгайко В. Г. Исаия Копинский // Православная энциклопедия. М., 2011. Т. 27. С. 134–135.
- 249 - Иван Вишенский. Сочинения. С. 124.
- 250 - Там же. С. 123.
- 251 - Там же. С. 124–125.
- 252 - Там же. С. 166.
- 253 - Неменский О. Б., Пидгайко В. Г. Указ. соч. С. 387–400.
- 254 - Пелешенко Ю. Указ. соч. С. 227.
- 255 - Иван Вишенский. Сочинения... С. 124–125.
- 256 - Там же. С. 124.

- ²⁵⁷ - Там же. С. 182.
- ²⁵⁸ - Там же. С. 182.
- ²⁵⁹ - Шумило С. В. «Мирянське старчество» в духовній традиції українського кобзарства // Релігія в Україні [Електронний ресурс] / URL: <http://www.religion.in.ua/main/history/23860-miryanske-starchestvo-v-duhovnij-tradiciyi-ukrayinskogo-kobzarstva.html> [дата звернення: 05.11.2013].
- ²⁶⁰ - Кушпет В. Старцівство: мандрівні старці-музиканти в Україні (XIX – поч. XX ст.). К.: «Темпора», 2007. С. 307, 309–310.
- ²⁶¹ - ІМФЕ. Ф. 11–4. Од. зб. 860. С. 6.
- ²⁶² - Кушпет В. Згад. праця. С. 209, 211, 275, 323.
- ²⁶³ - Там же. С. 136.
- ²⁶⁴ - Там же. С. 212.
- ²⁶⁵ - Франко І. Я. Згад. праця. Т. 28. С. 260–278.
- ²⁶⁶ - Еремін І. П. Иван Вишенский и его общественнолитературная деятельность // Иван Вишенский. Сочинения... С. 226–227.
- ²⁶⁷ - Еремін І. П. Археографический обзор сочинений Ивана Вишенского // Иван Вишенский. Сочинения. М. – Л., 1955. С. 272–280; Его же. К истории русско-украинских литературных связей в XVII веке. Труды Отдела древнерусской литературы. М. – Л., 1953. Т. 9. С. 291–295; Неменский О. Б., Пидгайко В. Г. Иоанн Вишенский // Православная энциклопедия. М., 2010. Т. 23. С. 387–400.
- ²⁶⁸ - Иван Вишенский. Сочинения. С. 8–129.
- ²⁶⁹ - Кулиш П. А. История воссоединения Руси. Т. 1. С. 286.
- ²⁷⁰ - Иван Вишенский. Сочинения. С. 176–177.
- ²⁷¹ - Кушпет В. Згад. праця. С. 309; Шумило С. В. «Мирянське старчество» в духовній традиції українського кобзарства // Релігія в Україні [Електронний ресурс] / URL: <http://www.religion.in.ua/main/history/23860-miryanske-starchestvo-v-duhovnij-tradiciyi-ukrayinskogo-kobzarstva.html> [дата звернення: 05.11.2013]
- ²⁷² - ІМФЕ. Ф. 11–4. Од. зб. 860. С. 6.

²⁷³ - Несмотря на существующие стереотипы, мирянское движение (своеобразные «братства») незрячих странствующих старцев-кобзарей изначально носило не столько музыкальный, сколько духовно-религиозный характер, а распространенное ныне его наименование, известное как кобзарство, на самом деле не является исторически правильным и утвердилось достаточно поздно, лишь в XIX в. в среде интеллигенции. В народе же, как доказал В. Кушпет, странствующих кобзарей всегда именовали именно «старцами», и такое наименование отвечало начальной сути этого духовного движения. Духовная наука этих братств незрячих странствующих старцев-кобзарей была собрана в т.н. «Устиянские книги» – устные предания «вохресной братии». Это был своего рода устный духовный устав братства странствующих старцев-слепцов. Добавлять или что-то удалять из этих «Устиянских книг» было категорически запрещено. Как говорили сами странники, «они не уменьшаются, не добавляются, а в них только правда сущая сохраняется». Молитвенный репертуар в них составлял отдельную «Книгу», по которой ученики должны были проходить начальное обучение у своих наставников. «Первая наука ... панотец учил меня молитве», – вспоминал ученик странствующих старцев Петро Дригавка. Как было сказано, эта «Книга», по которой ученики странствующих кобзарей учились у них «науке молиться», называлась «молитвач Иоанна Вишенского». К сожалению, содержание этого «молитвача Иоанна Вишенского» до наших дней не сохранилось. Но уже сам факт его существования показывает, что в среде украинских странствующих старцев-слепцов сохранялась память о выдающемся афонском подвижнике. Это предположение подтверждается и тем фактом, что странствующие старцы-кобзари особое значение придавали именно Иисусовой молитве. Причем ими вплоть до XIX в. было сохранено правильное ее наименование (они называли ее именно «молитвой Иисусовой»), тогда как официальной «могилянкой» схоластической традицией ее исихастское понимание и использование было в значительной мере утрачено. Иисусову, или «умную», молитву странствующие старцы-кобзари и их

ученики использовали чаще всего, она была обязательным атрибутом их служения. По примеру монахов-исихастов, ученик, прежде чем зайти к странствующему старцу-«панотцу», у порога должен был обязательно трижды прочитать молитву Иисусову и только после того как старец скажет «Аминь», имел право зайти к нему в жилище. Даже заходя в чужой дом, они первым делом вслух произносили Иисусову молитву. Как говорили сами старцы-кобзари: «Кто этой молитвы в день и вечер читает, того Господь Святым Духом исповедует...» [подробнее об этом: Кушпет В. Старцiвство: мандрiвні старцi-музиканти в Україні (XIX – поч. XX ст.). – К.: Темпора, 2007. 592 с.; Шумило С. В. «Мирянське старчество» в духовній традиції українського кобзарства // Релігія в Україні. Мережевий ресурс. URL: <http://www.religion.in.ua/main/history/23860-miryanske-starchestvo-v-duhovnij-tradiciyi-ukrayinskogo-kobzarstva.html> [дата звернення: 05.11.2013]

²⁷⁴ - Франко І. Я. Згад. праця. Т. 28. С. 260–278.

²⁷⁵ - Иван Вишенский. Сочинения... С. 45.

²⁷⁶ - Там же. С. 134.

²⁷⁷ - Там же. С. 21.

²⁷⁸ - Там же. С. 257.

²⁷⁹ - Там же. С. 145–146.

²⁸⁰ - Там же. С. 7.

²⁸¹ - Там же. С. 7.

²⁸² - Там же. С. 53.

²⁸³ - Там же. С. 53.

²⁸⁴ - Там же. С. 137.

²⁸⁵ - Там же. С. 61.

²⁸⁶ - Там же. С. 165

²⁸⁷ - Франко І. Я. Вказ. праця. Т. 28. С. 260–278.

²⁸⁸ - Иван Вишенский. Сочинения. С. 71.

²⁸⁹ - Там же. С. 24.

²⁹⁰ - Там же. С. 71.

²⁹¹ - Там же. С. 190.

²⁹² - Окружное послание Единой, Святой, Соборной и Апостольской Церкви ко всем православным христианам от 6 мая 1848 года, § 17 // Христианское чтение. 1849. Ч. 2. С. 162.

²⁹³ - Иван Вишенский. Сочинения. С. 92–93.

²⁹⁴ - Советование о благочестии. С. 247–248.

²⁹⁵ - Иван Вишенский. Сочинения. С. 46.

²⁹⁶ - Там же. С. 46.

²⁹⁷ - Там же.

²⁹⁸ - Там же.

²⁹⁹ - Там же. С. 57–58.

³⁰⁰ - Там же. С. 24.

³⁰¹ - Там же. С. 65–66.

³⁰² - Там же. С. 192.

³⁰³ - Там же. С. 102–104.

³⁰⁴ - Шумило С. В. Ідея Києва як «другого Єрусалима» // Високий Вал, 12.04.2001; Його ж. Уявлення про Київ як «другий Єрусалим» в церковно-суспільній думці Русі-України // Із Києва по всій Русі. Зб. матеріалів наукової конференції, присвяченої 1025-літтю Хрещення Київської Русі, 15 травня 2013 р. К., 2013. С. 196–227; Його ж. Київ – другий Єрусалим. Уявлення про Київ як сакральний центр у церковній літературі та суспільній думці Русі-України. К., 2016.

³⁰⁵ - Яковенко Н. Символ «Богохранимого града» у пам'ятках київського кола (1620–1640-ві роки) // Яковенко Н. Паралельний світ. Дослідження з історії уявлень та ідей в Україні XVI-XVII ст. Київ: Критика, 2002. С. 296–330; Его же. Символ «Богохранимого града» у київській пропаганді 1620-1640-х років // Мебіаєла Іа Ucrainica: ментальність та історія ідей. Т. 4. К., 1995. С. 52–75; Сас П. «Єрусалимська» ідея 1620-х років Іова Борецького // Україна крізь віки. Збірник наукових праць на пошану академіка НАН України, професора Валерія Смоля. К., 2010. С. 259–268; Плохій С. Наливайкова віра: козацтво та релігія в ранньомодерній Україні. К.: Критика, 2006. С. 335; Власовський І. Згад. праця. Т. 2. С. 99–100.

³⁰⁶ - Плохій С. Згад. праця. С. 335.

³⁰⁷ - Послание Киевского митрополита Исаии князю Иеремии Корибуту-Вишневецкому, 1631 // Вестн. Юго-Зап. и Зап. России. 1862. Июль. Т. 1. С. 54–55.

³⁰⁸ - Яковенко Н. Символ «Богохранимого града» у київській пропаганді 1620–1640-х років... С. 71–75; Плохій С. Згад. праця. С. 335.

³⁰⁹ - Иван Вишенский. Сочинения. С. 69.

³¹⁰ - Иван Вишенский. Сочинения... С. 70.

³¹¹ - Там же. С. 43.

³¹² - Там же. С. 25.

³¹³ - Там же. С. 211.

³¹⁴ - Там же. С. 217.

³¹⁵ - Там же. С. 218.

³¹⁶ - Там же. С. 218.

³¹⁷ - Там же. С. 166.

³¹⁸ - Там же. С. 27–28.

³¹⁹ - Там же. С. 23–24.